

Свящ. Д. Лебедевъ.

Къ вопросу

ОБЪ АНТІОХІЙСКОМЪ СОБОРѢ 324 ГОДА

и о „великомъ и священномъ соборѣ въ Анкирѣ“.

І.

Разборъ статьи **A. Harnack'a**, Die angebliche Synode von Antiochia im Jahre 324/5 in Sitzungsberichte der königlich - preussischen Akademie der Wissenschaften: 1908. XXVI. Gesamtsitzung

К І Е В Ъ

Типографія Акц. О-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“. Крещатикъ, № 40.

1915.

Печатать дозволяется. 20 марта 1915 г.

Ректоръ Академіи *Епископъ Василій*.

Оттискъ изъ журнала „Труды Императорской Кіев. дух. Академіи“, 1915 г.

Оглавление.

Авторитетъ Гарнакка, какъ оправданіе запоздалаго появленія предлагаемаго разбора (1—3).

I. Неожиданность появленія статьи Гарнакка (3—4). Введеніе Гарнакка и его тенденція (5—6). Аріи, какъ „осужденный“ къ 324 году (6). Былъ ли Евсевій кесарійскій главою „оригенистической средней партіи“? (6—7). „Оцерковленіе“ системы Оригена, какъ причина возникновенія арианскаго спора (7—10) Богословскія партіи въ IV вѣкѣ (10—11). Задачи антиохійскаго собора 324 года (11). На чьей сторонѣ были восточные правые оригенисты въ 324 году? (11—12).— Приговоръ Гарнакка (12—13). Адресъ новооткрытаго посланія, какъ аргументъ за его подлинность (14—16).

II. Начало посланія говоритъ ли противъ его подлинности? (17—21). Непонятная фраза и ея источникъ (21—22). „Ἄγραπτος καὶ ἀναίτιος“ въ новооткрытомъ посланіи, у Александра alexandрійскаго и у арианъ (22—23).

III. Важный недосмотръ Гарнакка (24—25). Признаки доникейскаго происхожденія спорнаго посланія и значеніе ихъ для вопроса объ его подлинности (25—33). [Мнимые „міроправители“, 25,1]. Отсутствие термина ἐπιστολή (25—28). Упомянутое о соборѣ въ Анкирѣ (28—33).

IV. Новооткрытое посланіе „предполагаетъ“ ли „никейскій соборъ“? (33—53). Число „318“ (33—34). „Мужи духовные“: предположенія о нихъ Швартца (35) и Э. Зееберга (36—38). Анаэематизмы: антиохійскій и никейскій (38—47). Отлученіе Евсевія кесарійскаго (47—48) Списки провинцій (48—49) и епископовъ (49—52). Имя Λεόντιος (51—52).

V. „Уступка“ Гарнакка (54) и его новые аргументы. Θεσπις (55). Argumentum a silentio (55—62). Къ вопросу о „средней партіи“ (63—64) Злоупотребленіе терминомъ „полуаріанство“ (64—66). Преувеличеніе Гарнакка (66—67) Была

ли Сирія центромъ антиникейской оппозиціи? (67—72). Опять *argumentum a silentio* (72—73). Отношеніе епископовъ къ Арію въ Антиохіи и въ Никееѣ (73—74). Отлученіе Евсевія кесарійскаго въ Антиохіи стоитъ ли въ противорѣчій съ выступленіемъ его въ Никееѣ? (74—82). Было ли вѣроизложеніе, прочитанное Евсевіемъ въ Никееѣ, проектомъ соборнаго вѣроопредѣленія? (76—79). Снова *argumentum a silentio* (79). Аванасій в. о письмѣ Евсевія къ кесарійцамъ (79—80). Намекъ на отлученіе Евсевія у Маркелла (80—81). Имя „Евсевія“ въ заголовкѣ посланія, какъ интерполяція и по Гарнакку (82—83). Общее сужденіе Гарнакка (83) и выводы изъ критики его аргументаціи (84).

VI. Попытка Гарнакка указать поводъ и цѣль „подлога“ (84—97). Три епископа въ Π^φίλαργος и въ новооткрытомъ посланіи (84—87). Направленъ ли „подлогъ“ противъ Евсевія кесарійскаго? (87—90). Мнимая месть за низложеніе Евстаѳія (90—94). Дѣйствительная месть Евсевія Евстаѳію (94—95) и Асклипію газскому (95—96). Термины ἀτραπὸς καὶ ἀναλλοίωτος указываютъ ли на время монофиситскихъ споровъ? (96—97). Гарнаккъ о подлогахъ вообще и о „*fraudes Syrogum*“ въ частности (98—100). Въ одной ли рукописи дошло до насъ спорное посланіе? (100—101). Можно ли обвинять сирійцевъ въ особой охотѣ къ подлогамъ? (101—102). Значеніе новооткрытаго посланія для исторіи (103). Тенденціозность Гарнакка (103—104).

VII. Вопросъ о соборѣ въ Анкирѣ. Посланіе Константина съ упоминаніемъ о соборѣ въ Анкирѣ (104—105). Можно ли относить это упоминаніе къ помѣстному анкирскому собору? (105—108). Возраженія Гарнакка противъ подлинности этого посланія и ихъ несостоятельность (108—121). Почему не дошло до насъ первое письмо Константина, приглашавшее епископовъ въ Анкиру? (110—112). Слогъ письма (112—113). Анкира, какъ мѣсто соборовъ (114—115). Примѣры перемѣны мѣста соборовъ (115—117). *Argumentum a silentio* (117—120). Отсутствіе повода къ подлогу (120—121). Причины превращенія восточнаго анкирскаго собора во вселенскій никейскій (121—126).

Къ вопросу объ антиохійскомъ соборѣ 324 года и о „великомъ и священномъ соборѣ въ Анкирѣ“.

I.

Разборъ статьи *A. Harnack'a*, Die angebliche Synode von Antiochien im Jahre 324/5. (Sonderabdruck изъ Sitzungsberichte der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften 1908, XXVI. Gesamtsitzung 14 Mai).

Предлагаемый разборъ первой попытки А. Гарнакка доказать неподлинность, открытаго въ 1905 году Э. Швартцемъ въ сирекѣ Codex Parisinus 62, посланія антиохійскаго доникейскаго собора къ Александру, епископу „Новаго Рима“ (на дѣлѣ же сссалоникскому), написанъ былъ мною въ январѣ 1909 года—подъ первымъ впечатлѣніемъ только что полученной мною статейки Гарнакка и раньше, чѣмъ получилъ я (въ февралѣ того-же года) отвѣтъ на нее самого Швартца (Zur Geschichte des Athanasius, Mittheilung VII). Только очень немногое изъ этой замѣтки включено было мною въ мою, появившуюся въ 1911 году въ „Христіанскомъ Читаніи“, статью: „Антиохійскій соборъ 324 года и его посланіе къ Александру, епископу сссалоникскому“. Polemika съ Гарнаккомъ въ статьѣ этой—по необходимости—сведена была къ возможному minimum'у, и читатель едва ли въ состояніи самъ убѣдиться по этой моей статьѣ, что вся polemika Гарнакка противъ Швартца представляетъ собою, какъ выразился я [стр. 844 (14)], „сплошное недоразумѣніе“.—Между тѣмъ статейки Гарнакка, не смотря на основательный отвѣтъ, данный ему самимъ Швартцемъ, продолжаютъ—благодаря авторитету берлинскаго богослова—производить впечатлѣніе, и не дагѣе, какъ въ 1913 году, одинъ изъ самыхъ

выдающихся современных историковъ церкви, авторъ статей объ арианствѣ и о дѣятеляхъ его эпохи въ 3-мъ изданіи протестантской реальной энциклопедіи *Hauck'a—Фридрихъ Лоофса* заявить, будто Гарнакъ „побѣдоносно оспаривать“ противъ Шварца историческую дѣйствительность антиохійскаго собора 324 года¹⁾. И даже вышедшее въ томъ же 1913 году изслѣдованіе Э. Зееберга, *Die Synode von Antiochien im Jahre 324/25*. Berlin (Neue Studien zur Geschichte der Theologie und der Kirche hrsg. v. N. Bonwetsch und R. Seeberg, 16 Stück), гдѣ подлинность спорнаго посланія доказывается подробно и обстоятельно, не всѣхъ убѣдило въ правотѣ Шварца: изъ двухъ рецензентовъ этой книги, какъ сообщаетъ мнѣ проф. А. И. Бриллиантовъ, одинъ²⁾ соглашается съ Зеебергомъ, другой³⁾ высказываетъ сомнѣнія.

Поэтому и запоздавшее появленіе въ печати моего разбора статей Гарнакка будетъ, кажется, не совсемъ излишне. Отвѣтъ Шварца Гарнакку не антиквируетъ даже и предлагаемаго здѣсь разбора 1-й статьи Гарнакка, такъ какъ Шварцъ, какъ не богословъ, не пытается освѣтить вопросъ о новооткрытомъ документѣ съ историко-догматической точки зрѣнія, тогда какъ главная задача моей полемики—показать, что скенсieur берлинскаго профессора не имѣетъ почвы даже и въ этомъ отношеніи. На 2-ю статью Гарнакка Шварцъ не отвѣтилъ вовсе. Что же касается Э. Зееберга,

¹⁾ *Hauck RE³ B. 23 (1913), S. 114* [Ergänzungen zu „Arianismus“]: Von den Resultaten der durch glänzendste Gelehrsamkeit ausgezeichneten Arbeiten von E. Schwartz (VI u. VII) ist die auf einer syrischen Quelle fussende Annahme, dass schon 324 in Antiochien eine antiarianische Synode gehalten sei, von Harnack [m]eines [E]rachtens *siegreich bestritten worden* (so auch Krüger, Handbuch I, 173 und F. Nau, Revue de l'Orient chrét. 14, 1909, S. 12 ff. [въ дѣйствительности Но не оспариваетъ подлинности согласно документа, найденнаго Шварцемъ, но относить это посланіе къ антиохійскому собору 341 года. О полной несостоятельности этого предположенія см. Хр. Чт. 1911, 842—3 (=Авт. соб. 12—13)]

²⁾ *Jordan*—въ Theologische Litteraturblatt, 1913, № 21 с. 420 I. Также *Krüger* въ Theol. Literaturzeitung 1914, № 1, Sp. 12—16.

³⁾ *Scherrmann*—въ Historische Jahrbücher der Görresgesellschaft 1913, B. XXXIV. Heft. 3, SS. 572—4.

то онъ не даетъ въ своей книгѣ изложенія полемики между Гарнаккомъ и Швартцемъ и не входитъ въ разборъ ихъ аргументаціи, а пытается вести дѣло положительнымъ путемъ,—при подробномъ анализѣ содержанія спорнаго посланія указываетъ въ немъ такіе признаки, которые говорятъ за его подлинность. Между тѣмъ имя профессора Адольфа Гарнакка—по справедливости—пользуется такимъ авторитетомъ въ богословской наукѣ, что вѣроятно многіе не рѣшатся признать подлинность новооткрытаго посланія исключительно потому, что противъ нея высказался Гарнакъ. Чтобы отстранить этотъ авторитетъ, необходимо подробно разобрать всю его аргументацію и, если можно, указать и самую причину его ошибки—не совѣсть правильное понятіе о положеніи церковныхъ партій въ 324—5 гг.

Воспроизвожу разборъ 1-й статьи Гарнакка почти въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ въ началѣ 1909 года. Тѣ мѣста, которыя вошли въ печатную статью въ Хр. Чит. 1911 г., замѣняю ссылками на эту статью. Гдѣ это необходимо, дѣлаю, понятно, и добавленія—по большей части ссылки на появившуюся послѣ литературу (главнымъ образомъ статьи Швартца и книгу Э. Зееберга) и измѣненія.

I.

Когда я осенью 1907 года, послѣ тщательнаго изученія статьи Швартца съ новооткрытымъ посланіемъ антиохійскаго собора (*Zur Geschichte des Athanasius, Mittheilung VI*), убѣдившись самостоятельно въ подлинности изданныхъ новыхъ документовъ, началъ писать о нихъ довольно большое (до сихъ поръ не опубликованное въ цѣломъ) изслѣдованіе, гдѣ и въ голову не приходило, что кто-либо—послѣ аргументаціи Швартца—рѣшится оспаривать ихъ подлинность и объявить посланіе антиохійскаго собора 324 года грубѣйшимъ подлогомъ 6—7 вѣка, а самый соборъ этотъ отнести въ область мифовъ. Но случилось то, чего я никакъ не могъ предвидѣть.

Еще въ 1907 году *Дюшенъ* въ своей замѣчательной *Histoire ancienne de l' Eglise* заявили сомнѣніе въ подлинности какъ *τῶν τ' α* Александра александрійскаго (отрывокъ изъ котораго, сохранившійся въ сирскомъ переводѣ, тоже изданъ Швартцемъ въ переводѣ на греческій и признается имъ подлиннымъ), такъ и посланія собора 324 года; но аргументовъ за то не приводилъ никакихъ. Было ясно, что знаменитый ученый не изучалъ этихъ документовъ детально.

А. Гарнаккъ во 2-мъ изданіи своей *Die Mission* (II, 194) не заявлялъ еще никакого сомнѣнія въ подлинности изданнаго Швартцемъ посланія. Но въ цитованномъ рефератѣ этотъ корифей нѣмецкой церковно-исторической науки, какъ показываетъ уже самое заглавіе, высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ подлинности этого посланія антиохійскаго собора 324 года, а самый этотъ соборъ признаетъ выдуманнѣйшимъ. Разбору этого посланія Гарнаккъ посвящаетъ 12 страницъ (SS. 477—89). Кроме того, въ особомъ *Anhang* въ 2 страницы (SS. 489—91) онъ доказываетъ подложность 3-го документа, изданнаго Швартцемъ—указа Константина в., которымъ онъ переноситъ въ Никею соборъ, назначенный раньше въ Анкиру галатійскую.

Можно бы подумать, что Гарнаккъ дѣйствительно изучилъ эти два документа серьезно и нашелъ въ нихъ такіе признаки, которые говорятъ противъ ихъ подлинности.

Не отрицая той возможности, что къ мнѣнію Гарнакка—подчинившись его научному авторитету—присоединятся весьма многіе на западѣ (эта возможность теперь отчасти перешла и въ дѣйствительность), я долженъ однако сказать, что въ дѣйствительности Гарнаккъ не привелъ ни одного сколько нибудь серьезнаго довода противъ подлинности открытаго Швартцемъ антиохійскаго посланія, и вся его аргументація покоится на рядѣ недоразумѣній. Ознакомленіе съ его статейкой только убѣдило меня въ томъ, что противъ подлинности этого высоко важнаго историческаго документа никакихъ серьезныхъ аргументовъ и представить невозможно.

Статья Гарнакка состоитъ изъ введенія и 4-хъ главъ.

Введение—очевидно для эффектного контраста съ выводомъ—начинается такими словами: „Одинъ изъ важнѣйшихъ сирскихъ каноническихъ кодексовъ, какой только мы имѣемъ, есть Cod. Paris Syr. 62 (olim Sangerm. 38). По этой рукописи де-Лагардь издалъ такъ называемое „Apostolische Kirchenordnung“ и сирскую *Διασκαλία*, а Кюртонъ и Ляйтфутъ—*Ignatiana*. —Далѣе, упомянуть объ изданномъ Швартцемъ посланіи, Гарнакъ указываетъ, какое важное значеніе имѣлъ бы этотъ документъ въ случаѣ его подлинности. Если тотъ результатъ, къ какому пришелъ Швартъцъ въ своей статьѣ, правиленъ, т. е. если мы имѣемъ на данныхъ листахъ сирской рукописи (f. 144—147) „дотолъ неизвѣстное посланіе дотолъ неизвѣстнаго антиохійскаго собора“ конца 324 года, то этотъ результатъ, по мнѣнію Гарнакка,—„означаетъ полный переворотъ нашихъ представленій о предварительной исторіи никейскаго собора; вѣдь мы узнаемъ отсюда, что за нѣсколько мѣсяцевъ до никейскаго (собора) заседалъ большой соборъ изъ 59-и епископовъ въ Антиохіи, исповѣдавъ православіе и —третируя Арія, какъ уже осужденнаго—Евсевія кесарійскаго, Θεодота лаодикійскаго и Наркисса пероніадскаго“ подвергъ временному (*vorläufig*) отлученію. Гарнакъ находитъ, что „нѣтъ надобности распространяться“ о томъ, „о чемъ говорить то, что до никейскаго собора великій восточный соборъ не только безусловно согласился съ Александромъ александрійскимъ, но и осудилъ главу оригенистической средней партіи (*Mittelpartei*), великаго ученаго Востока Евсевія. Когда собрались въ Никеѣ, Востокъ уже высказался, и именно въ православномъ смыслѣ, и Евсевій пришелъ на соборъ, какъ осужденный!“.

Уже здѣсь, такимъ образомъ, Гарнакъ хочетъ подготовить читателя къ своему выводу, что новый документъ есть подлогъ. Ему кажутся совершенно неправдоподобными въ этомъ посланіи прежде всего слѣдующія подробности: а) то, что это посланіе „третируетъ Арія, какъ уже осужденнаго“; б) отлученіе, наложенное на Евсевія кесарійскаго, главу оригенистической *Mittelpartei*, который, такимъ обра-

зомъ, явился на никейскій соборъ, „какъ осужденный“; в) повидимому Гарнакъ не допускаетъ и того, чтобы антiохійскій соборъ могъ безусловно согласиться съ Александромъ александрійскимъ.

Признаюсь, я во всемъ этомъ не нахожу ничего неправдоподобнаго.

а) Аріи къ концу 324 года безспорно были уже не только „осужденъ“, но и низложенъ александрійскимъ соборомъ, на которомъ присутствовали около 100 епископовъ Египта; и съ этимъ рѣшеніемъ александрійскаго собора согласились всѣ тѣ епископы, которые подписали *тѣмъ* Александра. А слѣдовательно подвергать Арію (который къ тому же на антiохійскомъ соборѣ и не присутствовалъ, да и не былъ епископомъ, а лишь пресвитеромъ) отлученію, какъ Θεодота, Наркисса и Евсевія, отцы антiохійскаго собора не имѣли никакой надобности: разъ они одобрили дѣйствія Александра александрійскаго, то они уже *eo ipso* признали Арію *sunt sociis* низложенными.

б) Объ отлученіи, наложенномъ на Θεодота, Наркисса и Евсевія, до 1905 года мы, конечно, ничего не знали, но самъ по себѣ этотъ фактъ не содержитъ ничего невѣроятнаго. Евсевій кесарійскій безспорно былъ (для своего времени) и „великій ученый“ и оригенистъ. Но считать его главою восточной средней партіи, въ смыслѣ партій, занявшей нейтральное положеніе въ спорѣ между Аріемъ и Александромъ, не склонявшейся рѣшительно ни на ту, ни на другую сторону—большая ошибка. Въ дѣйствительности Евсевій кесарійскій съ самаго начала спора принялъ сторону Арія и дѣйствовалъ въ его пользу не менѣе рѣшительно, чѣмъ самъ Евсевій никомидійскій. Изгнанные изъ Александрии Аріи *sunt sociis* прежде всего удалились въ Палестину и тамъ встрѣтили очевидно самый благосклонный пріемъ у митрополита кесарійскаго. Въ своемъ письмѣ къ солукіанясту Евсевію (Theodoret, h. e. I, 5) Аріи перечисляютъ по именамъ 6 епископовъ Палестины и Сиріи, которыхъ считаетъ своими единомышленниками. Въ числѣ ихъ на *первомъ*

мѣстѣ стоитъ имя Евсевія. И Евсевій никомидійскій въ своемъ письмѣ къ Павлину тирскому (Thdr. I, 6) убѣждаетъ этого вліятельнаго епископа именно примѣромъ Евсевія кесарійскаго—принять участіе въ защитѣ Арія. Палестинскій (вѣроятно, кесарійскій) соборъ, собиравшійся подъ главнымъ руководствомъ Евсевія кесарійскаго, Павлина тирскаго и Патрофила екивопольскаго, сдѣлать для Арія и его союзниковъ больше, чѣмъ даже виеннскій (никомидійскій) соборъ, предводимый другимъ Евсевіемъ. А письмо Евсевія къ кесарійской партіи доказываетъ, что онъ даже и на никейскомъ соборѣ, подписавъ его символъ, не отрекся отъ своихъ симпатій къ ученію Арія: никейскіе термины онъ истолковываетъ такъ, что въ этомъ смыслѣ ихъ могъ бы подписать и самъ Арій. Съ Аріемъ Евсевій былъ согласенъ, какъ доказываетъ и это посланіе и другія его сочиненія, въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ его системы: какъ и Арій, онъ держался того взгляда, что рожденіе Сына есть актъ временный, а не вѣчный, и сдѣдовательно было, когда не было Сына¹⁾.

Въ этомъ существенномъ пунктѣ Евсевій расходился съ ученіемъ Оригена. Объясняется это тѣмъ, что въ системѣ Оригена ученіе о вѣчномъ рожденіи *Сына* тѣсно связано съ ученіемъ о вѣчномъ твореніи *міра*. Но это послѣднее ученіе было непріемлемо для „церковнаго богословія“, однимъ изъ представителей котораго былъ Евсевій. Но, отвергая ученіе о вѣчномъ твореніи міра, эти „церковные богословы“

купно съ плевелами востокали и пшеницу: признавали и самое рожденіе Сына актомъ такимъ же временнымъ, какъ и твореніе міра, хотя и предшествовавшимъ творенію. Арій отсюда дѣлалъ и дальнѣйшій логическій выводъ: если Сынъ Божій родился во времени, то Онъ и не „рожденъ“ въ собственномъ смыслѣ слова, не произошелъ изъ самого существа Отца, которое неизмѣнимо, а созданъ изъ ничего, ἐξ ὀυκέντων, какъ и міръ, и все Его преимущество предъ осталь-

¹⁾ Euseb. c. Magg. 2, 12—у меня въ Хр. Чт. 1911. стр. 1011 (=Авт. соб. 31), прим. 53 и текстъ къ этому примѣчанію.

ними тваримъ заключається въ томъ, что Онъ созданъ раньше всѣхъ ихъ, Единный изъ Единого, и потому Онъ есть *Μονογενής*, и „черезъ Него“ Отецъ создалъ и Святаго Духа и всѣ прочія твари.—Въ этомъ пунктѣ Евсевій кесарійскій расходился съ Аріемъ и приближался къ самому Оригену. Но нужно замѣтить, что выраженіе *ἐξ ὧν ὄντων* не встрѣчается и у Евсевія никомидійскаго ¹⁾). Впрочемъ, это было съ ихъ стороны скорѣе уступкою церковной традиціи, чѣмъ ихъ дѣйствительнымъ искреннимъ убѣжденіемъ. Въ своемъ письмѣ къ кесарійцамъ, оправдывая свою подпись подъ анаоематизмомъ никейскаго символа, Евсевій ссылается лишь на то, что *ἐξ ὧν ὄντων*, какъ и *ἦν πρὸς ὅτι ὄν* не встрѣчается въ Священномъ Писаніи.— Преимущество послѣдовательности было на сторонѣ Арія, а оба Евсевія на вопросъ, какъ же именно родился Сынъ, почему Его рожденіе не внесло измѣненія въ существо Самого Отца, могли отвѣтить только ссылкой на непостижимость рожденія Сына.

Съ другой стороны оригенистомъ былъ (въ гораздо большей степени, чѣмъ это допускаетъ Гарнакъ) и св. Александръ александрійскій. И для него, какъ для Оригена, было дорого ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ особой ипостаси — природѣ (*φύσις*), и о Богѣ Отцѣ, какъ Единомъ Начатѣ Божества и потому большемъ Сына. Но, не раздѣляя оригеновскаго ученія о вѣчномъ твореніи міра, св. Александръ однако очень дорожилъ его ученіемъ о Сынѣ, какъ Вѣчномъ Словѣ и Премудрости Отца, какъ [неразличномъ (*ἀπαράλληκτος*) ²⁾

¹⁾ См. мою статью: „Евсевій никомидійскій и Лукіанъ“ въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1912 г. апрѣль—май. Стр. 13—16 отъиска.

²⁾ О смыслѣ термина *ἀπαράλληκτος* (= „неотличный“, а „вѣнзвѣтный“) см. В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви. IV, 59, 1. Ср. Его же, Ученіе Оригена о Св. Троицѣ, стр. 321.—У самого Оригена, выраженіе *ἀπαράλληκτος λόγος* въ приложеніи къ Сыну, повидимому, не встрѣчается, и „въ пылу полемики“ онъ утверждалъ даже, что „Сынъ есть сіяніе не Бога, а славы Его, испареніе не Отца, а сына Его“. Orig. in Joh. t. 13, 25 p. 235, 441, 444 у В. В. Болотовъ, Ученіе Оригена. 274, прим. ср. Лекціи I, с.—Но фактъ, что оно стоитъ въ символѣ Лукіана, показываетъ, что оно было обычнымъ у послѣдователей Оригена не только въ Александріи, но и на Востокѣ.

Образъ Отца, во всемъ подобномъ Ему. Отсюда Александръ дѣлалъ и тотъ дальнѣйшій логическій выводъ, что, следовательно, Сынъ Божій есть совершенно такой же Богъ, какъ и Самъ Отецъ, и вся разность между ними состоитъ въ томъ, что Сынъ не есть нерожденный, какъ Отецъ (*μόνος τῶ ἀγεννήτῳ λατόμενον ἐκείνου*).—Поэтому св. Александръ и вооружается со всею силою противъ арианскаго ученія о Сынѣ, какъ твари, происшедшей во времени и изъ ничего.

Весь споръ, такимъ образомъ, возгорѣлся на почвѣ оригеновой догматической системы. Онъ былъ результатомъ ея, какъ выражается Лоофсъ, „оцерковленія“, *Verkirklichung* 1).

И нѣсколько неудивительно, что съ прецедентомъ арианскаго спора мы встрѣчаемся уже въ III вѣкѣ (споръ двухъ Діонисіевъ).

Даже въ системѣ самого Арія элементы, заимствованные (черезъ посредство Лукіана) изъ системы Павла самосатскаго, имѣли побочное значеніе 2). Въ цѣломъ же его система представляла собою дальнѣйшее развитіе оригеновскаго ученія о Сынѣ, какъ особой ипостаси—существомъ (*οὐσίᾳ*), во всемъ меньшемъ Отца и подчиненномъ Ему II не двойственный порядокъ мыслей въ системѣ самого Оригена 3) былъ причиною этого дальнѣйшаго движенія богословской

1) *F. Loofs, Leitfaden zum Studium der Dogmengeschichte*. 4-te, völlig umgearbeitete Auflage, Halle a. S. 1906. S. 221—222. Ср. *Его же, Die Trinitätslehre Marcell's von Ancyra und ihr Verhältniss zur älteren Tradition*, Sonderabdruck изъ Sitzungsberichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1902. XXXIII. S. 3.

2) Ср. *F. Loofs, DG⁴, 234, 2*. Der durch Alexander v. Alex., den Gegner des Arius, betonte Zusammenhang desselben mit Paul v. Samosata ist für das Verständniss der arianischen Christologie kaum von Bedeutung. Ср. однако мою статью „Евсевій виконидійскій и Лукіанъ“, въ Богосл. Вѣстн. 1912, апрѣль—май.

3) Теорія о двухсторонности ученія Оригена о Логосѣ особенно ясно развита Лоофсомъ, *DG⁴, 193—195*, стр. 221. Но въ основѣ ея лежитъ мѣсто изъ апологии Памфила, о которомъ см. *В. В. Болотовъ, Ученіе Оригена о Св. Троицѣ*, стр. 269.—О томъ, что Оригенъ отвергалъ терминъ *ὁμοούσιος*, см. тамъ же, стр. 273—282.—Ср. мою статью: „Павлинъ и Зивонъ, епископы тирскіе“, въ *Визант. Врем.*, т. XX (1913), отд. I, стр. 170 [110]. прим.

мысли (ученіе о „единосущіи“ Сына съ Отцомъ у Оригена находятъ, опираясь на апологію Памфила, переведенную и „исправленную“ Руфиномъ: на дѣлѣ же Оригенъ отвергалъ этотъ терминъ), а его ученіе о вѣчномъ твореніи міра, неприемлемое для Церкви. Въ томъ, что міръ не вѣченъ, согласны были и Аріи и св. Александръ. Но они диаметрально расходились между собою въ отношеніи къ оригеновскому ученію о вѣчномъ рожденіи Сына: и Евсевій кесарійскій въ этомъ вопросѣ былъ на сторонѣ Арія, тогда какъ св. Александръ тутъ оставался вѣрнымъ послѣдователемъ Оригена.

Слѣдовательно, настоящихъ, чистыхъ оригенистовъ въ IV вѣкѣ уже не существовало въ видѣ сплоченной, болѣе или менѣе вліятельной партіи (вѣчнаго творенія міра не допускали и оміусіане); а Евсевій кесарійскій былъ главою не „оригенистической *средней* партіи“, а *лѣваго центра*; а св. Александръ былъ главою *праваго центра*. Крайнюю лѣвую составляли Аріи и его вѣрные послѣдователи: *крайнюю правую*—западные и тѣ ревнители на востокѣ, которымъ и ученіе св. Александра казалось недостаточно православнымъ. Воздемъ этихъ ревнителей въ Александрію былъ архиепископъ Коноуш¹⁾.

¹⁾ В. В. Волотовъ, Лекціи IV, 73 дѣлитъ на 4 фракціи однихъ арианствующихъ: 1) крайняя лѣвая—эзіане и евноміане, 2) лѣвый центр—евсевіане, 3) правый центр—акакіане, 4) крайняя правая—василіане. И это дѣленіе имѣетъ свои основанія, такъ какъ Евсевій никоидійскій и Евсевій кесарійскій были представителями различныхъ богословскихъ школъ, равно какъ и впоследствии ученіе преемника Евсевія Акакія кесарійскаго болѣе приближалось къ оміусіанскому, ученіе же Евдоксія германійскаго—антіохійскаго—константинопольскаго гораздо ближе стояло къ аномейству. Исторически однако послѣ 357 года существовали не 4, а только 3 группы антиникейцевъ: 1) оміусіане, предводимые Василіемъ анкирскимъ, ученіе которыхъ почти не различалось отъ ученія св. Александра александрійскаго и которое признавало православнымъ и Аеवासій в., 2) „оміи“, во главѣ которыхъ стояли Акакій, Евдоксій, Урсакій и Валентъ и 3) аноміи. Что Евдоксій въ душѣ едва ли не былъ и самъ аноміемъ, это безспорно; но выдѣлять его въ особую группу нѣтъ основаній, такъ какъ формально даже и оміевъ трудно различить и отъ оміусіанъ и отъ аноміевъ, и А. А. Спасскій, (Исторія догматическихъ дви-

Антиохійскому собору 324 года предстояло рѣшить вопросъ какъ разъ о вѣчномъ рожденіи Сына. И такъ какъ въ этомъ случаѣ большинство восточныхъ даже и въ послѣдніе годы царствованія Константія было на сторонѣ Оригена и св. Александра александрійскаго, то и понятно, что большинство членовъ этого собора высказалось за св. Александра и противъ Арія, а трое убѣжденныхъ сторонниковъ Арія, въ числѣ ихъ и Евсевій кесарійскій, не пожелавшіе на чистоту отречься отъ своихъ взглядовъ, подвергнуты были имъ отлученію. Если же на никейскій соборъ эти 3 епископа являются, какъ полноправные члены, то не нужно забывать, что антиохійскій соборъ имѣлъ лишь мѣстное значеніе, и самъ онъ, въ виду предстоящаго великаго собора въ Анкирѣ, не рѣшился низложить ихъ.

в) Въ сказанномъ данъ уже отвѣтъ и на 3-е (в) возраженіе Гарнакка. Восточные оригенисты не могли не видѣть, что ученіе св. Александра гораздо ближе стоитъ къ ученію самого Оригена, чѣмъ ученіе Арія, и потому естественно приняли сторону первого. Что правые оригенисты, дорожившіе ученіемъ о вѣчномъ рожденіи Сына, преобладали на Востокѣ надъ лѣвыми оригенистами, доказываетъ тотъ фактъ, что и Василиій анкирскій въ этомъ случаѣ былъ на сторонѣ Александра александрійскаго, а не Евсевія кесарійскаго; и на селевкійскомъ соборѣ 359 года партія, предводимая ученикомъ и преемникомъ Евсевія Акакіемъ, осталась въ меньшинствѣ.— Нужно принять еще во вниманіе, что св. Евстаоій антиохійскій, имя котораго, и по мнѣнію самаго Гарнакка, занимало 1-е мѣсто въ оригиналѣ разбираемаго посланія (вмѣсто *ἐὸς ἄριστος* онъ пред-

женій I, 409—410)—едва ли впрочемъ основательно—видитъ въ этой партіи даже только компромиссъ между оміусіанствомъ и аномействомъ. Еслибы Евдоксій перешелъ открыто на сторону Астія и Евномія, то онъ только увеличилъ бы число представителей партіи аноміевъ, но не образовалъ бы особой догматической группы. Едвали и самъ В. В. Болотовъ—въ послѣдніе годы своей жизни, послѣ изслѣдованія В. Н. Самуилова, держался того дѣленія арианъ на группы, которое дается въ Лекціяхъ, основывающихся здѣсь главнѣйшимъ образомъ на курсахъ 1886/7 и 1888/9 гг.

лагаетъ: τῷ ἀποβῆσι), и который во всякомъ случаѣ былъ главнымъ дѣятелемъ этого антиохійскаго собора, былъ оригенистомъ въ меньшей степенн, чѣмъ самъ св. Александръ александрійскій. Св. Евстаѳій (какъ Меодій, такъ называемый у насъ въ святцахъ „патарскій“) полемизировалъ противъ сочиненій Оригена, тогда какъ въ Александріи еще св. Аванасій в. считалъ „трудолюбиваго Оригена“ въ числѣ своихъ авторитетовъ. Неизвѣстно, касалась ли полемика св. Евстаѳія и оригеновскаго ученія о Св. Троицѣ. Но безспорно во всякомъ случаѣ, что если св. Евстаѳій и уклонился въ чемъ либо отъ ученія св. Александра о Сынѣ Божиємъ, то это былъ уклонъ вправо, а не влево. Позднѣйшіе евстаѳіане, предводимые Павлиномъ, представляли собою уже не правый центръ, а крайнюю правую: ихъ и православные на Востокѣ подозрѣвали въ савеліанствѣ. А что Евстаѳій имѣлъ на Востокѣ не мало сторонниковъ, доказываетъ тотъ фактъ, что онъ именно переведенъ былъ на освободившуюся—со смертію лѣваго оригениста Павлина—антиохійскую кафедру. На соборѣ 324 года присутствовали несомнѣнно и лѣвые оригенисты; но разъ правые были въ большинствѣ, то „безусловное согласіе“ этого собора съ Александромъ вполнѣ понятно. Лѣвымъ оставалось: или присоединиться къ мнѣнію большинства (какъ это и сдѣлали Григорій виритскій и Аетій лидскій), или же, какъ Θεодотъ, Паркиссъ и Евсевій, стойко поддерживать свое мнѣніе и подвергнуться за это отлученію.

Далѣе Гарнакъ ставитъ вопросъ: „Но подлинны ли это акты или это посланіе собора, или даже имѣлъ ли вообще мѣсто этотъ соборъ?“ и совершенно справедливо замѣчаетъ: „Кто въ будущемъ захочетъ написать хотя бы одну строчку о никейскомъ соборѣ, долженъ прежде всего выяснить себѣ это“. „Самъ г. Швартцъ“—говоритъ далѣе Гарнакъ—„не выдастъ и слѣда какого-либо сомнѣнія. Въ Германіи—насколько знаю—еще никто не высказался; но Дюпленъ въ одномъ предложеніи, какое онъ посвящаетъ вопросу,

принять (опредѣленную) позицію. Основаній онъ не указалъ почти можно сказать съ (полнымъ) правомъ; ибо послѣдующее изложеніе покажетъ, что наблюденія, которыя говорятъ противъ подлинности, очевидны, даже они лежатъ такъ явно на поверхности проблемы, что удивительно, какъ они ускользнули отъ (вниманія) критика. По *inedita* обычно очаровываютъ того, кто открылъ ихъ. Во всякомъ случаѣ мы должны быть благодарны издателю, что онъ вывелъ на свѣтъ эту вещь. Конечно этимъ свѣтомъ она будетъ наслаждаться не долго; ибо *это есть грубый подлогъ безъ всякаго историческаго значенія*. И соборъ въ Антиохіи въ 324 г. по дѣлу Арія вообще не засѣдалъ. И потому—надѣется Гарнакъ— „это произведеніе возвратится въ заслуженный мракъ“ (забвенія).

Таковъ приговоръ Гарнака о новооткрытомъ документѣ. Аргументаціи своего взгляда онъ посвящаетъ II-ю и III-ю главы своей статейки; а въ главѣ I-й излагаетъ содержаніе этого документа. Но и здѣсь Гарнакъ тенденціозно подчеркиваетъ тѣ выраженія посланія, которыя должны, по его мнѣнію, говорить противъ его подлинности. „Примыкая къ извѣстнымъ антиохійскимъ канонамъ (341 года)“ [о мнѣніи Швартца, что въ дѣйствительности эти каноны изданы ранѣйшимъ антиохійскимъ соборомъ около 332 года, Гарнакъ или не знаетъ или не хочетъ знать]—пишетъ Гарнакъ— „находитесь въ нашемъ кодексѣ посланія собора и историческая замѣтка. Посланіе обозначаетъ себя, какъ письмо собравшагося въ Антиохіи собора къ Александру, епископу Новаго Рима. Новый Римъ, какъ извѣстно, въ 324 г. еще не существовалъ; но такъ какъ надписаніе могло быть позднѣйшимъ, то этому не слѣдуетъ придавать особенно важнаго значенія: подразумевается Александръ (епископъ) Византіи, позднѣйшаго Константинополя“— „Подпись посланія“— говоритъ Гарнакъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту— „обозначаетъ адресата, какъ ἐπίσκοπος τῆς Νέης Ῥώμης τοῦτέστι δέ Κωνσταντινουπόλεως. Это еще удивительнѣе, но можетъ также не имѣть значенія, какъ позднѣйшая замѣтка писца“

Эти слова показывают, что современная немецкая богословская наука, даже в лицѣ своихъ корифеевъ, не хочетъ пошевольтнуть и пальцемъ, чтобы открыть (въ 3-й разъ!) истиннаго адресата посланій Π φιλάρχου и этого антиохійскаго. Гарнакъ отлично видитъ, что и „Новый Римъ“ и „Константинополь“ легко объяснимы, какъ вставки. И тѣмъ не менѣе принимаетъ за фактъ, что—хоти бы и воображаемый адресатъ посланія есть Александръ византійскій! ¹⁾ Выраженіе ἐν μέρῳ τοῦτον τόποις—далеко не безразличное для вопроса о мѣстѣ жительства адресата,—онъ просто напросто опускаетъ въ своемъ изложеніи.

Далѣе Гарнакъ отмѣчаетъ въ адресѣ посланія слово ἑμοφύου, которое стоитъ и въ адресѣ посланія Π φιλάρχου. А что это же слово стоитъ и въ адресѣ посланія Александра сессалоникскаго къ преемнику Александра александрійскаго Аванасію в. (въ Ath. apol. с. arisan. п. 66), это остается очевидно совершенно неизвѣстнымъ Гарнакку. Отмѣчая выраженіе ἑμοφύου, берлинскій профессор очевидно хочетъ сказать, что самый адресъ открытаго Швартцемъ посланія просто на просто списанъ съ адреса посланія Π φιλάρχου. Въ дѣйствительности сходство между обоими адресами далеко не полное; а въ томъ, что св. Евстаѳій заимствовалъ слово ἑμοφύου изъ посланія св. Александра къ тому же самому лицу, къ которому пишетъ и Евстаѳій отъ лица собора 324 года, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. „Тотчасъ слѣдуютъ безъ привѣтствія имена 56 епископовъ (безъ указанія ихъ кафедръ). Первые имена звучатъ, Евсевій, Евстаѳій Амфіонъ, послѣдніи Цсихій, Авидій и Терентій“. 50 именъ, стоящихъ въ срединѣ между этими 6-ю именами, очевидно вовсе не интересуютъ Гарнакка.—Его „безъ привѣтствія“—„ohne Gruss“ мнѣ непонятно. Что хочетъ онъ сказать этимъ? Не думаетъ ли онъ, что са-

¹⁾ E. Seeberg, Die Synode von Antiochien im Jahre 324—25, SS. 60—63, даже и зная хорошо о гипотезѣ В. В. Болотова относительно адресата посланій Π φιλάρχου и объ основывающейся на ней моей гипотезѣ объ адресатѣ новооткрытаго посланія антиохійскаго собора, и что даже и самъ Шварцъ присоединяется къ этимъ гипотезамъ, пытается, хотя и не особенно увѣренно, защищать наличные адреса этихъ посланій. И съ нимъ соглашается въ этомъ и Крюгеръ.

мая форма адреса представляеть собою нѣчто совершенно необыкновенное въ древне-церковной литературѣ. Признаюсь и мнѣ, когда я только принимался за работу надъ этимъ посланіемъ, казалось нѣсколько страннымъ, что имена ѡб епископовъ перечисляются въ заголовкѣ посланія, а не въ концѣ его, какъ его подписи. Дѣло въ томъ, что у *В. В. Болотова*, *Либерій епископъ римскій и сирмійскіе соборы*, гл. X, стр. 115—118 (Хр. Чт. 1891, II, 591—594) не указано примѣровъ такихъ посланій съ спискомъ епископовъ въ заголовкѣ. Но потомъ, когда я уже получилъ разбираемую брошюрку Гарнакка, совершенно неожиданно, по цитатѣ самаго же Гарнакка (въ его *Die Mission*, II², 106₂), натолкнулся я на посланіе антиохійскаго собора (268 или 269 г.), низложившаго Павла самосатскаго у *Euseb. h. l. VII*, 30, гдѣ тоже, какъ и въ разбираемомъ посланіи, имена епископовъ (я пресвитеровъ)—членовъ этого собора перечислены въ заголовкѣ, а „привѣтствіе“: *ἐν κορίφῳ χαίρειν* стоитъ въ самомъ концѣ адреса ¹⁾. Въ концѣ же адреса стоитъ это привѣтствіе и въ заголовкахъ обоихъ сохранившихся посланій св. Александра alexандрійскаго.

Въ дѣйствительности адресъ открытаго Шварцемъ посланія не только не содержитъ никакихъ признаковъ подлога, но мало того—при свѣтѣ установленнаго Балюзомъ и В. В. Болотовымъ факта, что адресатомъ посланія *Ἦ φίλωνος* былъ Александръ ѳессалоникскій, а не византийскій—ручается за подлинность и этого посланія антиохійскаго собора ²⁾. Невозможно сомнѣваться, что „единодушный Александръ“ антиохійскаго посланія есть одно и тоже лицо съ „единодушнымъ Александромъ“ посланія *Ἦ φίλωνος*. Этого не оспарива-

¹⁾ Какъ указываетъ E. Schwartz, VII, 329, такую же форму имѣють адреса посланія гавгрскаго собора и арианасевскаго *τόμος προς ἀποστόλους*, а также—на западѣ—адреса 70 го письма св. Кипріяна и посланя я римскаго собора изъ 93-хъ епископовъ 372 года.—Привожу для примѣра адресъ посланія гавгрскаго собора по *Bruns, Bibliotheca ecclesiastica*, I. Berolini 1839, p. 106: *Κορίθιος τιμητάτος ἐν Ἀρμενία συλλειτουργοῖς Εὐσεβίος, Αἰλιανός, Ευγένιος, Ὀλύμπιος, Βιδωνικός, Γρηγόριος, Φιλιππος, Εὐλάλιος, Ὑπίτιος, Προκράσιος, Βασίλειος, Βίσιος, οἱ συναλλήοντες εἰς τὴν κατὰ Γάγγραν χριστὸν ἐκκλησίαν, ἐν κορίφῳ χαίρειν.*—Адресъ посланія собора, низложившаго Павла самосатскаго, приведенъ будетъ у меня въ замѣткѣ о книгѣ E. Seeberg'a въ Византийскомъ Временникѣ.

²⁾ Ср. Ант. соб. 324 г., стр. 14—15 [=Хр. Чт. 1911; стр. 544—5].

еть и Гарнакъ. Но сверхъ того выраженіе ἐν τοῖς τῶν μερῶν τούτων τόποις въ текстѣ спорнаго посланія ясно указываетъ, что его адресатъ жить на Западѣ, а никакимъ образомъ не въ Византіи ¹⁾.

Слѣдовательно адресъ посланія вполнѣ гармонируетъ съ его содержаніемъ. „Поддѣлать“ столь знаменательное совпаденіе въ VI—VII в. в. было невозможно.—Если разбираемое посланіе есть подлогъ VI—VII в. в., то нѣтъ повода сомнѣваться въ томъ, что тому же „фальсификатору“, который сфабриковалъ это посланіе, принадлежатъ и „Νέας Ῥώμης“ и „Κωνσταντινουπόλεως“. Но въ такомъ случаѣ получается очень странное представленіе объ этомъ „фальсификаторѣ“. Съ одной стороны онъ былъ настолько невѣжественъ, что не знаетъ не только того, что ни „Новаго Рима“, ни „Константинополя“ въ 324 году еще не существовало, но и того, что епископъ Византіи и самъ былъ до 18 сент. 323 (324?) г. подданнымъ Икониіи и слѣд. и самъ хорошо знаетъ о его запрещеніи собираться на соборы. Съ другой стороны тотъ же „фальсификаторъ“ сумѣлъ „поддѣлать“ такой „водяной знакъ“, какъ имя Λόπος; и имена остальныхъ епископовъ ухитрился размѣстить такъ искусно, что предположеніе о заимствованіи ихъ изъ никейскихъ списковъ кажется совсѣмъ неправдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что среди нихъ находятся и такія имена, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ другихъ спискахъ; а въ своемъ изложеніи вѣры опустили слово „ἰμοούσιος“, хотя самъ по себѣ фактъ, что соборъ, засѣдавшій наканунѣ никейскаго и руководимый св. Евстаіемъ (и даже, можетъ быть, самимъ Осіемъ кордубскимъ), принять этотъ терминъ, не содержащій бы въ себѣ ничего „неправдоподобнаго“ не только для фальсификаторовъ 6—7 в. в., но и для ученыхъ богослововъ 20 вѣка. Вѣдь имѣемъ же мы (у Филосторгія I, 7) извѣстіе, что Александръ и Осій еще до никейскаго собора сговорились исповѣдать „единоеущіе“ Отца и Сына. Къ этому ихъ рѣшенію могъ присоединиться и св. Евстаіій. Выходитъ, что предполагаемый „фальсификаторъ“ былъ какой-то „двуличій Янусъ“: съ одной стороны непреходимый невѣжда, съ другой же выдающійся ученый, чуть ли не гений.

¹⁾ См. „Автioxійскій соборъ 324 года“, стр. 10 [=Хр. Чт. 1911, 840].

II.

„Какъ окружное посланіе Александра александрійскаго“—говорить далѣе Гарнакъ—, —начинается и наше письмо словами: Ἐνός σώματος ὄντος τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας (прибавлено только κατὰ πάντα τόπον). Это—странно (Das ist seltsam)!“—Что въ дѣйствительности это далеко не такъ странно, какъ кажется Гарнакку, доказываетъ уже тотъ фактъ, что сходство между началомъ обоихъ посланій ограничивается только приведенными словами и общимъ смысломъ и не простирается и до конца перваго предложенія ¹⁾. Следовательно, не можетъ быть рѣчи о томъ, что начало антиохійскаго посланія просто на просто списано съ окружного посланія св. Александра. Авторъ антиохійскаго посланія несомнѣнно читалъ посланіе Ἐνός σώματος, но не стоитъ отъ него въ рабской зависимости. Можно даже поставить вопросъ: имѣлъ ли онъ подъ руками самое посланіе Ἐνός σώματος, когда составилъ свое; не повторилъ ли онъ на память начальныя слова этого посланія? Во всякомъ случаѣ, начало антиохійскаго посланія не даетъ ни малѣйшихъ основаній заподозривать его подлинность. Окружное посланіе св. Александра отправлено было ко всѣмъ епископамъ восточной половины имперіи. Получили его несомнѣнно и Филогоній антиохійскій, и—генеральнѣйшій антиохійскій митрополитъ и председатель собора—Евстацій верійскій и—но всей вѣроятности

¹⁾ Начало антиохійскаго посланія: Ἐνός σώματος ὄντος τῆς καθολικῆς κατὰ πάντα τόπον ἐκκλησίας, κἄν ἐν διψύροις τόποις ὡςιν αἱ τῶν συναγωγῶν σχηματίζονται καθ' ἕνα μέλη τοῦ ὅλου σώματος, ἀκολουθεῖν ἔστιν καὶ τῇ σὴ ἰδέῃ γνωσθῆναι τὰ ὑπὸ τ' ἐμοῦ καὶ τῶν ὁσίων ἀδελφῶν ἡμῶν, τῶν ὁμοψύχων καὶ συλλειτουργῶν, κεκίνημένα τε καὶ πεπραγμένα, ἵνα καὶ σὺ ὡσπερ πατρὸν ἐν πνεύματι κοινῇ σὺν ἡμῖν λαλήσῃς καὶ κοινῇ προστάξῃς περὶ τὰ ὑφ' ἡμῶν ὄντως καὶ κατὰ τὸν ἐκκλησιαστικὸν νόμον ὁρισθέντα τε καὶ πραγθέντα. Начало окружнаго посланія св. Александра у Socr. I, 6: Ἐνός σώματος ὄντος τῆς καθολικῆς Ἐκκλησίας, ἐντολῆς τε οὕσης ἐν ταῖς ἡείκτις Γραφαῖς, τηρεῖν συνδεσμὸν τῆς ὁμονοίας καὶ εἰρήνης, ἀκολουθεῖν ἔστι γράφειν ἡμῶς καὶ σημεινεῖν ἀλλήλοις τὰ περ' ἐκείτοις γιγνομένα, ἵνα εἴτε πάσχει, εἴτε χαίρει ἐν μέλος, ἢ συμπάσχομεν, ἢ συχαίρομεν ἀλλήλοις.

— всѣ остальные члены этого антиохійскаго собора. Весьма вѣроятно, что это посланіе прочитано было и на самомъ антиохійскомъ соборѣ. Начальныя слова этого посланія, это напомианіе объ „единомъ тѣлѣ“ Церкви Христовой, столь умѣстное теперь, когда это единое тѣло пытались разорвать Арій и его покровители, твердо засѣло въ памяти и самого св. Евстаѳа и другихъ членовъ собора, и они не нашли ничего лучшаго, какъ свое посланіе къ Александру вессалоникскому начать этимъ же напомианіемъ.

Но кромѣ того, какъ указываетъ Швартцъ ¹⁾, въ древности существовалъ обычай начинать отвѣтныя письма къ уважаемымъ лицамъ—въ видѣ комплимента—тѣми же словами, какими начинались письма этихъ лицъ. И если Гарнакъ въ 2-й статьѣ, откровенно признаваясь, что раньше онъ ничего не зналъ о такой формѣ комплимента, и что только теперь Diels обратилъ его вниманіе на *M. Haupt*, *Oriensculca* II, 71, III, 365, возражаетъ однако на это, что 1) въ церковной древности онъ не знаетъ примѣровъ такого рода комплиментовъ, и что 2) посланіе антиохійскаго собора адресовано къ Александру не александрійскому, а „Новаго Рима“ ²⁾, и этимъ возраженіямъ придаетъ значеніе даже и Э. Зебергъ ³⁾, то въ дѣйствительности очень нетрудно показать полную несостоятельность этихъ возраженій.

¹⁾ *Schwartz*, VII, 344: Am Anfang des Schreibens citiert der Verfasser die ersten Worte der Encyclika: das ist eine im Altertum ganz gewöhnliche Form des Compliments, über die Hr. Harnack sich nicht zu erstaunen brauchte [S. 479]; für das Höflichkeitssitat ist es bezeichnend, dass die Uebereinstimmung sich nur auf wenige Worte beschränkt.

²⁾ *Harnack*, Sitzungsberichte—1909 (XIV), S. 414: Es war Unwissenheit, dass ich diese Form des Kompliments nicht kannte; aber im kirchlichen Altertum weiss ich z. Z. noch keinen Beleg für sie. Übrigens schreiben die Antiochener doch nicht dem Alexander von Alexandria, sondern den von Neu-Rom, so dass die „Höflichkeit“ sehr weit getrieben erscheint.

³⁾ *E. Seeberg*, SS. 99—101.—S. 99. Schwartz erklärt diese auf einige Wendungen beschränkte, autängliche, wörtliche Übereinstimmung als ein

1) Церковную литературу IV вѣка едва ли можно въ данномъ случаѣ противопоставить литературѣ классической. Въ то время почти не было специально-церковныхъ школъ, и епископы въ большинствѣ случаевъ получали образованіе въ общихъ свѣтскихъ школахъ: припомнимъ Василия Великаго и Григорія Богослова. И даже въ такихъ чисто церковныхъ школахъ, какъ знаменитое александрійское огласительное училище, преподавались и свѣтскія науки. Поэтому, чтò считалось дѣломъ вѣжливости въ письменныхъ сношеніяхъ между языческими образованными людьми того времени, естественно считалось таковымъ и въ сношеніяхъ между епископами, получившими свѣтское риторское образованіе. И если мы не встрѣчаемся съ другими примѣрами такого рода комплиментовъ въ церковной литературѣ, то не нужно забывать, что сохранившаяся переписка церковныхъ дѣятелей IV вѣка даетъ далеко не полное представленіе о всей ихъ перепискѣ, такъ какъ несомнѣнно большая часть ея утрачена и—что особенно важно—утрачено огромное большинство посланій епископовъ и соборовъ, относящихся къ начальной, доникейской стадіи аріанскаго спора, къ которой принадлежить и новооткрытое посланіе. По именно въ это время, когда церковь только вступила въ союзъ съ государствомъ, и когда церковная письменность еще не достигла своего полнаго разцвѣта, влияніе на нее приѣмовъ классической литературы и должно было быть особенно сильнымъ; тогда какъ позднѣе епископы могли выработать и свои особые приемы вѣжливости въ письмахъ другъ къ другу.

2) Отвѣтъ на 2-ое возраженіе Гарнакка-Зееборга данъ былъ мною въ существѣ дѣла уже въ 1911 году ¹⁾. Если гре-

Höflichkeitszitat, wie es im Altertum gebräuchlich gewesen wäre. Aber er bringt keine Belege und mir scheint, dass ein solches Höflichkeitszitat nicht sehr üblich gewesen ist; wenigstens vermag ich aus der kirchlichen Literatur keine Beispiele anzuführen. Ausserdem ist es gewiss merkwürdig, in einem Brief an Alexander von Byzanz diese Höflichkeitsform zu finden, die doch streng genommen nur Alexander von Alexandrien gegenüber angebracht gewesen wäre.

¹⁾ Антиохійскій соборъ 324 года, стр. 33 [=Хр. Чт. 1911, стр. 1013].

ческой оригиналь пайденнаго Цвартцемъ посланія адресованъ былъ несомнѣнно не Александру александрійскому, а другому Александру (ессалоникскому), то это не доказываетъ, что такое же посланіе не получили и самъ Александръ александрійскій, въ сущности несравненно больше, тѣмъ Александръ ессалоникскій или Сильвестръ римскій, заинтересованный въ томъ, на чьей сторонѣ будетъ сирійскій востокъ въ спорѣ между нимъ и Аріемъ съ его покровителями. При томъ же онъ былъ вѣдь епископомъ виднѣйшей на востокѣ апостольской каедры, и уже по этому одному отцы антиохійскаго собора 324 года должны были увѣдомить его о своемъ рѣшеніи. То, конечно, вѣрно, что посланіе собора къ св. Александру александрійскому не могло быть совершенно тождественно съ посланіемъ къ Александру ессалоникскому: въ этомъ послѣднемъ объ Александрѣ александрійскомъ идетъ рѣчь въ 3-мъ лицѣ, онъ называется *ὁ τίμιος καὶ ἀγαπῆτος Ἀλέξανδρος, ἐπίσκοπος τῆς Ἀλεξανδρείας*¹⁾. Следовательно, св. Александръ получилъ во всякомъ случаѣ нѣсколько иначе редактированный экземпляръ этого посланія.

Но что и это посланіе къ Александру александрійскому могло начинаться тѣми же, или почти тѣми же, словами, какъ и сохранившееся посланіе, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться.

3) Можно предположить, что Александръ александрійскій получилъ отъ собора при особомъ сопроводительномъ посланіи и копію посланія, отпрavenнаго на западъ (въ Θεσ-

---

¹⁾ Ср. E. Seeberg, S. 99. Die sich hier aufdrängende Hypothese, Alexander von Alexandrien selbst sei Empfänger unseres Briefes, wird durch diesen selbst ganz unmöglich gewesen [Anm. 7: U. a. wird Alexander als ἐπίσκοπος τῆς Ἀλεξανδρείας ausdrücklich eingeführt].—Въ этихъ словахъ Зеебергъ какъ будто на минуту допускаетъ, что Александръ александрійскій есть адресатъ именно сохранившагося экземпляра этого посланія, что вмѣсто Νέας Ῥώμης нужно читать Ἀλεξανδρείας, и конечно совершенно справедливо отстраняетъ это предположеніе, какъ невозможное. Но ему, какъ будто, не приходитъ въ голову, что и Александръ александрійскій могъ получить такое же по содержанию посланіе, но съ необходимыми измѣненіями.

салонику и Римъ). Даже и въ этомъ случаѣ св. Александръ понялъ бы оказываемую ему соборомъ вѣжливость. Нѣсколь-ко измѣненная форма „комплимента“ (не письмо къ самому св. Александру александрійскому начато такъ же, какъ одно изъ его посланій, а препровождаемое при немъ посланіе къ западнымъ митрополитамъ) въ сравненіи съ обычаемъ классическихъ писателей и сама по себѣ не вызываетъ особеннаго удивленія, но главное—объясняется и особыми причинами. Вѣдь отцы антиохійскаго собора пишутъ не отвѣтное посланіе Александру ѳессалоницкому, а обращаются къ нему первые, и цѣль ихъ посланія не въ томъ, чтобы выразить сочувствіе этому Александру, а въ томъ, чтобы привлечь его на сторону св. Александра александрійскаго. Можно даже предположить, что и съ посланіями въ ѳессалонику и Римъ антиохійскій соборъ обратился не только по примѣру, но и прямо по желанію св. Александра александрійскаго. Поэтому отцы собора и сдѣлали въ начальныхъ словахъ своего посланія „комплиментъ“ не западнымъ его адресатамъ, а св. Александру александрійскому ¹⁾).

Далѣе Гарнакъ отмѣчаетъ, что посланіе выдаетъ себя за письмо только одного лица въ сообществѣ, im Verein, „съ святыми братьями“.—„Пишущій долженъ быть тотъ епископъ, который въ ряду 56-и стоитъ на 1-мъ мѣстѣ, т. е.—Евсевій“. Но въ IV гл. S. 487 Гарнакъ самъ же поправляетъ себя, предлагая читать вмѣсто «Εὐσεβίου»—«τῷ εὐσεβεῖ» и относя это слово въ смыслѣ эпитета къ Александру—адресату посланія, влѣдствіе чего 1-мъ епископомъ этого собора оказывается уже, какъ и естественно, Евстагій антиохійскій.

Затѣмъ Гарнаку казалась непонятною фраза: ὑπὸ πλείων ἄρ καὶ βικρίων συνοχεῖται ἢ πόλις. Не особенно понятна была она сначала и мнѣ; но такъ какъ не все непонятное для насъ

¹⁾ Ср. E. Seeberg, S. 101: Die Höflichkeit wird also dem Patriarchen von Alexandrien erwiesen, und ist deshalb in diesem an Alexander von Byzanz gerichteten Brief weniger Höflichkeit, als Verchrung und bewusste Unterstützung Die Synode will von vornherein die Identität ihrer Gesinnung mit der Alexanders hervorheben.

подложно, то я и не придавать этому значения. Въ дѣйствительности же, какъ показалъ Швартцъ ¹⁾, фраза эта не только вполне понятна (это—намекъ на Быт. 18, 23 ff.—на исторію Содома и Гоморры), но и устанавливаетъ связь посланія съ сохранившимися въ той же сирской рукописи 16-ю канонами ²⁾).

Далѣе Гарнакъ отмѣчаетъ, что повѣданіе вѣры въ посланіи приписывается 318-и духовнымъ мужамъ, οὗς οὐ δίχαυον νομίζειν κατὰ σάρκα ζῆν ἢ νοεῖν, ἀλλὰ ἐν πνεύματι ταῖς τῶν θεοπνεύστων βιβλίων ἀγίας γραφαῖς συνησχρίθαι. Въ самомъ вѣроизложеніи, будто бы, „величайшее удареніе (der grösste Nachdruck) кладется—на предикаты ἀτρέπτος καὶ ἀναλλοίωτος. И у Александра [александрійскаго] они есть, но въ нашемъ посланіи sind sie so betont, что уже въ первомъ членѣ Самъ Богъ обозначается, какъ ἀτρέπτος καὶ ἀναλλοίωτος (къ чему однако въ арианскомъ спорѣ не было никакого повода)“.

Въ дѣйствительности оба эти эпитета прилагаются не только къ Сыну, но и къ Богу Отцу и у самого св. Александра александрійскаго въ посланіи Ἦ φίλαρχος, и слѣдовательно антиохійскимъ соборомъ просто на просто заимствованы изъ этого посланія. Мало того: и поводъ для употребленія этихъ двухъ терминовъ въ арианскомъ спорѣ самый основательный. Дѣло въ томъ, что ихъ въ примѣненіи къ Богу Отцу употребляли и сами ариане. См. напр. письмо ихъ къ св. Александру Ἦ πίστις ἡμῶν, гдѣ эти два эпитета стоятъ рядомъ, какъ и у св. Александра и въ антиохійскомъ посланіи. И конечно ариане не напрасно употребляли эти эпитеты. Называя Бога Отца „непреложнымъ и неизмѣннымъ“, они хотѣли сказать, что уже по одному этому нельзя считать его Отцомъ Сына въ собственномъ смыслѣ слова. Рожденіе, которое они могли понять лишь какъ актъ временный, внесло бы, по ихъ мнѣнію, измѣненіе въ самое существо Бога Отца. Ариане, слѣдовательно, употребляли эти термины съ полемической цѣлю, какъ аргументъ противъ ученія св.

¹⁾ *Schwartz*, VII, 325.

²⁾ Ср. Византійскій Временникъ, т. XIX. Отд. II. Критика, стр. 66. прим. 1.

Александра. Но св. Александръ и самъ признавалъ Бога Отца „непреложнымъ и неизмѣннымъ“. Съ его точки зрѣнія рожденіе Сына, какъ актъ вѣчный, не вноситъ никакого измѣненія въ существо Бога Отца: Богъ Отець всегда, отъ вѣчности (*ἀεί*), есть Отець Сына. Слѣдовательно, упрекъ арианъ, будто св. Александръ не признавалъ Бога неизмѣняемымъ, былъ несправедливъ, и св. Александръ, чтобы отстранить этотъ упрекъ, прямо вноситъ термины *ἄρρηκτος καὶ ἀνἀλλοίωτος* и въ свое исповѣданіе вѣры, но прилагаетъ ихъ не только къ Отцу, но и къ Сыну: и Сынъ, по его мнѣнію, есть такой же „непреложный и неизмѣнный“ Богъ, какъ Самъ Богъ Отець. Въ примѣненіи къ Сыну эти эпитеты были направлены уже полемически противъ арианъ¹⁾. Св. Александръ, такимъ образомъ, не только отражалъ нападеніе арианъ противъ своего ученія о Богѣ, но и очень искусно пользовался ихъ же оружіемъ для полемики съ ихъ ученіемъ о Сынѣ. Термины *ἄρρηκτος καὶ ἀνἀλλοίωτος* у него имѣли не оборонительное только, но и наступательное значеніе. Неудивительно потому, что и антиохійскій соборъ 324 года принялъ эти термины и въ свое вѣроизложеніе въ примѣненіи какъ къ Отцу, такъ и къ Сыну.

„Совершенно, какъ у Александра“—говоритъ дальше Гарнакъ—„находится также и здѣсь предикатъ *ἡ θεότητος*, въ примѣненіи къ Маріи, тогда какъ и у него отсутствуетъ *ἰσοσύσιος*“.

„Исповѣданіе заканчивается перифразированными анаосматизмами никейскаго символа“. Анаосматизмъ антиохій-

---

¹⁾ Въ извѣстномъ смыслѣ, или когда это было нужно, эти термины и Аріи употреблялъ и въ приложеніи къ Сыну. Но въ *Θέλει* Арія называлъ Сына *τρετὸς*. Ученіе объ измѣняемости Сына въ системѣ Арія имѣло, правда, побочное значеніе. Ср. мою замѣтку „Евсевій никоидійскій и Лукіанъ“ въ Бог. Вѣст. 1912 (апрѣль-май), стр. 6—7. 20—21 отти-ска. Но разъ Арія все же высказывался въ томъ смыслѣ, что Сынъ измѣняемъ, то и св. Александръ имѣлъ поводъ особенно настаивать на неизмѣняемости Сына.

скаго посланія Гарнаккъ приводитъ цѣликомъ, но никейскаго анаеоматизма съ нимъ не сопоставляетъ. Упомянувъ затѣмъ, что тремъ отлученнымъ епископамъ данъ срокъ для обращенія „до великаго и священнаго собора въ Анкирѣ“, Гарнаккъ приводитъ въ заключеніе этой главы „историческую замѣтку“, слѣдующую въ рукописи за посланіемъ, и отмѣчаетъ „странную надпись“ (seltsame Uberschrift) надъ 16-ю канонами. Замѣчу, что для вопроса о подлинности посланія эта надпись уже не имѣетъ значенія, такъ какъ позднѣйшее ея происхожденіе безспорно.

III.

Въ главѣ II-й (SS. 481—3) Гарнаккъ съ первыхъ же строкъ говоритъ *неправду*. „Что это за антиохійскій соборъ, посланіе (Synodalschreiben) котораго будто бы находится здѣсь? Писецъ „исторической замѣтки“ думаетъ, что онъ происходилъ до никейскаго собора, и *обращаетъ вниманіе* на отсутствіе [слова] *ὁμοούσιος* у православныхъ въ остальномъ епископовъ. Г. Шварцъ слѣдуетъ ему ничтоже сумняся“.

Глава II-я у Гарнакка начинается нѣсколько ниже середины S. 481. На той же страницѣ сверху приведена у него цѣликомъ Historische Notiz. И тѣмъ не менѣе знаменитый ученый не далъ себѣ труда лишній разъ перечитать эту замѣтку и уразумѣть, что на дѣлѣ ея авторъ думаетъ, что этотъ антиохійскій соборъ состоялся *не* „прежде“, а *послѣ*, *ὕστερον*, „святаго собора въ Никее“ и *удивлялся* (ζητεῖσθαι) тому [а не „обращать вниманіе“ на это, какъ на признакъ подлинности приводимаго имъ посланія], что эти „святые епископы и поборники истины“ тѣмъ не менѣе не употребили этого слова ¹⁾. И Шварцъ не слѣдуетъ этому автору *unbedenklich*, а совершенно логично изъ того факта, что въ изложеніи вѣры этого посланія нѣтъ термина *ὁμοούσιος*, дѣлаетъ выводъ [под-

¹⁾ Замѣтка эта въ переводѣ Шварца приведена у меня въ Хр. Чт. 1911, стр. 855 [=Антиох. соборъ, 25], прим. 47.

тверждаемый и спискомъ епископовъ, т. е. собственно именемъ Δούλος], что этотъ соборъ засѣдалъ *раньше* никейскаго. Для Швартца, какъ и для самого Гарнакка, „совершенно безразлично“, что думалъ „писецъ“ [онъ вѣдь думалъ, что посланіе это принадлежитъ собору ἐν τοῖς ἐχθροῖς; 341 года], когда „самое посланіе собора лежить предъ нами, и важно только его самосвидѣтельство“.

Что же касается этого самосвидѣтельства, то и самъ Гарнакъ находитъ, что за помѣщеніе этого собора раньше никейскаго говорятъ даже 4 признака: 1. отсутствіе [слова] *ἁποστόλος*. 2. упоминаніе, что печальное состояніе въ Антиохіи вызвано запрещеніемъ мірскихъ людей (т. е.— „поясняетъ Гарнакъ— „мірскихъ правителей, *Weltherrscher*“¹⁾) собирать соборъ. Это приложимо къ доникейскому времени (Дикивій). 3. То соображеніе, что посланіе собора, которое примыкаетъ къ доникейскимъ посланіямъ Александра александрійскаго [настолько тѣсно, что знаменательное начало одного изъ нихъ просто повторяетъ], должно было очень скоро слѣдовать за ними. 4. Сообщеніе, что тремъ предварительно изложеннымъ епископамъ данъ срокъ обращенія до „великаго и священнаго собора въ Анкирѣ“.

По моему мнѣнію²⁾, 1-й признакъ, отсутствіе въ этомъ посланіи слова *ἁποστόλος*, говоритъ весьма вѣско не только für

¹⁾ На дѣлѣ эти „міроправители“, *Weltherrscher*, — только одинъ изъ примѣровъ того, какъ невнимательно читалъ берлинскій профессоръ тотъ документъ, неподлинность котораго берется доказывать. Въ посланіи идетъ рѣчь собственно о презрѣннн церковнаго закона и канонѡвъ этими „мірскими людьми“ (*κατεφρονήθη ὁ ἐκκλησιαστικὸς νόμος καὶ οἱ κανόνες ἐν τῷ μετατῷ χρόνῳ ὑπὸ ἀνθρώπων [или ἐνίοων] κοσμικῶν καὶ πάντως κατὰπέλαται*), на запрещеніе же собираться на соборы указывается только въ безличной формѣ, очевидно, какъ на причину того, почему это нарушеніе канонѡвъ оставалось безнаказаннымъ (*διότι κεκόλυτο ἐπισκόπων συνέδων συναγῆρησι ἐν τοῖς μερῶν τούτων τόποις*). Но мало того, какъ указалъ Швартцъ (VII, 311, 1) самый переводъ соответствующаго сирскаго выраженія чрезъ *ὑπὸ ἀνθρώπων κοσμικῶν* далеко не единственно возможный, и въ оригиналѣ вмѣсто того могло стоять: *ὑπὸ ἐνίοων νεωτεριστῶν*.

²⁾ Ср. Антиохійскій соборъ 324 г., стр. 25 [=Хр. Чт. 1911, 855].

die Ansetzung этого антиохійскаго собора vor dem Nicänum [что не устраниваетъ мысли, что на дѣлѣ этотъ соборъ существовалъ лишь въ воображеніи „фальсификатора“, сочинявшаго посланіе], но и за подлинность самаго посланія. То, конечно, вѣрно, что до насъ дошли два посланія св. Александра, въ которыхъ тоже нѣтъ этого термина. Но 1) въ подлинности этихъ посланій не сомнѣвается никто; 2) ихъ сохранили церковные историки V вѣка: Сократъ и Θεοδορίτῃς, т. е. лица хорошо знакомые съ исторіей арианскаго спора и притомъ научно-добросовѣстные.—Но можно ли допустить, чтобы кто-либо въ VI—VII в. сочинилъ посланіе съ изложеніемъ вѣры, приписавъ его *православному, антиаріанскому* собору и однако опустилъ бы въ немъ слово *ὁμοούσιος*? Откуда люди 6—7 вв. могли знать, что этотъ терминъ предложенъ былъ чрезъ Константина в. только на самомъ никейскомъ соборѣ, а раньше и православные восточные богословы, какъ св. Александръ, его избѣгали? Изъ посланій Александра? Но какое мы имѣемъ основаніе думать, что его посланіями очень интересовались въ 6—7 вв., когда къ услугамъ богословски-образованныхъ читателей были творенія Аѳанасія в. и отцовъ-каппадокійцевъ, и при томъ же тринитарный вопросъ признавался уже рѣшеннымъ, не подлежащимъ спору, и богослововъ всецѣло занимали вопросы христологическіе? Вѣдь даже и церковные историки начала V вѣка не имѣли совершенно яснаго представленія о предметѣ первоначальнаго спора между Александромъ и Аріемъ. Сократъ I, 5 увѣряетъ, будто Александръ φιλοτιμότερον περὶ τῆς ἁγίας Τριάδος, ἐν Τριάδι μόνον εἶναι φιλοσοφῶν ἐθεολόγη, и это послужило поводомъ къ спору между нимъ и Аріемъ; тогда какъ на дѣлѣ споръ этотъ первоначально вовсе не касался вопроса о всей Св. Троицѣ (вопросъ о Св. Духѣ поднятъ былъ только въ 351 году на диспутѣ между Фотиномъ и Василіемъ анкирскимъ); и св. Александръ, видѣвшій въ Сынѣ особую *ὁπόκεισις* и даже *φύσις*, не называлъ Св. Троицу—

Единицею. По Созомену I, 15 св. Александръ, сначала колебавшійся принять чью-либо сторону въ спорѣ, возникшемъ между его пресвитерами, потомъ, но еще до александрійскаго собора, принять сторону тѣхъ, которые называли Сына „единосущнымъ и совѣчнымъ“ Отцу. На дѣлѣ онъ ни въ 'Εὐὸς ὁμότητος, ни даже въ Ἦ ὁλόαρος не употребляетъ термина ὁμοῖος. Руфинъ даже въ своихъ переводахъ сочиненій Оригена вставилъ въ соответствующихъ мѣстахъ и *unius substantiae* и *ex ipsa substantia Dei*, хотя самъ Оригенъ отвергалъ эти термины ¹⁾.—А какой-то совершенно неизвѣстный намъ „фальсификаторъ“ 6—7 вв. оказался будто бы настолько основательнымъ ученымъ, что въ „сфабрикованномъ“ имъ посланіи, приписанномъ антiохійскому собору 324 года, опустилъ слово ὁμοῖος именно съ тою цѣлію, чтобы его подлогъ и самыми свѣдущими лицами принять былъ за подлинный документъ!—Если Гарнакъ считаетъ это возможнымъ, то онъ долженъ бы былъ доказать это хоть какими-либо аналогіями. Но онъ стараетъ съ себя этотъ *opus probandi*, какъ будто и безъ доказательствъ ясно, что даже „фальсификаторы“ 6—7 вв. должны были хорошо знать, что терминъ ὁμοῖος предложенъ былъ на никейскомъ соборѣ императоромъ Константиномъ в., вѣроятно по внушенію Осія кордубскаго, а отцы антiохійскаго собора 324 года не должны были употреблять этого слова, другими словами,—эти фальсификаторы должны были знать даже то, чего въ сущности до 1905 года не знали и мы,—что внесеніе въ символъ термина ὁμοῖος было почти полною неожиданностью не для одного Евсевія кесарійскаго, но и для большинства православныхъ епископовъ. Филосторгій 1, 7 вѣдь сообщаетъ, что Осій и св. Александръ александрійскій еще до никейскаго собора, прибывъ въ Никомидію, согласились утвердить ὁμοῖος. Повидимому, ничто не препятствовало предположить, что это ихъ

---

¹⁾ О Феодоритѣ см. Хр. Чт. 1911, 855 [=Ант. Соб. 25].

соглашеніе подготовлено было еще въ Александріи, и о немъ могъ знать и св. Евстаоій антиохійскій и другіе православные епископы востока.—Съ своей стороны я считаю совершенно невѣроятнымъ, чтобы фальсификаторъ 6—7 вв. обладалъ такими выдающимися познаніями въ исторіи церкви предъ никейскимъ соборомъ, а потому и въ отсутствіи термина *ἁποστόλος* въ этомъ посланіи вижу почти такой же ясный „водяной знакъ“, удостоверяющій подлинность этого документа, какъ и въ имени *Δοῦλος*.

4-й признакъ, упоминаніе о соборѣ въ Анкирѣ, по мнѣнію Гарнакка (S. 482), „доказываетъ слишкомъ много“ и выдаетъ подлогъ „ибо а) соборъ, который еще не состоялся, не могъ быть названъ и великимъ и священнымъ“, б) соборъ анкирскій имѣлъ мѣсто *до возникновенія аріанскаго спора* между пасхами 314 и 315 г.г. 1). „Г. Швартцъ помогаетъ себѣ здѣсь такимъ образомъ, что принимаетъ, что подъ соборомъ въ Анкирѣ разумѣется не извѣстный [соборъ, издавшій каноны], а тотъ, который собрался въ Никеѣ, ибо по одному сохранившемуся у сирійцевъ извѣстію было сначала намѣреніе и собрать соборъ въ Анкирѣ; приглашенія туда уже были посланы, какъ собрался нашъ антиохійскій соборъ, и слѣдовательно все въ порядкѣ; нашъ соборъ нужно поэтому подвинуть такъ близко какъ только возможно къ никейскому“.

Но Гарнаккъ не согласенъ съ этимъ. „Настоящее гнѣздо невѣроятностей и натяжекъ!“—воскликаетъ онъ.—„Невѣроятно, что «великій и священный соборъ анкирскій» есть какой-либо другой, чѣмъ всѣмъ извѣстный своими канонами, невѣроятно поздно всплывающее извѣстіе, что великій соборъ сначала долженъ былъ засѣдать въ Анкирѣ (документъ, въ которомъ оно находится, поддѣланъ—); но даже, если бы это извѣстіе было вѣрно, недостаетъ сообщенія о томъ, что соборъ въ Анкирѣ дѣйствительно былъ назначенъ; если бы

---

1) Гарнаккъ ссылается на свою *Die Chronologie* II, 160.

это случилось, то мы должны бы были это знать; наконецъ (*endlich*), даже если бы приглашенія (на соборъ) въ Анкиру и были посланы, и тогда соборъ, который только долженъ былъ собраться, не могъ бы быть названъ великимъ и святымъ (s. o.)“ [это=а]. „Дѣло, слѣдовательно, стоитъ такимъ образомъ: наше посланіе собора хочетъ быть доникейскимъ, но содержитъ черезъ упоминаніе извѣстнаго собора въ Анкирѣ, какъ будущаго, совсѣмъ грубую историческую ошибку [Апм. 2: „о соборѣ анкирскомъ 358 года (полуаріанскомъ) конечно нельзя думать]; потому что въ такомъ случаѣ наше посланіе должно падать [на время] раньше 315 года, въ которомъ объ аріанствѣ еще не было рѣчи“.

Во всей этой аргументаціи я не нахожу и тѣни дѣйствительнаго доказательства неподлинности разбираемаго посланія. Нѣкотораго вниманія заслуживаетъ лишь аргументъ а), повторяемый Гарнакомъ и далѣе (подъ *endlich*). Признаюсь, я не знаю, какъ въ 4 вѣкѣ выражались епископы о соборахъ только назначенныхъ. Но я не понимаю, почему нельзя было и будущій соборъ назвать и „великимъ“, и „священнымъ“, разъ о его размѣрахъ можно было судить по пригласительному указу императора, а „священнымъ“ онъ долженъ былъ быть уже потому, что къ засѣданію на немъ приглашались епископы. И какъ иначе должны были назвать этотъ будущій соборъ собравшіеся въ Антиохіи епископы, разъ имъ пришлось говорить о немъ? Вѣдь именно потому, что соборъ въ Анкирѣ былъ уже назначенъ, они не рѣшились произнести окончательнаго приговора надъ тремя епископами—сторонниками Арія и ограничились только временнымъ ихъ отлученіемъ. Было бы странно, если бы засѣданіе въ Антиохіи епископы, которые смотрѣли на этотъ только назначенный соборъ, какъ на высшую въ сравненіи съ собою инстанцію, назвали-бы его просто „соборомъ“, не прилагая къ нему никакихъ почетныхъ эпитетовъ. Но если бы даже и удалось кому доказать, что выраженіе: „священ-

ный соборъ“ приложимо лишь къ собору уже состоявшемуся, то это слово вѣдь можно признать и вставкою. Но удивительно то, что Гарнакъ какъ будто не замѣчаетъ, что выраженіе „великій“ совсѣмъ не приложимо къ извѣстному помѣстному собору въ Анкирѣ.

Что касается в, то этотъ аргументъ есть лишь *petitio principii*. аа) Откуда мы собственно знаемъ, что въ Анкирѣ до 325 года собирався всего только одинъ соборъ, тотъ самый, который издалъ извѣстные каноны? Развѣ наши источники за этотъ періодъ текутъ такъ обильно, что мы знаемъ рѣшительно о всѣхъ соборахъ, какіе имѣли мѣсто въ это время? бб) Откуда мы знаемъ и о томъ, что 1-й вселенскій соборъ съ самаго начала назначенъ былъ въ Никею? Развѣ до насъ дошелъ указъ Константина в., созывавшій епископовъ прямо въ Никею? Или мы имѣемъ обстоятельную, написанную современникомъ, исторію никейскаго собора? — О 3-мъ вселенскомъ соборѣ мы конечно знаемъ, что онъ съ самаго начала былъ назначенъ въ Ефесъ, о 4-мъ,—что онъ сначала былъ назначенъ въ Никею, и епископы уже собрались тамъ, какъ соборъ неожиданно перенесенъ былъ въ Халкидонъ. Но отъ этихъ соборовъ мы имѣемъ полное собраніе ихъ дѣяній. Но уже о предварительныхъ переговорахъ о мѣстѣ того собора, который состоялся въ 359 г. въ Селевкіи исаврійской (и въ Ариминѣ), мы обладаемъ довольно противорѣчивыми извѣстіями, хотя и Сократъ и Созоменъ имѣли подъ руками собраніе соборовъ Савина, гдѣ акты селевкійскаго собора были приведены сполна. О никейскомъ соборѣ мы имѣемъ лишь случайныя замѣтки современниковъ и рассказы историковъ 5 вѣка, которые уже не имѣли подъ руками самыхъ актовъ (протоколовъ) этого собора (если эти протоколы вообще существовали). Можно ли послѣ этого утверждать, что если бы соборъ 325 года сначала дѣйствительно былъ назначенъ въ Никею, то „мы должны бы были знать объ этомъ“?—вв) Если Гарнакъ находитъ, что даже и въ изданномъ Питроу указѣ Константина в. не говорится ясно о томъ,

что никейскій соборъ былъ *назначенъ* въ Анкиру, что будто слова ἐπὶ τῆ τῶν ἐπισκόπων σύνοδον ἐν Ἀγκύρα τῆς Γαλατίας γενοῦσθαι прѣтерон συνεφωνήθη можно понять и въ смыслѣ простой ссылки на то, что уже раньше состоялся соборъ въ Анкирѣ (S. 489), и относить такимъ образомъ эти слова къ известному помѣстному собору въ Анкирѣ, то по моему это—допустимъ—темное мѣсто въ этомъ указѣ нужно объяснять яснымъ въ посланіи антиохійскаго собора, а не наоборотъ¹⁾. Что будущій соборъ въ Анкирѣ, о которомъ говорить это посланіе, не есть известный помѣстный соборъ, доказываетъ уже названіе „великій“ соборъ: на помѣстномъ анкирскомъ соборѣ даже по самому полному, несомнѣнно интерполированному [2 епископа Кесаріи каппадокійской: Агриколай и Леовтій] списку, присутствовали всего 18 епископовъ, по наилучшимъ же спискамъ—всего 13 епископовъ, следовательно, слишкомъ вчетверо меньше, чѣмъ на самомъ этомъ антиохійскомъ соборѣ²⁾.

По моему, упоминаніе о „великомъ и священномъ соборѣ въ Анкирѣ“ не только не служитъ признакомъ подлога, но и является новымъ, „водянымъ знакомъ“, доказы-

¹⁾ Какъ доказываетъ *Шварцъ*, VII, 342, предлагаемое Гарнакомъ пониманіе этого мѣста, сохранившагося въ сирскомъ переводѣ, указа Константина даже и невозможно съ точки зрѣнія сирской грамматики. Гарнакъ однако и во 2-й статьѣ, S. 419, Апт. 1 пытается отстоять свое пониманіе, ссылаясь на то, что мы не имѣемъ самаго оригинала этого посланія.

²⁾ Очевидно съ цѣлю отстранить это возможное возраженіе противъ своей аргументаціи Гарнакъ во 2-й статьѣ S. 421, Апт. 1. приводитъ слова *Hefele* CG. I, 221: „Собравшіеся въ Анкирѣ епископы принадлежали столь различнымъ провинціямъ Малой Азіи и Сиріи, что анкирскій соборъ подобно арльскому (in ähnlichem Sinne wie die von Arles) можно назвать Concilium plenarium, т. е. общимъ соборомъ (Generalconcilium) малоазійской и сирійской церкви“. Но не говоря уже о томъ, что присутствіе на этомъ соборѣ напр. Виталія антиохійскаго признается не всѣми (см. стр. 512, пр. 1), наименованіе „великій“ соборъ въ приложеніи къ собору изъ 13-и епископовъ со стороны собора въ 56 епископовъ выгладитъ какъ курьезъ; а съ другой стороны и антиохійскій соборъ 324 года имѣлъ представителей и изъ Малой Азіи, слѣд. былъ тоже Concilium plenarium.

вающимъ подлинность спорнаго посланія. Невозможно понять, для чего, *сui bono?*, стать кто либо выдумывать этотъ „великій соборъ въ Анкирѣ“? — Вѣдь помѣстный анкирскій соборъ не былъ и „великимъ“ и къ арианству не имѣлъ никакого отношенія. Съ какой стати позднѣйшій „фальсификаторъ“ стать бы выдумывать, что сочиненный имъ антиохійскій антиаріанскій соборъ именно великому собору въ Анкирѣ предоставилъ окончательное рѣшеніе вопроса о трехъ отлученныхъ имъ епископахъ? Не значило-ли бы это безъ всякаго серьезнаго повода возбуждать подозрительность своихъ читателей?— Упомянутое о соборѣ въ Анкирѣ въ позднѣйшемъ подлогѣ изъ исторіи аріанскаго спора *есть* же неожиданно и странно, какъ наоборотъ вполне естественно было бы упоминаніе о соборѣ въ Никее. И однако спорное посланіе совершенно молчитъ о Никее! Вѣроятно-ли это молчаніе въ позднѣйшемъ „фальсификаторѣ“, жившемъ въ такое время, когда хотя подробности исторіи арианства и были весьма основательно забыты, но конечно всѣ хорошо знали, какъ знаютъ и теперь, что Арій осужденъ былъ *никейскимъ* 1-мъ вселенскимъ соборомъ? Не есть-ли и отсутствіе слова „Никея“ въ спорномъ документѣ—тоже „водяной знакъ“, удостоверяющій его подлинность? И не говоритъ-ли это молчаніе о Никее также и за то, что упоминаемый въ посланіи, будущій, „великій и священный соборъ въ Анкирѣ“ и есть не какой либо иной соборъ, какъ тотъ, который состоялся потомъ въ Никее?—Такимъ образомъ, даже и помимо изданнаго Питрою письма Константина, изъ одного только новооткрытаго антиохійскаго посланія можно бы было сдѣлать выводъ, что 1-й вселенскій соборъ сначала назначенъ былъ не въ Никеею, а въ Анкиру.

А съ другой стороны, если разсматриваемый документъ есть подлогъ, и „великій соборъ въ Анкирѣ“—выдумка, то мнимый „фальсификаторъ“ и здѣсь оказывается, „двуличнымъ Янусомъ“: то непродожимымъ невѣждой, то гениемъ. Съ одной

стороны этотъ „фальсификаторъ“ не могъ понять даже того, что анкирскій помѣстный соборъ не только не былъ „великимъ“, но и состоялся раньше начала аріанскаго спора, такъ какъ въ его спискахъ упоминается Виталій, епископъ антиохійскій, предшественникъ Филогонія, и Агриколая кесаріе-каппадокійскій, предшественникъ Леонтія. Имя Виталія и Агриколая нѣтъ у Аванасія в. *epist. ad. еpp. Aeg. et. Lib. n. 8* въ числѣ „мужей апостольскихъ“; слѣдовательно, оба они умерли еще до начала аріанскаго спора¹⁾.

Но мало того, на этомъ соборѣ, какъ доказываетъ самъ же Гарнакъ²⁾, присутствовалъ Агапій, епископъ Кесаріи палестинской³⁾, предшественникъ Евсевія. Выходитъ, что „фальсификаторъ“ заставляеть выдуманннй имъ соборъ окончательное рѣшеніе вопроса объ Евсевіи кесарійскомъ представить тому собору, на которомъ засѣдалъ предшественникъ Евсевія.

И, наконецъ, на анкирскомъ соборѣ несомнѣнно присутствовалъ Наркиссъ пероніадскій. Выходило, что этотъ епископъ долженъ былъ судить самъ себя!—А съ другой стороны этотъ грубый повѣжда сумѣлъ поддѣлать такіе „водяные знаки“, какъ имя Λοῦτος и вѣроизложеніе безъ термина *ὁμοούσιος*.

IV.

Если упоминаніе объ Анкирѣ, по мнѣнію Гарнакка, ясно показываетъ, что оснариваемое имъ посланіе „хочеть быть доникейскимъ“, то столь же ясно для него и то „наблюденіе, что оно предполагаетъ никейскій“ [соборъ] „пли

¹⁾ *Hefele* CG, I², 221. *Harnack*, *Mission* II², 183. Ср. В. В. Болотовъ, Михайловъ день, 18 [=Хр. Чт. 1892. II, 606], прим. 28. По Zahn, *Marcellus* S. 9, Виталій антиохійскій не присутствовалъ на этомъ соборѣ, а его предсѣдателемъ былъ самъ Маркеллъ авкирскій. Но въ данномъ случаѣ важно лишь то, что имя Виталія занесено въ списки этого собора; значить онъ былъ его современникомъ.

²⁾ *Harnack*, *Die Chronologie*, II, 160. 108².

³⁾ Его имя сохранилось въ сирскомъ спискѣ и въ *libellus synodicus*.

даже само оно хотеть быть послѣнникейскимъ и отождествить себя съ посланіемъ одного изъ извѣстныхъ соборовъ, которые состоялись въ Антиохіи вскорѣ послѣ никейскаго“. [S. 482] „вѣдь 1. оно ссылается ясно на символъ вѣры 318 епископовъ, т. е. отцовъ никейскихъ (*ἔσται οὖν, ἡ πίστις, ἣ προσέβη ὑπ' ἀνδρῶν πνευματικῶν τῆν... ἡδε*)—тотъ фактъ, что оно смыслъ никейскаго [символа] въ существѣ дѣла передаетъ словами Александра александрійскаго, не можетъ ничего измѣнить тутъ — — — [S. 483] — — Г. Шварцъ старается избѣгнуть отъ очевиднаго факта, что [тутъ] предполагается никейскій [символь], тѣмъ, что вычеркиваетъ число „318“, какъ позднѣйшую вставку [Апм. 1. Число стоитъ въ рукоп. въ концѣ строки, но, какъ замѣчаетъ Шварцъ, ясно на полѣ и внѣ текста. Но писано ли оно другой рукой?]; но чрезъ это не приобретается ничего, ибо остается, что эти отцы ссылаются на исповѣданіе вѣры „духовныхъ“ мужей высочайшаго авторитета и при этомъ приводятъ полемическое заключеніе никейскаго символа, слѣдовательно, они предполагаютъ именно никейскій символъ [Апм. 2. Поэтому, если число [318] интерполировано, то это фактически правильная интерполяція“.

Что цифра „318“ въ этомъ посланіи есть позднѣйшая интерполяція, ясно уже изъ того факта, что въ дѣйствительности вѣроизложеніе этого посланія съ никейскимъ символомъ не имѣетъ ничего общаго. Вѣра 318 отцовъ безъ термина *ὁμοούσιος* есть *contradictio in adjecto*. Это должны были знать даже и „фальсификаторы“ 6—7 вв., — въ особенности такіе свѣдующіе, какимъ и по Гарнакку выходитъ фальсификаторъ антиохійскаго посланія. Цифра „318“ понятна здѣсь лишь какъ приписка совсѣмъ глупаго писца или читателя. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, нѣтъ никакой надобности наводить справки о томъ, какимъ почеркомъ изображена эта цифра въ сирской рукописи. То вѣдь безспорно, что въ этой рукописи мы имѣемъ во всякомъ

случай не самый оригиналь этого документа, считать ли его подлиннымъ или подложнымъ¹⁾.

И если Швартцъ считалъ вставкую всего лишь одну цифру „318“, а слова: ἔστιν οὖν ἡ πίστις, ἣ προσέθη [οἶον]²⁾ ὑπ' ἀνδρῶν πνευματικῶν—οἷς οὐ δίκαιον νομίζειν κατὰ ζάρα ζῆν ἢ νοεῖν, ἀλλὰ ἐν πνεύματι ταῖς τῶν θεοπνεύστων βιβλίων ἀγίαις γραφαῖς συνηκῆσθαι, въ немъ не возбуждали сомнѣнія, то пишущій эти строки, и не читая статьи Гарнакка, подозрѣвалъ, что здѣсь вставлена и не одна эта цифра, а можетъ быть даже и вся эта фраза³⁾. Возможно даже, что мы имѣемъ здѣсь дѣло и не съ простой интерполяціей, а съ поправкой первоначальнаго текста посланія, который кому либо (можетъ быть тому же сирскому переводчику) казался недостаточно разукрашеннымъ.

Опредѣленно объ этихъ ἀνδρες πνευματικοὶ Швартцъ высказался въ 1908 году, въ своемъ отвѣтѣ Гарнакку⁴⁾. По его мнѣнію, эти „мужи духовные“ — никто иной, какъ тѣ ἀδελφοὶ λόγοι, о присутствіи которыхъ на соборѣ во время обсуждения вопроса о вѣрѣ упоминается въ посланіи нѣсколькими строками выше, какъ о чемъ-то особенно важнымъ⁵⁾. Роль этихъ ἀδελφοὶ λόγοι Швартцъ сравниваетъ съ

¹⁾ Изъ приведенной у Schwartz, VII (въ его отвѣтѣ Гарнакку) фотографии данной страницы рукописи (f. 145r) видно, что цифра 318 (ΓΨ) стоитъ прямо на полѣ и не выжета съ текстомъ; но писана той же рукой, какъ и текстъ. Она представляетъ собою, какъ совершенно правильно говоритъ Швартцъ, совѣтъ необдуманную прибавку писца рукописи, который изъ того факта, что посланіе приписывается каноническому антиохійскому собору и полемизируетъ съ арианами, вывелъ то ошибочное заключеніе, что подъ ἐκθεσις; [вѣрнѣе: πίστις;] здѣсь разумѣется ἐκθεσις πίστεως, κατ' ἐξουχίαν антиаріанское, т. е. никейскій символъ. Schwartz VII, 846.

²⁾ См. Schwartz, VII, 345, 4.

³⁾ Въ рукописи, писанной въ 1907—8 гг. у меня стоитъ: „Возможно, что въ тирадѣ ἡ προσέθη—συνηκῆσθαι есть и еще вставки, но указать ихъ съ полною увѣренностію и возстановить первоначальный видъ текста едвали возможно“.

⁴⁾ Schwartz, VII, 344—345.

⁵⁾ Καὶ δε εἰς ἐν σο ἀφέντες, παρόντων καὶ τινῶν ἀδελφῶν λόγιον, περὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς πίστεως, ἣν ὑπο τῶν γραφῶν καὶ τῶν ἀποστόλων εἰدیدυθημεν καὶ ἀπο τῶν πατέρων παρελήφθημεν, ἐμηκύνημεν τον λόγον.—Schwartz, VI, 275.

ролью пресвитера Малхіона на антiохійскомъ соборѣ, изложившемъ Павла самосатскаго. Большинство епископовъ, по мнѣнію Шварцга, очень мало понимали въ тѣхъ догматическихкихъ вопросахъ, которые подлежали обсужденію собора, и эти ἀδελφοὶ λόγιοι — вѣроятно тоже пресвитеры, во всякомъ случаѣ не епископы,—должны были вмѣсто нихъ вести пренія съ противниками, и имъ же поручено было составить и самое изложеніе вѣры, и соборъ въ разбираемой тирадѣ хочетъ съ особымъ удареніемъ сказать, что авторы этого вѣроизложенія были лица духовныя, въ богословскомъ отношеніи вполне надежныя ¹⁾).

Наоборотъ Э. Зеебергъ, которому разбираемая фраза кажется не вполне ясной и дѣйствительно нѣсколько высокопарной, не находитъ возможнымъ отождествить этихъ πνευματικοὶ ἄνδρες съ λόγιοι ἀδελφοὶ и предполагаетъ, что отцы антiохійскаго собора имѣютъ здѣсь въ виду „отцовъ“ въ смыслѣ древнѣйшихъ церковныхъ писателей, какъ Оригенъ, Діонисій, Петръ александрійскій и Григорій неокесарійскій ²⁾).

Дѣйствительно, предположеніе Шварцга представляется и мнѣ довольно рискованнымъ. а) Едвали правильно считать умственный уровень застѣдавшихъ въ 324 году въ Антiохіи епископовъ настолько низкимъ, что между ними не нашлось ни одного, которому можно бы поручить составить вѣроизложеніе. Конечно, вождь этого собора св. Евстаоій былъ далеко не то, что отлученный этимъ соборомъ митрополитъ палестинскій Евсевій; однако и онъ извѣстенъ какъ писатель, рѣшившійся послѣ 325 года вести полемику съ этимъ Евсеіемъ. Да и вообще всѣ присутствовавшіе на этомъ соборѣ „мужи апостольскіе“ (Амфіонъ епифанійскій, Лупъ тарсекій, Евнесихій тiанскій и другіе) извѣстны были и какъ писатели, такъ какъ Аонасіій в. въ своемъ спискѣ

¹⁾ *Schwartz*, VII, 345.

²⁾ *E. Seeberg*, S. 118.

ихъ говорить объ ихъ τὰ γραφόμενα. β) Еслибы редактированіе вѣроизложенія и дѣйствительно поручено было какому либо пресвитеру, соборъ едвали сталъ бы признаваться въ этомъ и указывать *explicitè* на богословскую компетентность его автора: какъ бы ни высоко стоялъ въ умственномъ отношеніи этотъ пресвитеръ, *ἀνὴρ λόγιος*, — въ сравненіи съ самимъ соборомъ его авторитетъ уже не имѣлъ значенія; гораздо важнѣе было то, что это вѣроизложеніе было написано 56-ю (55-ю) епископами. Высшій въ сравненіи съ этимъ соборомъ авторитетъ могли представлять дѣйствительно только „отцы“, въ смыслѣ древнѣйшихъ церковныхъ писателей, или епископовъ. γ) о Малхіонѣ, хотя имя его поставлено даже въ заголовкѣ посланія антиохійскаго собора 268—9 г., какъ одного изъ членовъ собора, намъ собственно неизвѣстно, былъ ли онъ авторомъ вѣроизложенія, составленнаго на этомъ соборѣ. Его задача, какъ опытнаго діалектика, состояла въ томъ, чтобы уличить Павла самосатскаго въ его ереси. И на соборѣ 324 года *ἀνδρες λόγιοι* очевидно должны были вести пренія съ Θεодотомъ, Наркиссомъ и Евсевіемъ и уличить ихъ въ единомысліи съ Аріемъ. Для этого требовалась дѣйствительно такая подготовка, какою не обладалъ, быть можетъ, и ни одинъ изъ епископовъ, за сѣдавшихъ на этомъ соборѣ. Задача же составить вѣроизложеніе была ужъ не такая хитрая. Вѣдь въ сущности каждый епископъ долженъ былъ хорошо знать свою вѣру, чтобы умѣть преподать ее крещаемымъ. А болѣе образованные между епископами были конечно и достаточно начитаны и въ древне-церковной и въ современной полемической литературѣ, чтобы составить такое вѣроизложеніе, подписъ подъ которымъ равнялась бы отреченію отъ арианскихъ воззрѣній.

По всему этому, предположеніе Зсеберга и мнѣ представляется болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ предположеніе Швартца. — Можно только поставить вопросъ: имѣютъ ли

въ виду антиохійскіе отцы подь „духовными мужами“ именно тѣхъ древне-церковныхъ писателей, которыхъ называетъ Зеебергъ, въ частности имѣютъ ли они тутъ въ виду Оригена? То безспорно, по моему мнѣнію, что въ ученіи о Св. Троицѣ и св. Евстаѳій антиохійскій былъ правымъ оригенистомъ (а никакъ не антиоригенистомъ), и что и антиохійское вѣроизложеніе составлено въ духѣ ученія Оригена, очищеннаго отъ крайностей его (антисавелліанскаго) субординализма. То однако фактъ, что и Евстаѳій (какъ Мееодій олимпскій) полемизировать противъ Оригена. А съ другой стороны самъ же Э. Зеебергъ высказываетъ то мотивированное предположеніе, что въ основу этого антиохійскаго вѣроизложенія положенъ былъ крещальный символъ антиохійской церкви¹⁾. Не проще ли поэтому предположить, что *ἄνθραξ πνευματικῆ* — это древнѣйшіе антиохійскіе епископы, авторы того символа, который въ распространенномъ видѣ, съ полемическими антиаріанскими добавленіями, и приводятъ въ своемъ посланіи отцы антиохійскаго собора 324 года? Объ анаеоматизмѣ этого вѣроизложенія, будто бы предполагающемъ полемическое заключеніе никейскаго символа, см. далѣе подь № 2 и въ Хр. Чт. 1911, 856—8.

„2. оно повторяетъ съ легкимъ парафразированіемъ полемическое заключеніе никейскаго символа буквально“ [не могу понять, какъ это можно повторять „буквально“ и однако „съ легкимъ парафразированіемъ“!]. — Этому аргументу Гарнакъ придаетъ, повидимому, чрезвычайно важное значеніе: онъ повторяетъ его и въ главѣ III и здѣсь подь № 1 и въ главѣ I-й, гдѣ онъ приводитъ и самый текстъ этого антиохійскаго анаеоматизма. — Можно подумать, что сходство этого анаеоматизма съ никейскимъ такъ очевидно, что не нуждается и въ доказательствахъ. Признаюсь, я даже и совершенно буквально тождество этихъ анаеома-

---

¹⁾ E. Seeberg, SS. 124—126.

тизмовъ не считалъ бы не только подавляющимъ, но и сколько-нибудь серьезнымъ аргументомъ противъ подлинности этого антиохійскаго вѣроизложенія. Гарнакъ, повидимому, не допускаетъ и мысли, что никейскіе отцы свой анаеизмъ могли заимствовать изъ какого либо раннѣйшаго вѣроизложенія. Но развѣ никейскій символъ и въ его главной части есть совершенно оригинальное произведеніе собора? Развѣ не признано теперь всѣми, что въ основѣ никейскаго символа лежатъ прочитанный на соборѣ Евсеіемъ кесарійскимъ кесаріе-палестинскій символъ? Какое же имѣемъ мы основаніе думать, что наоборотъ анаеизмъ никейскаго символа совершенно оригиналенъ и не имѣетъ никакихъ прецедентовъ въ вѣроизложеніяхъ раннѣйшихъ антиріанскихъ соборовъ?

Увѣренность, съ какою Гарнакъ говоритъ здѣсь о тождествѣ обоихъ анаеизмовъ, подѣйствовала повидимому даже и на самого Шварца: и онъ въ отвѣтѣ Гарнаку признаетъ, что эти анаеизмы дѣйствительно сходны, хотя и не тождественны, и ничто не препятствуетъ видѣть въ антиохійскомъ анаеизмѣ *Vorstufe* анаеизма никейскаго¹⁾: отсутствіе—въ антиохійскомъ анаеизмѣ—терминовъ *ὁμοία* и *ὁμοῦτοι*,—говоритъ въ пользу этого очень ясно.

Въ виду такого довольно нерѣшительнаго отношенія со стороны Шварца, Гарнакъ и въ 1909 году не совсѣмъ отказывается отъ этого аргумента за неподлинность посланія. Онъ и теперь находитъ, что анаеизмы антиохійскіе очень похожи на никейскіе, и что если теперь и нельзя увѣренно настаивать на зависимости ихъ отъ никейскихъ и не исключается та возможность, что такіе анаеизмы выставлены были и раньше никейскаго собора, напр., въ томъ-жѣ Александрѣ, то съ другой стороны неправильно считать ихъ и безспорно доникейскими²⁾.

¹⁾ *Schwartz*, VII, 347—8.

²⁾ *Harnack*, II, 417 (6 b) es [Glaubensdekret] bringt am Schluss Anathematismen, die dem Nicänum recht ähnlich sind. — — S. 4. 8 In bezug

Что въ дѣйствительности сходство (но не тождество) антиохійскаго анаеоматизма съ никейскимъ ограничивается только приводимыми въ обоихъ выраженіями, принадлежащими самому Арію, во всемъ же остальномъ оба анаеоматизма совершенно оригинальны; что антиохійскій анаеоматизмъ зависитъ не отъ никейскаго анаеоматизма, а отъ *Θάλεια* Арія, опровергаетъ такія, развитія Аріемъ въ этомъ сочиненіи, положенія, отъ которыхъ послѣ 325 года отказался и самъ Арій, и которыхъ не повторяли и Аетій и Евномій, что, слѣдовательно, анаеоматизмъ этотъ могъ быть составленъ только не позже 325 года, это показано мною уже въ 1911 г. въ Христ. Чтеніи, стр. 856—8 [=Антиохійскій соборъ 324 года стр. 26—8], гдѣ [стр. 856=26] дано и сопоставленіе антиохійскаго анаеоматизма съ никейскимъ. Но для краткости тамъ опущены были нѣкоторыя подробности сличеній обоихъ анаеоматизмовъ, которыя и воспроизвожу здѣсь.

Даже арианскія положенія приводятся въ обоихъ символахъ и въ нѣсколько иномъ порядкѣ, и въ не совсемъ тождественныхъ выраженіяхъ. Словамъ: *ἦν πότε ὅτε ὄχι ἦν* никейскаго анаеоматизма въ антиохійскомъ соответствуютъ *ἦν ὅτε ὄχι ἦν* [съ опущеніемъ слова *πότε*; если только этотъ пропускъ не слѣдуетъ отнести на счетъ сирскаго переволчичка]. Выраженіе *ἐξ ὄχι ὄντων* въ антиохійскомъ вѣроизложеніи

---

auf b kann nunmehr die Abhängigkeit von den nicänischen Anathematismen nicht sicher behauptet werden, vielmehr ist die Möglichkeit einzuräumen, dass solche Anathematismen schon vor Nicäa aufgestellt worden sind und etwa schon in Tomos Alexanders standen. Dass sie aber vornicänisch sein müssen, ist unrichtig; das Fehlen der *ὄσια* kann das nicht beweisen, da sie ja schon im Brief des Alexanders vorkommt,—und die Worte *ἀνεπίστατοι οἱ τῆ ἀθετοῦσιφ—κατὰ τὸν πατέρα* sehen nicht wie eine Vorstufe der nicänischen Anathematismen aus.—Курьезно здѣсь то, что какъ аргументъ за возможность послѣ никейскаго происхожденія этого анаеоматизма Гарваккъ указываетъ на ту именно тираду, которая и доказываетъ всего яснѣе его доникейское происхожденіе,—ту, въ которой опровергаются положенія изъ *Θάλεια* Арія.

передано описательно: οἱ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος παράγοντες τὴν γεννησιν; а слова πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν (повидимому, какъ излишнія подлѣ ἦν ποτε ὅτε οὐκ ἦν) совсѣмъ опущены. — По поводу отсутствія въ антиохійскомъ символѣ чего либо соответствующаго выраженію никейскаго символа: ἐξ ἑτέρας ὑποστάσεως ἢ οὐσίας κ. т. л., въ смыслѣ аргумента за доникейское происхожденіе спорнаго посланія, нужно прибавить: то, конечно, вѣрно, что анаеоматизмъ на выраженіе ἐξ ἑτέρας ὑποστάσεως былъ строго говоря неприемлемъ и для позднѣйшихъ восточныхъ богослововъ — новоникейцевъ, выросшихъ на твореніяхъ отцовъ каппадокійцевъ и потому признававшихъ во Св. Троицѣ три ипостаси. Но противъ анаеомы на то положеніе, что Сынъ произошелъ ἐξ ἑτέρας οὐσίας, чѣмъ Отецъ, и эти позднѣйшіе богословы ничего не могли возразить. И во всякомъ случаѣ, если въ концѣ концовъ на востокѣ никейскій символъ и вытѣсненъ былъ изъ богослужебнаго употребленія символомъ константинопольскимъ (въ которомъ анаеоматизмовъ нѣтъ вовсе); то дѣло все же никогда не доходило до измѣненія самаго текста никейскаго символа. Дѣло въ томъ, что приведеннымъ выраженіямъ можно было дать и такое толкованіе, что они не противорѣчили ученію о трехъ ипостасяхъ: Сынъ рожденъ не изъ другой какой ипостаси, а изъ Ипостаси Самого Бога Отца, и тѣмъ не менѣе Онь есть особая Ипостась. Подобное толкованіе было неизбѣжно для богослововъ, признававшихъ въ Богѣ три ипостаси, но вынужденныхъ считаться съ никейскимъ символомъ, какъ съ неустрашимымъ фактомъ. Неудобство этого толкованія заключалось въ томъ, что по этой логикѣ получался и тотъ выводъ, что слѣдовательно Сынъ Божій есть и особое существо, οὐσία, хотя и происшедшее изъ существа Отца. Василиій в. однако держался того убѣжденія, что и никейскій символъ различаетъ οὐσία отъ ὑπόστασις¹⁾. Словомъ: еслибы авторъ разбираемаго посланія

¹⁾ См. В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней Церкви IV, 89 (BasII. ep. 125).

имѣлъ предъ глазами никейскій символъ, онъ едва ли совсѣмъ опустилъ бы въ своемъ анаеematизмѣ слова ἢ ἐξ ἑτέρας ὑποστάσεως ἢ οὐσίας. Поэтому въ отсутствіи этихъ выраженій въ антиохійскомъ вѣроизложеніи я вижу доказательство его доникейскаго происхожденія.

Никейскому ἢ κτιστὸν въ антиохійскомъ анаеematизмѣ соотвѣтствуетъ κτίσμα и γενητὸν ἢ ποιητὸν; никейскимъ—ἢ τρεπτόν ἢ ἀλλοιωτὸν—антиохійское προσέτι δὲ κακείνους οἱ τῇ αὐτεφουσίῃ θελήματι αὐτοῦ ἄτρεπτον εἶναι αὐτὸν ἠγαῶνται—καὶ μὴ φύσει ἄτρεπτον κατὰ τὸν πατέρα. Последняя параллель очень интересна. Известно, что Аріій называлъ Сына Божія то неизмѣняемымъ ¹⁾, то измѣняемымъ по природѣ, какъ я мы ²⁾. Попытки примирить это противорѣчіе не особенно удачны ³⁾.

Если въ письмѣ аріанъ къ Александру выраженіе ὑποστῆσαντα δὲ ἰδίῃ θελήματι, ἄτρεπτον καὶ ἀναλλοίωτον, *вырванное изъ контекста*, и допускаетъ повидимому [съ большою натяжкою, такъ какъ ὑφίστημι значить *происхожу*, но не значить *дѣлаюсь, становлюсь*] то пониманіе, что Сынъ „по своей собственной волѣ сдѣлался неизмѣняемымъ“ въ нравственномъ смыслѣ [= μένει καλὸς въ Θάλασσᾳ]; то контекстъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ здѣсь о *происхожденіи* Сына *по волѣ Отца*; слѣд., Отецъ создалъ Его неизмѣняемымъ и нецреложнымъ. Вотъ этотъ контекстъ: „Мы знаемъ Единаго Бога, единаго нерожденнаго, единаго вѣчнаго — — — закона и пророковъ и новаго завѣта сего Бога, γεννήσαντα Υἱὸν μονογενῆ — — — γεννήσαντα δὲ οὐ δο-

¹⁾ Ep. ad. Euseb. у Theoderet. I, 5: ἀναλλοίωτος; ep. ad. Alex. Alex. у Ath. de synodis n. 16 ἄτρεπτον καὶ ἀναλλοίωτον.

²⁾ Ath. c. arian. I, 9; 5. Теперь см. въ Хр. Чт. 1911, 857 [27].—Что не только I, 9, но и I, 5 взято изъ Θάλασσα см. „Евсевій никомидійскій и Лукіанъ“ стр. 5—7, прим. 2.

³⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Ученіе Оригена о Св. Троицѣ, стр. 406, прим. 3. В. Н. Самуиловъ, Исторія аріанства на латинскомъ западѣ, Спб. 1890, стр. 80, прим. 14; и у меня, Евсевій никомид. и Лукіанъ стр. 8—9, прим. 1.

κήρει, ἀλλὰ ἀληθεία: ὑποστάντα etc. [подлежащее къ ὑποστάντα, слѣд., несомнѣнно Θεός] — — твореніе, но не какъ одно изъ твореній, рожденіе, но не какъ одно изъ рожденій — — οὐδὲ τὸν ὄντα πρότερον — — — ἀλλ' ὡς φάμεν, θελήματι τοῦ Θεοῦ πρὸ χρόνων καὶ πρὸ αἰώνων κτισθέντα". Еще яснѣе это видно изъ письма Арія къ Евсевію, гдѣ впрочемъ Сынъ называется только ἀναλλοίωτος, но не ἄτραπτος¹⁾. Слова: θελήματι καὶ βουλῇ ὑπέστη πρὸ χρόνων καὶ αἰώνων πλήρης θεὸς μονογενὴς ἀναλλοίωτος и здѣсь невозможно понимать въ томъ смыслѣ, что Сынъ по *своей* волѣ и *своему* совѣту *сдѣлался* неизмѣняемымъ: выше Арій говорить, что „Сынъ не есть нерожденный, ни часть нерожденного — — — ни изъ какой либо подлежащаго (οὔτε ἐξ ὑποκειμένου τινος)“²⁾. Рѣчь, слѣд., идетъ о *происхожденіи* Сына, и подъ θελήματι καὶ βουλῇ разумѣется *воля Отца*, а не Сына.

Поэтому В. В. Болотовъ принималъ двѣ стадіи въ развитіи ученія самого Арія: сначала его ученіе было болѣе умѣренно и возвышенно, и онъ не затруднялся прилагать къ Сыну эпитеты ἀναλλοίωτος и даже ἄτραπτος. Въ такомъ видѣ его ученіе изложено въ письмахъ къ Евсевію и Александру. А потомъ [потерявъ, вѣроятно, надежду на воссоединеніе съ своимъ папою] Арій развилъ свое ученіе строго логически и уже не затруднялся говорить, что и самъ Сынъ по природѣ измѣняемъ, τραπτός, и пребываетъ благимъ лишь по своей свободной волѣ. Такъ какъ письма къ Евсевію и Александру относятся безспорно къ началу спора, то это представление дѣла соотвѣтствуетъ и установленному новѣйшими изслѣдованіями ходу событій исторіи начала аріанскаго спора. Трудность получается лишь въ томъ случаѣ, если принять то—мотивированное—предположеніе Шварцга и Снелльманна, что посланіе аріанъ къ Александру Ἦ πίστις ἡμῶν написано уже послѣ Ἐνός σώματος и послѣ виоинскаго собора, хо-

¹⁾ Но такъ какъ по Ἐνός σώματος (8-зъ I, 6) аріане называли Сына не только τραπτός, но и ἀλλοιωτός, то эта разница не имѣетъ значенія.

ти и прежде Ἦ φίλαρχος. Дѣло въ томъ, что Ἐνὸς σώματος представляетъ ученіе арианъ уже въ той стадіи, въ какой оно является въ Θάλαττα 1).

Самуиловъ (I. с.) говоритъ: „Выраженіями его [Арія] собственно аномійскаго ученія, вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительныхъ убѣжденій служитъ письмо Александра и Θαλία. Письмо къ Александру скорѣе плодъ вліянія покровительствующихъ ему епископовъ. Оно вполнѣ оміійскаго характера. Письмо къ Евсевію отчасти аномійскаго характера [ἐξ οὐκ ὄντων], отчасти оміійскаго [ученіе о неизмѣняемости Сына]“.

Къ этому можно прибавить: вліяніе епископовъ (напр. Евсевія кесарійскаго) можно предполагать и въ письмѣ къ Евсевію никомидійскому. Но кромѣ того и самъ Аріій не только въ письмѣ къ Александру, но даже и въ письмѣ къ солукіанисту Евсевію имѣть побужденія нѣсколько маскировать свои дѣйствительныя убѣжденія.

Возможно однако и то, что въ Ἐνὸς σώματος излагается ученіе не одного Арія, но и нѣкоторыхъ его неумѣренныхъ послѣдователей, къ которымъ внослѣдствіи, утративъ всякую надежду на примиреніе съ Александромъ александрійскимъ, онъ присоединился и самъ.

Но то безспорно во всякомъ случаѣ, что и никейское и антиохійское вѣроизложенія имѣютъ въ виду арианство въ томъ видѣ, въ какомъ оно излагается въ Θάλαττα. Но тогда какъ никейскій символъ ограничивается лишь тѣмъ, что анаеоматствуетъ эпитеты τρεπτός ἢ ἀλλοίωτος въ примѣненіи къ Сыну; антиохійскій соборъ, назвавъ Сына въ самомъ вѣроизложеніи ἄτρεπτον καὶ ἀναλλοίωτον, находитъ нужнымъ анаеомат-

1) Socr. I, 6, p. 11; Migne PG. t. 67, col. 450: Διὸ καὶ τρεπτός ἐστι καὶ ἀλλοιωτός τῆν φύσιν, ὡς καὶ πάντα τὰ λογικά, p. 12, col. 48A. Ἡρώτησε γούν τις αὐτοῦς, εἰ δύναται ὁ τοῦ Θεοῦ Λόγος; τραπεῖναι ὡς ὁ διάβολος ἐτραπέη [рѣчь идетъ значить и здѣсь о нравственной измѣняемости] καὶ οὐκ ἐφοβήθησαν εἰπεῖν, Νοὶ δύναται. Τραπεῖς γάρ φύσεώς ἐστι γεννητός [Valesius: Scribendam puto γεννητός, ut legitur apud Gelasium Cyzicenum] καὶ τρεπτός ὑπάρχων.

ствовать „и тѣхъ, которые думаютъ, что“ Сынъ „измѣняемъ только по Своей свободной волѣ—, а не по природѣ, какъ Отецъ“. Слѣдовательно, арианское ученіе объ измѣняемости Сына въ антиохійскомъ вѣроизложеніи изложено яснѣе и точнѣе, чѣмъ въ никейскомъ символѣ. Самыя выраженія антиохійскаго анаеematизма въ данномъ случаѣ настолько сходны съ выраженіями Арія въ его *Θάλαξ*, что сама собою напрашивается мысль, что отцы собора берутъ ихъ прямо изъ *Θάλαξ* ¹⁾.

Не имѣетъ ничего соответствующаго въ никейскомъ анаеematизмѣ и выраженіе *ὅτι φῶς ἐστιν*. Въ самомъ никейскомъ символѣ Сынъ Божій называется, правда, „Свѣтомъ отъ Свѣта“, *φῶς ἐκ φωτός*. Но такъ какъ „Свѣтомъ истиннымъ“, *φῶς ἀληθινόν*, Сынъ Божій названъ и въ такъ называемомъ символѣ Лукіана и именно такъ, *φῶς ἀληθινόν*, (а не „Свѣтомъ отъ Свѣта“) Онъ называется и въ разбираемомъ антиохійскомъ вѣроизложеніи, то говорить о заимствованіи этого термина изъ никейскаго символа не приходится. Скорѣе полное совпаденіе въ данномъ случаѣ этого антиохійскаго вѣроизложенія съ символомъ Лукіана говоритъ за антиохійское происхожденіе этого вѣроизложенія ²⁾.

¹⁾ *Ant. sob.*: τῆ αὐτεξουσίῳ θελήσει αὐτοῦ ἀτραπτόν = *Thalia*: τῷ δὲ ἰδίῳ αὐτεξουσίῳ, ὥς βούλεται, μένει κλίσις, — ὅτε μὲντα θέλει, δύναται τρέπεσθαι. *Ant. sob.*: καὶ μὴ φύσει ἀτραπτόν = *Thalia*: τρέπτῆς ὡν φύσεως. *Ant. sob.* κατὰ τὸν Πατέρα = *Thalia*: οὐκ ἐστὶν ἀτραπτός ὡς ὁ Πατήρ ἀλλὰ τρέπτός 'Ἐστι φύσει. — При оцѣнкѣ этихъ параллелей не слѣдуетъ упускать изъ вида, что мы имѣемъ не подлинный текстъ посланія собора 324 года, а всего только обратный переводъ его съ сирскаго, сдѣланный Шварццемъ; въ подлинникѣ же совпаденія имѣли быть еще разительнѣе. — Зависимость антиохійскаго анаеematизма отъ *Θάλαξ* Арія признаетъ и *E. Seeberg*, SS. 146—147. И повидимому онъ обратилъ вниманіе на эту зависимость независимо отъ меня, хотя добросовѣстно ссылается S. 146, Anm. 4 и на мою статью — Замѣчу, что самъ я натолкнулся на данныя мѣста изъ *Θάλαξ* по цитатѣ у *B. В. Болотова*, Ученіе Оригена о Св. Троицѣ, стр. 406, прим. 3, но потомъ конечно подыскалъ ихъ и въ *S. Athanasii opera* (ed. *Thilo*).

²⁾ „Истиннымъ свѣтомъ“, τὸ ἀληθινόν φῶς, называется впрочемъ Сынъ Божій и у св. Александра alexandрійскаго въ Ἦ φίλας: р. 14 АВ.

Но съ какой стати отцы антиохійскаго собора 324 года не только въ самомъ вѣроизложеніи называютъ Сына Божія „Свѣтомъ истиннымъ“, но и въ анаеоматизмъ его вставляютъ — прерывающее текстъ — замѣчаніе: „ибо мы вѣруемъ, что Онъ былъ и есть и что [Онъ] есть Свѣтъ“? Какую цѣль имѣетъ здѣсь это упоминаніе о Свѣтѣ? — Припомнимъ, что еще для Оригена сравненіе Отца съ Свѣтомъ, а Сына съ сіяніемъ этого Свѣта [вѣдь Онъ есть „сіяніе славы“ Отца, Евр. I, 3] было однимъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу его ученія о вѣчномъ рожденіи Сына ¹⁾. И св. Александръ александрійскій — съ тою же цѣлію — называлъ Сына „сіяніемъ славы“ Отца ²⁾.

Очевидно и отцы антиохійскаго собора 324 года, какъ показываетъ это и контекстъ (упоминаніе о томъ, что „Онъ былъ и есть“), называя Сына Божія „Свѣтомъ“, хотятъ показать, насколько нелѣпно арианское ученіе о томъ, что „было, когда не было Сына“. А съ другой стороны, если Сынъ есть Свѣтъ, то конечно въ томъ смыслѣ, что Онъ — Свѣтъ отъ Свѣта; а слѣдовательно Онъ не есть твореніе, а произошелъ отъ Самого Бога Отца, какъ Свѣтъ происходитъ отъ друго-го Свѣта, Онъ есть ἀληθῶς γέννημα, γέννημα ὁριῶς.

Выраженіямъ εἰκὼν — τοῦ πατρὸς и ἀληθῶς γέννημα ничего не соотвѣтствуетъ ни въ никейскомъ анаеоматизмѣ, ни въ самомъ никейскомъ символѣ; и если они откуда заимствованы,

¹⁾ В. В. Болотовъ, Ученіе Оригена о Св. Троицѣ, стр. 206. 208—10.

²⁾ Thdrdt. I. 4 (Ἡ φιλαρχος) p. 13D το γε ἀπαρχηται της δεξης μη ειναι λεγειν συναναρται και το πρωτοτοπον φως, ου εστιν ἀγαλασμα. — Ссылка на то, что Сынъ есть „истинный свѣтъ“, имѣетъ у св. Александра другую цѣль. p. 13Dln. — 14AB онъ доказываетъ, что сыновство Спасителя не имѣетъ ничего общаго съ сыновствомъ всѣхъ прочихъ, что Онъ Сынъ по природѣ, неизмѣняемый, совершенный и ни въ чемъ ненуждающійся. И онъ ссылается на то, что уже самыя наименованія Сына: Премудрость, Истина, Слово, Жизнь и Свѣтъ исключаютъ мысль о какомъ либо несовершенствѣ въ Немъ, какой либо проколѣ; развѣ можетъ Премудрость быть причастна глупости, Сила — немощи, развѣ можетъ Слово (разумъ) затемняться неразуміемъ (ἀλογία), или къ истинному Свѣту — прилѣпиться тьма? πῶς ἂν ἔχοι βαλτιωθῆναι ἢ ζωῆ, τὸ ἀληθινὸν φῶς. Εἰ δὲ τοῦτο, πῶς πλεον ἀφοσιῶν του γυγίνε — τῷ ἀληθινῷ φωτὶ ἐπιμυχθῆναι σκότος.

то не изъ какого либо другого символа, а изъ самаго антиохійскаго вѣроизложенія, гдѣ Сынъ Божій называется εἰς ἕνα—*τῆς πατρὸς ἰσότητος* и γέννημα ἁριῶν. А слѣдовательно о зависимости этого антиохійскаго анаеоматизма отъ какого-либо другого анаеоматизма не можетъ быть рѣчи уже потому, что онъ вполне гармонируетъ съ самымъ антиохійскимъ вѣроизложеніемъ.

„34. Антиохійское посланіе заставляетъ „Евстаѳіа отлучить Евсевія кесарійскаго, параллельно къ антиохійскому собору 330 года, на которомъ наоборотъ Евсевій отлучилъ Евстаѳіа“.—

Къ этимъ словамъ Гарнакка необходимо замѣтить прежде всего, что на соборѣ около 330 года св. Евстаѳій былъ не „отлученъ“, а *низложенъ*. И притомъ не вполне еще безспорно, что на этомъ соборѣ главнымъ дѣятелемъ былъ Евсевій кесарійскій. Феодоритъ I,21 наоборотъ сообщаетъ, что соборъ этотъ собрался по инициативѣ Евсевія никомидійскаго [онъ, правда, ошибочно называетъ его уже здѣсь константинопольскимъ] и Феогнія никейскаго.—Но я и вообще не могу понять, какимъ образомъ изъ факта низложенія Евстаѳіа при участіи или даже и подъ главнымъ руководствомъ Евсевія кесарійскаго, необходимо или даже только можно было сочинить, что и самъ Евсевій былъ отлученъ Евстаѳіемъ.—Вообще этотъ аргументъ 3-й—понятенъ лишь какъ попытка выяснить *цѣль* предлагаемаго подлога; а какъ аргументъ за послѣдникейское происхожденіе разбираемаго документа онъ не имѣетъ ровно никакого значенія.

Мало того: фактъ, что св. Евстаѳій былъ низложенъ при дѣятельномъ участіи Евсевія кесарійскаго, что низложенію его предшествовала полемика его съ этимъ именно Евсевіемъ говоритъ скорѣе за подлинность разбираемаго посланія. Очевидно Евсевій кесарійскій былъ чѣмъ-то особенно недоволенъ св. Евстаѳіемъ и потому, войдя въ силу, добился его низложенія. Причину этого недовольства и разъясняетъ наи-

лучшимъ образомъ новооткрытое посланіе: соборъ 324 года, руководимый св. Евстаѳіемъ, уличилъ Евсевія въ аріанствѣ и отлучилъ его отъ церковнаго общенія. Отлученіе было кратковременно, и съ никейскаго собора Евсевій вернулся какъ законный кесарійскій епископъ. Но неприятное чувство отъ этого нравственнаго униженія осталось въ ученомъ митрополитѣ кесарійскомъ и превратилось во вражду къ Евстаѳію.

„4. Онъ утверждаетъ, что на соборѣ присутствовали епископы изъ Палестины, Аравіи, Финикіи, Келесиріи, Киликіи и нѣкоторые изъ Каппадокіи; это очень близко подходитъ къ извѣстію, что на одномъ состоявшемся вскорѣ послѣ никейскаго въ Антиохіи соборѣ присутствовали епископы изъ Келесиріи, Финикіи, Палестины, Аравіи, Месопотаміи, Киликіи и Исавріи“—[Гарнаккъ имѣеть въ виду извѣстный соборъ, издавшій 25 канонѳвъ].—Признаюсь, я не понимаю, почему епископы даже совершенно изъ однихъ и тѣхъ же провинцій не могли присутствовать на двухъ антиохійскихъ соборахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго очень короткимъ промежуткомъ времени (около 8 лѣтъ). Отсюда просто слѣдовалъ бы выводъ, что слѣдовательно эти провинціи тяготѣли къ Антиохіи, и мы имѣемъ здѣсь дѣло съ зарождающимся антиохійскимъ патріархатомъ 1). Аргументъ 4-й имѣеть бы значеніе только при существованіи другихъ аргументовъ за послѣпникейское происхожденіе разсматриваемаго посланія; тогда онъ давалъ бы отвѣтъ на вопросъ: откуда „фальсифи-

---

1) Интересно, что *E. Seeberg*, 67—8, именно въ этомъ спискѣ провинцій видитъ одинъ изъ вѣскихъ аргументовъ за подлинность спорнаго посланія. Ошибка его аргументаціи въ томъ, что онъ, опираясь на Lübeck'a, принимаетъ, что уже въ то время существовалъ антиохійскій патріархатъ, тогда какъ дѣло идетъ здѣсь о простомъ тяготѣнн сосѣднихъ провинцій къ апостольской антиохійской кафедрѣ, къ той церкви, гдѣ появилось впервые самое имя „христиане“—тяготѣнн, поведшемъ потомъ и къ образованію патріархата.

которъ“ заимствовать свой списокъ провинцій. Сама же по себѣ она не доказываетъ ничего.

„5. Посланіе собора содержитъ почти только имена тѣхъ епископовъ, которые присутствовали также и въ Никее; именно если сравнить имена (ср. сопоставленію Швартца S. 285 ff.), то изъ 22-хъ келеснрійскихъ епископовъ, которые подписались въ Никее, 20 (т. е. 20 тождественныхъ именъ) находятся также и на этомъ антиохійскомъ соборѣ и т. д., такъ что между 59-ю именами встрѣчаются только 7, которые не находятся въ никейскихъ подписяхъ; но изъ этихъ 7-ми 2 встрѣчаются на извѣстномъ антиохійскомъ соборѣ (Мокиму и Александрѣ) и только 5—неопредѣлимы [sind nicht nachweisbar] (Авидій, Иринея, Иренікъ, Раввула и Терентій)“.

Этотъ аргументъ 5-й доказываетъ только, что знаменитый ученій взялся разоблачать „подтогъ“, не потрудившись ознакомиться надлежащимъ образомъ съ оспариваемымъ документомъ. Вслѣдствіе этого получили настоящій курьезъ: доказательство неподлинности антиохійскаго посланія Гарнаккъ усмотрѣлъ какъ разъ тамъ, гдѣ болѣе тщательное и безпристрастное изученіе открываетъ настоящіе „водяные знаки“, которые подлинность этого посланія ставятъ выше всякаго сомнѣнія. Даже тѣ факты, которые отмѣтилъ (со словъ Швартца) и Гарнаккъ, говорятъ за подлинность посланія, не наоборотъ. Если соборъ антиохійскій состоялся всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до никейскаго, то что же удивительнаго, что изъ 59 (58) присутствовавшихъ на немъ епископовъ, 52 (51) явились и въ Никее? Неужели же можно признать вѣроятнымъ, что за эти мѣсяцы умерли хотя бы 10 изъ этихъ 59 (58) епископовъ? Не было ли бы наоборотъ совсѣмъ неправдоподобно, если бы мы встрѣтили въ антиохійскомъ посланіи цѣлую половину такихъ именъ, которыхъ нѣтъ въ никейскихъ подписяхъ?—И если антиохійское посланіе есть подтогъ, то откуда его авторъ заимствовалъ

5 именъ совершенно неизвѣстныхъ изъ другихъ петочниковъ? „Отъ вѣтра главы своя“? Но это было 1) не такъ то легко: имя *Εἰρηικός* совсѣмъ необычное, и сверхъ того изъ этихъ 5-ти именъ—2 греческихъ, 2 латинскихъ и одно сирское; 2) безцѣльно, когда къ услугамъ „фальсификатора“ оставалось не мало неиспользованныхъ именъ и въ тѣхъ же никейскихъ спискахъ, и 3) даже и небезопасно, такъ какъ могло возбудить подозрительность читателей; 4) нецелюбно, почему его изобрѣтательности хватило всего лишь на 5 именъ, и ему удалось присочинить какъ разъ столько именъ, что его списокъ вымудитъ совсѣмъ правдоподобнымъ. Предположеніе, что эти 5 именъ заимствованы изъ какого-нибудь недошедшаго до насъ списка, было бы „апелляціей къ неизвѣстному“¹⁾; а потому я и въ этихъ 5 именахъ вижу доказательство оригинальности, а слѣдовательно и подлинности списка епископовъ въ разбираемомъ посланіи.

Но сверхъ того Гарнакъ замалчиваетъ фактъ, что и тѣ имена епископовъ, которые встрѣчаются въ никейскихъ спискахъ, въ этомъ посланіи расположены совсѣмъ въ другомъ порядкѣ (не по провинціямъ), хотя и встрѣчаются знаменательныя совпаденія²⁾.

¹⁾ Такую „апелляцію“ Гарнакъ дѣйствительно и дѣлаетъ во 2-й статьѣ (S. 413), высказывая предположеніе, что и эти 5 именъ стояли въ недошедшихъ до насъ болѣе полныхъ никейскихъ спискахъ. Die paar Namen, die er mehr bringt, können auch in seiner Liste von Nicäa gestanden haben (die uns erhaltenen Rezensionen sind unvollständig und decken sich nicht).—Ср. Хр. Чт. 1911, 851 [Ант. Соб. 21], 43.

²⁾ О попыткѣ Гарнакка устранить и этотъ аргументъ за подлинность новооткрытаго посланія см. Хр. Чт. 1911, 851—2 [=Ант. Соб. 21—22], прим. 44а. Подробнѣе объ этомъ будетъ рѣчь далѣе въ разборъ 2-й статьи Гарнакка. Новый аргументъ за подлинность списка епископовъ въ спорномъ посланіи Э. Зевберга указываетъ въ томъ, что въ немъ нѣкоторыя имена повторяются по 2 раза [2 Петра, 2 Павла, 2 Вассіана, изъ которыхъ подъ однимъ скрывается *Βασίανης*, и можетъ быть 2 Евсевія: одинъ—якобы—вождь собора, а другой—визложенный]. *E. Zevberg. S. 95: Ferner kehren verschiedene Namen in un-erer antiochenischen Liste, deren Träger dann andere Bischöfe sind. Ein Fälscher aber, der aus*

Но самое главное: Гарпаккъ вовсе проглядѣть въ спискѣ имя *Λοῦπος* (отмѣченное и у Шварца, хотя и безъ соответствующаго комментарія), которое одно доказываетъ подлинность этого документа настолько убѣдительно, что все другія доказательства оказываются уже почти лишними. Имя *Λοῦπος*—такой „водяной знакъ“, что поддѣлка его прямо немислима. Откуда „фальсификаторъ“ могъ взять это имя? Изъ списка анкирскихъ или неокесарійскихъ отцовъ? Но помѣстные соборы анкирскій и неокесарійскій съ арианствомъ не имѣли дѣла. Съ какой же стати „фальсификаторъ“ сталъ бы брать изъ ихъ списковъ это имя и замѣнять имъ имя Θεοδωρα таресскаго, несомнѣнно присутствовавшего въ Никее? Или же онъ былъ настолько хорошии ученный, что отъ его вниманія не ускользнула и списокъ „мужей апостольскихъ“ у Аванасія в. ad episcopos Aegypti et Libyae n. 8? Но 1) у Аванасія в. имя Луна стоитъ рядомъ съ именемъ другого киликійца Амфіона [сифанійскаго] и именно предшествуетъ послѣднему; почему же „фальсификаторъ“ ставитъ Амфіона на 3-мъ, а Луна только на 39-мъ мѣстѣ? Если имя Луна его такъ интересовало, то почему онъ отвелъ ему мѣсто столь отдаленное отъ начала списка? 2) у Аванасія в. въ числѣ „мужей апостольскихъ“ упомянуть и Филогоніи антиохійскій, при которомъ начался арианскій споръ. Откуда „фальсификаторъ“ могъ знать, что Луна тарескій дожилъ до перехода въ Антиохію 2-го преемника Филогонія св. Евстація

---

einer ihm vorliegenden Liste die Namen ausliest, würde immer bestrebt sein neue Namen für seine fingierte Bischöfe zu finden und würde es vermeiden Namen zweimal zu bringen, noch dazu, wenn er die Träger nicht durch ihre Sitze von einander unterscheidet. Представляется дѣйстви-тельно очень страннымъ, почему „фальсификаторъ“, не затруднившійся отъ себя „сочинить“ 3 имени, повторяетъ нѣкоторыя имена по 2 раза. Но конечно этотъ аргументъ Зеебрга имѣетъ значеніе только подлѣ дру-гихъ, а самъ по себѣ не доказывалъ бы подлинности списка.

и, слѣдовательно, умеръ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до никейскаго собора? Если же онъ просто ничего не зналъ объ этомъ, какъ не знали и мы до 1905 года, то не проще ли было ему предположить, что Лулъ тарескій показалъ себя поборникомъ православія еще при Филогоніи, а потому или на мѣсто Евстазія поставить Филогонію, или же—проще— вмѣсто Луна оставить Θεодора. Предположеніе, что онъ потому замѣнилъ имя Θεодора именемъ Луна, что Θεодора нѣтъ у Аонасіа в. въ числѣ поборниковъ православія, — потому невѣроятно, что тогда онъ не внесъ бы въ свой списокъ ни Григорія виритскаго, ни Аетія лиддскаго, которыхъ самъ Аріій называлъ въ числѣ своихъ сторонниковъ. 3) У Аонасіа в. въ числѣ „мужей апостольскихъ“ упоминается и Леонтій кесаріе-каппадокійскій. Почему-же авторъ разсматриваемаго документа не внесъ его въ списокъ? Вѣдь Каппадокія занесена у него въ число провинцій, епископы которыхъ присутствовали на этомъ соборѣ. И если разбираемое посланіе есть подлогъ, то оказывается, что мы и теперь ничего не знаемъ о томъ, когда именно и гдѣ Лулъ тарескій показалъ себя столь рѣшительнымъ поборникомъ православія и противникомъ аріанства, что Аонасіи в. счелъ нужнымъ занести его имя въ списокъ „мужей апостольскихъ“, и „фальсификаторъ“ былъ настоящій геній, если сочиненное имъ посланіе рѣшаетъ эту загадку.

Вообще списокъ епископовъ въ этомъ антиохійскомъ посланіи содержитъ такіе непререкаемо ясные признаки исторической достовѣрности, что его слѣдовало бы признать подлиннымъ даже и въ томъ случаѣ, если бы въ самомъ посланіи удалось кому открыть дѣйствительные, а не минимые, признаки подлога; и тогда пришлось бы допустить, что „фальсификаторъ“ нѣбликомъ заимствовалъ этотъ списокъ изъ другого утраченнаго посланія (или дѣянія) антиохійскаго собора 324—5 года.

Приведенными 5-ю „аргументами“ у Гарнакка и ограничивается все доказательство послѣднейшейкаго происхожденія разсматриваемаго посланія. Какъ оказывается, изъ этихъ 5-ти аргументовъ одинъ (1-й) касается явной интeн-поляции въ текстѣ посланія; три (2-4)—не доказываютъ ничего, и одинъ (5)—доказываетъ какъ разъ обратное тому, что хочетъ доказать имъ Гарнаккъ: неоспоримую подлинность этого посланія. И однако послѣ такой „аргументаціи“ знаменитый историкъ пишетъ:

[S. 483] „Такъ какъ этотъ документъ такимъ образомъ носитъ явные слѣды, по которымъ онъ произошелъ до 315 года“ [NB изъ этихъ „явныхъ слѣдовъ“ Гарнаккомъ указаны всего только одинъ: упоминаніе о соборѣ въ Анкирѣ, и онъ оказался мнимымъ], „далѣе такіе, по которымъ онъ долженъ быть изданъ послѣ 315 года и незадолго до 325 года, наконецъ такіе, по которымъ онъ необходимо (!!!) долженъ быть написанъ послѣ 325 года, то онъ есть плохая работа поздняго фальсификатора, который, самъ совершенный невѣжда въ исторіи, имѣлъ смѣлость предлагать все своимъ читателямъ. Этотъ фальсификаторъ настолько невѣжественъ, что не обладаетъ ни малѣйшимъ различіемъ въ отношеніи къ тому, что происходило до и послѣ Никей, скорѣе же смѣло и безотчетно сочиняетъ басни, и то, что происходило между 314 и 330 годами, постро перемѣшиваетъ одно съ другимъ“.

Въ дѣйствительности этотъ якобы столь повѣжественный фальсификаторъ въ исторіи событій предъ 325-мъ годомъ оказывается даже болѣе свѣдущимъ, чѣмъ самъ высокоученый берлинскій богословъ, настолько свѣдущимъ, что этотъ мнимый Fälscher самъ былъ современникомъ этихъ событій, т. е. это былъ никто иной, какъ самъ главный дѣятель этого антиохійскаго собора, отъ лица котораго написано это посланіе,— Евстахій, епископъ антиохійскій.

V.

Въ главѣ III-й (SS. 484—5) Гарнакъ дѣлаетъ „уступку“ защитникамъ подлинности открытаго Швартцемъ документа: допускаетъ, что „грубѣйшія ошибки“, какъ упоминаніе о соборѣ въ Анкарѣ и цифра 318,—позднѣйшія вставки, и пытается доказать, что и въ такомъ случаѣ невозможно защищать подлинность этого документа. Онъ пишетъ: „Ошибки столь странны и очевидны, что именно поэтому можно не торопиться считать способными на нихъ кого-либо—хотя бы и въ темное время 6—7 вв. Мы хотимъ, поэтому, для пробы (*versuchsweise*) вычеркнуть грубѣйшія ошибки, какъ позднѣйшія прибавки, и принять, что упоминаніе о соборѣ анкарскомъ и число 318 суть интерполяція, и исповѣданіе вѣры все же могло быть древнѣе никейскаго, хотя оно и почти тождественно съ нимъ (*nahezu mit ihm identisch ist*) въ своей номинической части [Прим. 1: Мы принимаемъ, такимъ образомъ (*somit*), для пробы, что соборъ, къ которому относится исповѣданіе вѣры, есть тотъ александрійскій, на которомъ Аріій въ первый разъ былъ отлученъ]. Но и послѣ этихъ уступокъ (*Zugeständnissen*) остаются не только отдѣльные дурныя вещи (*schlimme Dinge*)—*сирійскій* соборъ будто бы (*soll*) употребилъ въ 324 году слово *ἡσυχίας* въ примѣненіи къ Маріи и будто бы свое отвѣтное посланіе началъ тѣми же словами, какими начинается *Zuschrift*“ [то посланіе, на которое соборъ отвѣчаетъ] [Прим. 2: „*Ἐνός σφραγίς*—такой случай, насколько знаю, *nach meiner Kenntniss*, неслыханъ въ церковной корреспонденціи въ древности]—, но также и вся ситуація является все еще (*noch immer*) невѣроятной, даже невозможной“.

Мы уже видѣли, какъ въ дѣйствительности стоитъ дѣло съ указываемыми Гарнакомъ „грубѣйшими ошибками“ антиохійскаго посланія. Цифра 318 дѣйствительно есть вставка: но упоминаніе о соборѣ въ Анкирѣ—не ошибка, а „водяной знакъ“; а „тождество“ полемической части антиохійскаго вѣроизложенія съ никейскимъ анаеоматизмомъ существуетъ только въ воображеніи Гарнакка. Приписывать вѣроизложеніе этого антиохійскаго посланія—александрійскому собору потому невозможно, что оно хотя и сходно, но не тождественно съ вѣроизложеніемъ Александра alexандрійскаго въ посланіи *Ἡ φιλάρχος*.—Что же касается слова *θεοτόκος*, то, если позднѣйшая антиохійская школа, основанная Діодоромъ и Флавіаномъ, избѣгала этого термина, что и было причиною возникновенія несторіанскаго спора, то отсюда еще не слѣдуетъ, что этого термина не могъ употреблять св. Евстацій. То вѣдь безспорно, что эта позднѣйшая школа возникла среди „мелетіанъ“, т. е. антиохійскихъ новоникейцевъ, съ которыми „евстаціане“ не имѣли общенія. Св. Евстацій, какъ убѣжденный сторонникъ св. Александра alexандрійскаго, могъ просто заимствовать этотъ эпитетъ у Александра. Въ крайнемъ же случаѣ и это слово *θεοτόκος* можно считать вставкой. А отмѣчая—во 2-й разъ—буквальное сходство начала антиохійскаго посланія съ началомъ посланія *Ἐνὸς σφραγος*. Гарнакъ допускаетъ *lapsus memoriae*: это посланіе антиохійскаго собора вовсе не отвѣтъ, *Antwortschreiben*, на *Ἐνὸς σφραγος*: послѣднее написано Александромъ alexандрійскимъ; а антиохійскій соборъ пишетъ Александру *вессалоникскому*. Что соборъ писалъ и alexандрійскому Александру, это конечно, безспорно. Но это посланіе не дошло до насъ.

Гарнакъ предлагаетъ читателямъ „взвѣсить“ слѣдующія обстоятельства:

„1. Александръ alexандрійскій выпустилъ свое окружное посланіе касательно изложенія Арія: соборъ въ Никейѣ

уже быть назначенъ“ [вѣтъ: онъ былъ назначенъ въ Анкиру] „И вотъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его открытія (Zusammentritt) въ Ангіохіи происходитъ великій соборъ изъ 50 епископовъ (такъ много епископовъ до никейскаго собора, насколько знаемъ, едва ли когда собиралось въ Спрін) — и о такомъ соборѣ совершенно ничего не сообщаютъ Евсевій, Афанасій, Сократъ, Созоменъ, Θεодоритъ.“

Значеніе этого *argumentum a silentio*—очень не высокое. И Евсевій, и Афанасій, и историки 5 вѣка хранятъ столь же глубокое молчаніе и о соборахъ анкирскомъ и неокесарійскомъ. Никто однако не выставляетъ это молчаніе, какъ аргументъ противъ дѣйствительности этихъ соборовъ. Такой высоко важный историческій документъ, какъ посланіе 'Η φιλάρχου, сохранилъ для насъ только одинъ Θεодоритъ. Если-бы его церковная исторія была утрачена, и сохранился бы лишь тотъ отрывокъ изъ этого посланія св. Александра, который приводится въ сирской монофиситской рукописи Add. Brit. Mus. 12, 156, то по логикѣ Гарнакка пришлось бы и этотъ отрывокъ считать „подлогомъ“, такъ какъ объ этомъ посланіи Александра александрійскаго къ Александру „константинопольскому“ хранитъ глубокое молчаніе и Евсевій, и Афанасій, и Сократъ, и Созоменъ. О соборахъ въ пользу Арія: внонскомъ и палестинскомъ, вѣроятно тоже не совѣмъ малочисленныхъ (александрійскому собору въ 100 епископовъ, низложившему Арія съ сообщниками, нельзя же было противопоставить соборники изъ какихъ нибудь 10—20 членовъ, и оба Евсевія вѣроятно постарались привлечь на свои соборы по возможности всѣхъ сочувствовавшихъ Арію епископовъ въ сопредѣльныхъ съ Никомидією и Кесарією палестинскихъ провинціяхъ¹⁾), намъ сообщаетъ только одинъ Созоменъ, вѣроятно по Συναγωγή Савина; а Евсевій (самъ одинъ изъ вождей палестинскаго собора!) и Афанасій, Сократъ и Θεодоритъ не

¹⁾ Ср. Визант. Врем. т. XIX (1919 г.): Отд. II, стр. 106—7, прим. 3.

говорять о нихъ ни слова. Не нужно забывать, что соборы епископовъ въ IV—V вв. были явленіемъ столь обыкновеннымъ, что молчаніе историковъ о какомъ-либо соборѣ не доказываетъ не только того, что такого собора и не было, но даже и того, что эти историки о немъ не знали. Вѣдь молчать же Сократъ о соборахъ вѣонискомъ и палестинскомъ, хотя у него было подъ руками собраніе Савина, гдѣ очевидно стояли акты этихъ соборовъ. Фактъ, что соборы, въ особенности въ такихъ большихъ городахъ, какъ Антиохія, повторялись часто, объясняетъ и то обстоятельство, что соборы, происходившіе въ одномъ и томъ же городѣ, нерѣдко смѣшиваются. Такого происхожденія ошибочное предположеніе, раздѣляемое и большинствомъ современныхъ ученыхъ (въ числѣ ихъ и Гарнаккомъ), будто помѣстный антиохійскій соборъ, издавшій 25 каноновъ, тождественъ съ антиохійскимъ соборомъ *ἐν τοῖς ἀρχαίοις* 341 года.

Молчаніе объ антиохійскомъ соборѣ 324 года Евсевія кесарійскаго и Аѳанасія В. вполне понятно. Ни тотъ ни другой не даютъ въ своихъ сочиненіяхъ настоящей, полной исторіи никейскаго собора. Eusebii, de vita Constantini—не исторія, а панегирикъ Константину, а въ своемъ письмѣ къ кесарійцамъ Евсевій только оправдываетъ свое поведеніе на соборѣ, но не излагаетъ его исторіи. Сочиненія же Аѳанасія В. почти всѣ—полемическаго характера. Кромѣ того, Евсевій имѣлъ даже и особое, весьма вѣское побужденіе замалчивать этотъ антиохійскій соборъ: вѣдь онъ подвергъ его отлученію за сочувствіе идеямъ Арія. Воспоминаніе объ этомъ униженіи не могло быть особенно пріятно для ученаго епископа кесарійскаго.—Но даже и для Аѳанасія В. посланіе этого собора не представляло особенной цѣнности. Вѣдь его борьба за никейскій символъ была вмѣстѣ борьбою и за его характеристичныя терминны: *ἐκ τῆς οὐσίας* и *ὁμοούσιος*, а какъ разъ этихъ выраженій и нѣтъ въ антиохійскомъ посланіи. Несомнѣнно „отецъ православія“ не стоялъ за эти терминны

ради нихъ самихъ и, когда вождь оміусіанъ, Василій анкірскій вступилъ въ рѣшительную борьбу съ аноміиствомъ, увидѣлъ въ немъ—своемъ бывшемъ врагѣ—своего „брата“ и союзника и съ радостію привѣтствовалъ это зарожденіе новоникейской партіи. Однако и теперь слово *ὁμοόσιον* оставалось для него дорого, какъ единственное рѣшительное оружіе противъ аріанства, недопускающее никакихъ увертокъ и перетолкованій.—Возможно, что и на посланіе 'H *φίλαρχος* Аѳанасій В. не ссылается нигдѣ тоже потому, что и въ немъ нѣтъ ни *ἐκ τῆς οὐσίας*, ни *ὁμοόσιον*.—Не нужно забывать, что Аѳанасій В. въ 324 г. былъ только діакономъ, и слѣдовательно копию посланія антиохійскаго собора получилъ не онъ, а св. Александръ. Да и успѣлъ ли онъ получить ее раньше, чѣмъ отбылъ вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ на никейскій соборъ? А послѣ этого собора антиохійское вѣроизложеніе утратило свое значеніе, и для св. Александра не было уже надобности знакомить съ нимъ своей клиръ. Можно далѣе предположить, что копія антиохійскаго посланія погибла въ Александріи во время волненій, происходившихъ тамъ при изгнаніяхъ Аѳанасія. А самое главное: Аѳанасій В. большую часть своихъ сочиненій писалъ въ изгнаніи, куда едва-ли имѣлъ возможность захватить съ собою весь архивъ александрійской церкви. Свои апологіи и полемическія сочиненія онъ снабжалъ документами, но обычно имѣвшими отношенія къ его личному дѣлу. Посланіе же антиохійскаго собора 324 года съ этой точки зрѣнія было довольно безразлично, и Аѳанасій В. не имѣлъ особыхъ побужденій брать его съ собою въ изгнаніе.

И при всемъ томъ молчаніе Евсевія и Аѳанасія В. объ этомъ антиохійскомъ соборѣ—не такое полное, какъ это утверждаетъ Гарнакъ. Прикровенный намекъ на это—непріятный для Евсевія—фактъ Шварцъ—еще въ 1905 году—нашелъ у самого Евсевія¹⁾.

¹⁾ *Eusebii*, De vita Constantini II, 73 *ὁ*; *ἀποστολῆς* (послѣ посольства Осія съ письмомъ Константина къ Александру и Арію, не имѣвшего

Что касается Аванасія В., то виднѣйшіе дѣятели этого антиохійскаго собора, въ числѣ ихъ Луна, епископъ тарескій, умершій до созванія никейскаго собора, упоминаются у него въ числѣ „мужей апостольскихъ“. Участіе Луна на этомъ соборѣ—единственный—извѣстный намъ—фактъ, которымъ этотъ епископъ показалъ себя рѣшительнымъ антиаріаниномъ.

Кромѣ того, Э. Зеебергъ ¹⁾ усматриваетъ указаніе на этотъ соборъ въ сообщеніи Аванасія В., *apologia de fuga sua* п. 26, объ одномъ изъ отлученныхъ этимъ соборомъ епископовъ—Наркиссѣ пероніадскомъ: Ὁ δὲ Νάρκισσος ἄλλα τε πολλὰ κακὰ ἔχων, καὶ τρίτον ἐν διαφόροις συνόδοις καθυρέθη. Какъ замѣтилъ еще Тилльмонъ ²⁾, мы имѣемъ свѣдѣнія о низложеніи Наркисса на одномъ только—сердикскомъ соборѣ. О другихъ же двухъ соборахъ, низложившихъ Наркисса, мы ничего не знаемъ. Нельзя ли предположить, что Аванасій В. имѣетъ тутъ въ виду и отлученіе Наркисса антиохійскимъ соборомъ 324 года? Противъ этого предположенія говорить конечно фактъ, что въ 324 году Наркиссѣ былъ только отлученъ; но Аванасію же онъ былъ три раза низложенъ, καθυρέθη. Но нельзя ли допустить, что Аванасій В. выражается не вполне точно? Если Наркиссѣ былъ отлученъ антиохійскимъ соборомъ 324 года и потомъ 2 раза низложенъ, и отлученіе это по времени предшествовало—по крайней мѣрѣ послѣднему его низложенію въ 342/3 году, то, обобщая эти три факта,

---

успѣха) μὲν ἐπὶ μείζον των διαμνησμένων ἔσιν, χωρήσει δ' εἰς πῖσας τὰς ἀνατολικὰς ἐκκλησίας τοῖς κακοῖς τῆν ὀρθότην.—*Schwartz*, VI, 282.—Независимо отъ Шварца обратилъ вниманіе на это мѣсто и А. И. Бриллиантовъ, Къ исторіи аріанскаго спора, стр. 14 [=Хр. Чт. 1913, 885], прим. 1.—Болѣе яснаго упоминанія объ этомъ соборѣ отъ Евсевія кесарійскаго, конечно, и ожидать невозможно.

¹⁾ *E. Seeberg*, SS. 93, 159, 1.

²⁾ *Tillemont*, *Memoires*, VI, 348 l. c. ap. *Seeberg*, 93, 4. Il fut déposé par trois différens concils, dont nous avons point de connaissance hormis celui de Sardique en 347.

не могъ ли Афанасій и отлученіе подвести подъ изложене-
ніе?—Предположеніе, что въ данномъ мѣстѣ Афанасій В.
имѣеть въ виду и антиохійскій соборъ 324 года, во всякомъ
случаѣ, рѣшительно бы еще одинъ изъ 3-хъ иксовъ, предлагаемыхъ
этимъ мѣстомъ, изъ которыхъ извѣстные намъ до 1905 года
источники рѣшаютъ только одинъ.

Молчаніе о соборѣ 324 года Сократа и Созомона еще
болѣе понятно. Сократъ вообще не даетъ связной исторіи
аріанства до 325 года и хранитъ молчаніе и о соборахъ ви-
онскомъ и палестинскомъ. Созомень сообщаетъ объ этихъ
двухъ соборахъ, очевидно, по *Συναγωγή* Савина. Но Савинъ,
какъ македоніанинъ-антиникеецъ, могъ даже и тенденціозно
не принять въ свое собраніе акты этого антиохійскаго анти-
аріанскаго собора.

Болѣе загадочнымъ представляется молчаніе объ этомъ
соборѣ *антиохійца* Теодорита. Повидимому, онъ долженъ бы
былъ хорошо знать объ этомъ соборѣ, происходившемъ въ
его родномъ городѣ; и на посланіе его могъ бы натолкнуться
хотя бы въ томъ же архивѣ, изъ котораго извлекъ посланіе
Ἡ φιλαρχος. Но въ дѣйствительности источники Теодорита
по исторіи антиохійской церкви предъ 325-мъ годомъ текутъ
не особенно обильно. Это доказываетъ уже тотъ фактъ, что
Теодоритъ знаетъ Павлина только какъ епископа тирскаго, а
о переводѣ его—незадолго до смерти—въ Антиохію не имѣеть
никакихъ свѣдѣній и считаетъ св. Евстаоія непосредствен-
нымъ преемникомъ Филогонія ¹⁾. Теодоритъ, слѣдовательно,
не имѣеть у себя подъ руками даже точнаго списка антио-
хійскихъ епископовъ за 4-й вѣкъ. Что же удивительнаго,
если отъ его вниманія ускользнуло это посланіе антиохій-
скаго собора, состоявшагося за нѣсколько мѣсяцевъ до ни-

¹⁾ Theodoret I, 7. См. мою статью: „Павлинъ и Зиволь, епископы
тирскіе“ въ Визант. Врем. т. XX (1913), Отд. 1, стр. 37—8, прим. 54; стр.
123—5 [63—5].

кейскаго? Именно фактъ, что соборъ этотъ засѣдалъ наканунѣ вселенскаго собора и послѣ этого вселенскаго собора утратилъ свое значеніе, и объясняетъ наилучшимъ образомъ, почему и современники и послѣдующіе историки очевидно нисколько не интересуются этимъ соборомъ.

Какъ на причину молчанія историковъ объ этомъ соборѣ Э. Шварцъ¹⁾ указываетъ еще и на то, что они черпали содержаніе своихъ церковныхъ исторій главнымъ образомъ изъ публицистической литературы, которую породили церковные споры IV вѣка; другая же—не менѣ важная—отрасль церковной литературы—каноническіе сборники (*Rechtbücher*) осталась имъ почти совершенно неизвѣстною. Поэтому они и не говорятъ ничего о соборахъ: анкирскомъ, неокесарійскомъ, лаодикійскомъ, не сообщаютъ, какой антiохійскій соборъ издалъ каноны, не приводятъ и каноновъ сердикскаго собора, не подозреваютъ и существованія важнѣйшаго документа по исторіи мелитіанскаго раскола—каноническаго посланія Петра александрійскаго. А между тѣмъ антiохійскій соборъ 324 г. обязанъ сохраненіемъ именно этого рода литературѣ.

Что же касается того замѣчанія Гарнакка, что до никейскаго собора едвали когда въ Антiохіи собирался столь многочисленный соборъ, то мнѣ это замѣчаніе не совсѣмъ понятно: на антiохійскомъ соборѣ около 268 года, низложившемъ антiохійскаго епископа Павла самосатскаго, присутствовало 70—80 епископовъ²⁾.

¹⁾ *Schwartz*, VII, 364.

²⁾ *Athan. de synod.* 45. c. 43. *Hilar. de synod.* n. 86 (*Migne. PL.* t. 10, col. 538, p. 513). *Octoginta episcopi olim respuerunt [homousion]; sed trecenti et decem octo nuper resererunt.* Аванасій говоритъ о 70-и, ἐξβοήχοντα, епископахъ; но онъ не имѣлъ подъ рукою посланія собора [п. 43 τῆν γὰρ ἐπιστολὴν οὐκ ἔσχεον εἶναι]. Слѣд., формально показаніе Иларія заслуживаетъ предпочтенія. Вѣроятнѣе однако, что на соборѣ присутствовали и не 70, и не 80, а напр. 76—79 епископовъ, и Иларій округляетъ эту цифру въ 80, Аванасій же отбрасываетъ единицы и говоритъ

И догматическій споръ, волновавшій церковь въ 324—5 гг. былъ не менѣе важенъ, чѣмъ споръ, поднятый ученіемъ Павла самосатскаго. Если въ чисто богословскомъ отношеніи ученіе Павла самосатскаго было болѣе радикально, чѣмъ ученіе Арія, то послѣдователей у него было несравненно меньше, чѣмъ у Арія. И если въ лицѣ Павла антиохійскую кафедру занималъ самъ ересіархъ, то и предшественникомъ св. Евстаоія на этой кафедрѣ былъ видный покровитель Арія Павлинъ, бывшій епископъ тирскій; и теперь, по смерти Павлина, на сторонѣ Арія оставались такіе вліятельные епископы, какъ Θεοδοτὸς лаодикійскій, Наркиссъ нероніадскій и ученый митрополитъ Кесаріи палестинской Евсевій, какъ видные ученики св. Лукіана: Евсевій никомидійскій, Θεογνήϊς никейскій, Μαρτῖνος халкидонскій и Μινοφάντης ефесскій.—Что же удивительнаго, если и для борьбы съ арианствомъ составился въ Антиохіи соборъ почти столь же многочисленный, какъ и соборъ, низложившій Павла самосатскаго?

„2. На этомъ соборѣ будто бы присутствовали почти только такіе епископы, которые вскорѣ послѣ того были также и въ Никее; они должны были такимъ образомъ *in corpore* отправиться (*begeben haben*) изъ Антиохіи въ Никее! Возможно это, но невѣроятно“.

Это возраженіе тождественно съ аргументомъ 5-мъ въ главѣ II-й и, слѣд., говоритъ за подлинность посланія.— Ни откуда не видно, что отцы этого антиохійскаго собора должны были *in corpore* отправиться изъ Антиохіи въ Никее

о 70 епископахъ, подобно тому какъ и на соборѣ *ἐν τοῖς ἐκκλησίαις*, по его словамъ, *de syn. n. 25*, присутствовало 90 епископовъ, *ἐνεβήκοντες*; а по *Sozom. III, 5, p. 97, col. 1041*, и *Hilar. de synod. n. 28 p. 478, col. 502*, на этомъ соборѣ присутствовало 97 епископовъ, *ἐνεβήκοντα καὶ ἑπτὰ, ποσάριθα ἑπτὰ*. У св. Иларія эта цифра стоитъ въ написаніи 2-й антиохійской формулы (символа Лукіана), слѣд., въ ея достовѣрности сомнѣваться невозможно. — Ср. *Harnack, Die Mission II², S. 106, Anm. 1.*

[хотя и въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго]. Даже если бы соборъ этотъ состоялся уже въ январѣ 325 г., его члены имѣли возможность разъѣхаться по домамъ и затѣмъ все же своевременно попасть въ Никюю. Но, по моему, соборъ этотъ состоялся осенью 324 года, вѣроятно вскорѣ по переходѣ св. Евстаоія изъ Верінъ въ Антиохію¹⁾.

„3. Изъ этихъ 59 епископовъ будто бы 56 не только съ самаго начала одобрили изложеніе Арія въ Александріи, но и оказались настолько твердо православными, что о средней партіи вообще нѣтъ рѣчи (dass von einer Mittelpartei überhaupt keine Rede ist).—и это въ Сиріи, гдѣ еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ господствовало полуаріанство, и о ложной вѣрѣ большинства тамъ такъ горько жаловались“.

О „средней партіи“ была уже рѣчь выше.—Гарнаккъ не достаточно взвѣсилъ слѣдующія два обстоятельства:

1) Ученіе Арія въ его чистомъ первоначальномъ видѣ не могло найти себѣ приверженцевъ среди восгочныхъ правыхъ оригенистовъ. Припомнимъ, какой энергичный протестъ вызвало со стороны Василія анкирскаго и его сторонниковъ ученіе Аетія, которое было въ существѣ дѣла только возрожденіемъ чистаго аріанства. Что правые оригенисты въ 358—9 г. г. были въ большинствѣ, доказываетъ селевкійскій соборъ, а такъ же и тотъ фактъ, что Аетіемъ, а потомъ и его ученикомъ Евноміемъ вынуждены были въ концѣ концовъ пожертвовать и сами оἱ παρὶ Ἀλάχιον καὶ Εὐβόβην. Что же удивительнаго, если тѣ же оригенисты и въ 324 г. высказались рѣшительно противъ Арія и подтвердили его изложеніе?

2) Борьба послѣдникейской *Mittelpartei* противъ никейскаго символа была борьбою противъ терминовъ ἐκ τῆς οὐσίας и ὁμοούσιος. Но ни св. Александръ александрійскій, ни

¹⁾ О времени собора ср. Виз. Вр. т. XIX (1912) отд. II, стр. 145.

антиохійській соборъ 324 года этихъ терминовъ не употребляютъ и ученіе о Сынѣ Божіемъ излагаютъ въ такомъ видѣ, что подъ ихъ вѣроизложеніями смѣло подписался бы и Василій анкирскій. А слѣдовательно и orthodoxe Haltung восточныхъ оригенистовъ въ 324 году вполне понятно.

„Полуаріанство“ — терминъ, которымъ не слѣдуетъ злоупотреблять. У св. Епифанія *Ψευδάραια* (ересь 73-я) — это оміусіане, предводимые Василіемъ анкирскимъ и Георгіемъ лаодикійскимъ. Въ 1-мъ правилѣ константинопольскаго 2-го вселенскаго собора *Ψευδάραια* [или — тоже *Ψευδάραια*] — то же, что и „духоборцы“, *Ψευδομάχου*. Связь этой секты съ оміусіанскою партіей устанавливаетъ уже употреблявшееся въ Константинополѣ въ отношеніи къ ней названіе: „македоніане“ — по имени бывшаго константинопольскаго епископа Македонія, единомышленника Василія анкирскаго, вмѣстѣ съ нимъ изложеннаго константинопольскимъ соборомъ 360 года. Мало того, вождемъ „македоніанъ“ еще и въ 381 году оставался одинъ изъ вѣрныхъ сподвижниковъ Василія анкирскаго Елевсій кизикскій. Однако „оміусіане“ и „духоборцы“ — „македоніане“ — не совѣтъ одно и тоже. Партія оміусіанъ образовалась какъ протестъ противъ аноміиства и имѣла на своей сторонѣ огромное большинство епископовъ востока. На селевкійскомъ соборѣ самъ Василій анкирскій не игралъ видной роли — его въ чемъ-то обвинили —, но его сподвижники Елевсій кизикскій и Софроній помпійпольскій были вождями этого собора. Напротивъ въ 381 году „македоніане“ представляли собою настоящую строго обособленную секту, не имѣвшую общенія съ большинствомъ епископовъ востока, подписавшихъ никейскій символъ. Образованіе этой секты относится къ первымъ годамъ царствованія Валента, когда большинство бывшихъ „оміусіанъ“, потерявъ всякую надежду на торжество своей партіи, вступило въ общеніе съ Либеріемъ римскимъ и подписало никейскій символъ. Часть оміусіанъ не рѣшилась однако на

такой шаг и, собравшись на соборъ въ Каріи [въроятно въ Антиохіи карійской], отвергла *ортодокс* и рѣшилась остаться вѣрною символу Лукіана (2-й антиохійской формулы), подписанному и въ Селевкіи. На этомъ соборѣ присутствовали 34 епископа ¹⁾. Въ 381 г. явилось въ Константинополь 36 македоніанскихъ епископовъ ²⁾, т. е. почти столько же, сколько было ихъ и на карійскомъ соборѣ. Въ сравненіи съ 150-ю епископами 2-го вселенскаго собора—почти всеми изъ числа бывшихъ оміусіанъ или ихъ преемниковъ.— эти 36 епископовъ составляли ничтожное меньшинство.

Отсюда видно, что св. Епифаній неправильно называетъ оміусіанъ—„полуаріанами“. Когда онъ писалъ свой Панарій, партія „полуаріанъ“ образовалась, но далеко не все бывшіе оміусіане вошли въ эту партію; большинство ихъ превратились въ „новоникейцевъ“. Но еще болѣе произвольно говорить о „полуаріанствѣ“ въ 30--40 годахъ IV столѣтія. Вѣдь даже и оміусіанская партія образовалась только въ 358 году.—Предводимые сначала двумя Евсевіями, а потомъ по смерти ихъ Наркиссомъ пероніадскимъ, Θεодоромъ ираклійскимъ, Акакіемъ, Урсакіемъ и Валентомъ, „евсевіане“ не были „полуаріанами“ даже и въ переносномъ смыслѣ. въ смыслѣ „средней партіи“, такъ какъ такой партіи въ то время не существовало. Въ извѣстномъ смыслѣ все они были не только антиникейцами, но и „аріанами“: вѣдь они приняли Арія въ церковное общеніе на іерусалимскомъ соборѣ 335 года, и даже отцы антиохійскаго собора 341 года отклоняютъ отъ себя названіе аріанъ по тому только формальному основанію, что имъ, епископамъ, не пристало быть послѣдователями простаго пресвитера. Но съ другой стороны событія 357—359 г.г. показали достаточно ясно, что большинство епископовъ востока, имѣвшихъ общеніе съ евсевіа-

¹⁾ Sozom. h. e. VI, 12, p. 233, col. 1324.

²⁾ Socr. h. e. V, 8, p. 269, col 577.

нами и не принимавшихъ никейскаго символа, вовсе не были аріанами. А что они не были аріанами и въ 341—344 гг. доказываютъ символъ Лукіана и ѣхδελος ρακρόβιτος. Партія „евсевіанъ“ представляла собою только коалицію, во главѣ которой стояли настоящіе аріано-лукіанисты или дѣвые оригенисты, наутившіеся однако послѣ неудачи въ Никей, маскировать свои взгляды и казаться православными, но которые въ большинствѣ состояли изъ правыхъ оригенистовъ, т. е. въ сущности православныхъ въ ученіи о Троицѣ, но относившихся подозрительно къ внесеннымъ въ никейскій символъ западнымъ терминамъ: ἐκ τῆς οὐσίας и ὁμοούσιον. Если первые приняли въ свое общеніе Арія потому, что сочувствовали ему ради самыхъ его убѣжденій, то вторые—въ большинствѣ случаевъ—вѣроятно вѣрили въ искренность раскаянія Арія, или по крайней мѣрѣ—не находили нужнымъ протестовать противъ возстановленія его въ его санѣ, разъ онъ отказался отъ открытой проповѣди своихъ крайнихъ взглядовъ.

Совсѣмъ иначе стояло дѣло въ 324—5 гг. Тогда Аріи распространялъ свои крайніе взгляды открыто; и наоборотъ св. Александръ александрійскій не только не употреблялъ забракovanýchъ Оригеномъ и антиохійскимъ соборомъ около 268 года терминовъ ἐκ τῆς οὐσίας и ὁμοούσιον, но и излагалъ ученіе о Сынѣ Божіемъ въ такомъ видѣ, что съ нимъ должны были согласиться всѣ правые оригенисты. Въ томъ же духѣ составлено и вѣроизложеніе антиохійскаго собора 324 года.

Но Гарнаккъ несомнѣнно преувеличиваетъ, когда говоритъ, что 56 епископовъ этого собора *св самую начала*. von vornherein, одобрили изложеніе Арія. Открытое Швартцемъ посланіе знакомитъ насъ только съ результатомъ, къ какому пришли на соборѣ эти 55—56 епископовъ, и ничего не сообщаетъ о преніяхъ, предшествовавшихъ этому результату. Если въ концѣ концовъ эти 55—6 епископовъ согла-

спились подписать составленное на этомъ соборѣ вѣроизло-
~~женіе~~женіе съ его анафематизмомъ на аріанскія положенія и на
отлученіе трехъ видныхъ покровителей Арія на востокѣ, то
это не значить, что всѣ они съ самаго начала были убѣжде-
ны въ неправославіи Арія. Такіе епископы, какъ Григорій
виритскій и Аетій лидскій, которые, по словамъ Арія, рань-
ше согласны были съ нимъ въ томъ основномъ положеніи
его системы, что „Богъ безначально предшествуетъ Сыну“,
какъ Таркондимантъ эгейскій, Алфіи апамійскій и—можетъ
быть и — Македоній молпеустійскій—впослѣдствіи видный
дѣятель среди евсевіанъ.—вѣроятно сначала были на сторонѣ
Θеодота лаодикійскаго, Наркисса пероніадскаго и Евсевія
кесарійскаго. Но такъ какъ большинство собора составляли
правые оригенисты, державшіеся въ существѣ дѣла тѣхъ
же взглядовъ, какъ и св. Александръ александрійскій, то и
эти немногочисленные сторонники Арія, за исключеніемъ
троихъ, не обнаружили достаточно твердости, чтобы проти-
востоять мнѣнію большинства, и рѣшились пожертвовать
Аріемъ. Возможно даже и то, что если не всѣ они, то нѣко-
торые изъ нихъ и совершенно искренно убѣдились въ томъ,
что ученіе св. Александра вполне православно, а ученіе
Арія есть ересь; такъ какъ Арій безспорно излагалъ ученіе
св. Александра въ извращенномъ видѣ; на соборѣ же эти
епископы изъ собственныхъ посланій св. Александра (вѣро-
роятно прочитанныхъ на соборѣ) ямѣли возможность убѣ-
диться (если не убѣдились въ томъ раньше), что всѣ обви-
ненія, вводимыя Аріемъ противъ ученія епископа александ-
рійскаго совершенно ложны, что на дѣлѣ его ученіе о Сы-
нѣ Божіемъ свободно отъ всякихъ подозрѣній въ савелліан-
ствѣ или матеріалистическомъ представленіи о рожденіи
Сына.

Гарнакъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на то,
что этотъ антиаріанскій соборъ изъ 56-и епископовъ состоялся
въ *Сирии*, гдѣ еще въ 30-40 годахъ господствовало „полу-

арианство".—Въ дѣйствительности нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ 324 году именно антиохійскій соборъ высказался столь рѣшительно противъ Арія. Существенное объ этомъ сказано уже въ Хр. Чт. 1911, стр. 1010 [=Ант. соб. 30]. Прибавлю теперь: то, конечно, безспорно, что—послѣ изложенія св. Евстаѳа около 330 года [въ 332 году?] и до начала царствованія Θεодосія В. антиохійская каедрa почти безсмѣнно находилась въ рукахъ арианъ. Въ 361—376 г.г. ее занималъ даже бывший александрійскій діаконь и вѣрный сподвижникъ Арія Евзой. Но это объясняется болѣе политическимъ значеніемъ Антиохіи, какъ столицы „Востока“, которая нерѣдко—въ особенности въ царствованіе Константія (во время войны съ персами)—бывала и резиденціею императора, и не доказываетъ, что именно Сирія была истиннымъ центромъ антиникейской реакціи. Евсевіане, какъ настояще „придворные епископы“, въ особенности интересовались столицами и старались замѣщать ихъ людьми своей партіи. Припомнимъ, что послѣ изгнанія св. Павла (въ 351 г.) и константинопольская каедрa сдѣлалась такимъ же полнымъ достояніемъ антиникейцевъ, какъ и каедрa антиохійская. И если въ печальные для евсевіанъ послѣдніе годы царствованія Константія (послѣ сердикскаго собора 342/3 года) константинопольскую каедру занималъ св. Павелъ, а антиохійскую явный арианинъ Леонтій, то это не доказываетъ, что арианъ въ Антиохіи въ то время было больше, чѣмъ въ Константинополѣ, а объясняется просто тѣмъ, что св. Евстаѳій не дожилъ до сердикскаго собора и православные въ Антиохіи въ то время не имѣли своего епископа. При томъ же Леонтій былъ очень искусный политикъ и умѣлъ не подавать повода къ соблазну и православной части своей паствы. Припомнимъ извѣстный рассказъ Θεодорита ¹⁾ о томъ, какъ Леонтій произносилъ славословіе

---

¹⁾ Theodoret II, 24.

θεκαλογίαν, и объ отношеніи его къ Діодору и Флавіану, и приводимое Созоменомъ¹⁾ его изреченіе: „растаетъ этотъ овѣгъ [сѣдые волосы на головѣ Меотія], послѣ его смерти много будетъ грязи“ [раздоръ въ антиохійской церкви].

Послѣ 351 года успѣхи аріанъ въ Константинополѣ были во всякомъ случаѣ куда значительнѣе, чѣмъ въ Антиохіи. Православные, если и оставались въ Константинополѣ, то уже не имѣли своего вождя. И когда въ царствованіе Θεοδοσία В., для устройства константинопольской православной общины и для борьбы съ аріанствомъ прибылъ въ Константинополь св. Григорій Богословъ, население столицы встрѣтило его сначала очень недружелюбно. Напротивъ, въ Антиохіи съ изгнаніемъ св. Мелетія и водвореніемъ Евзоія образовалось даже двѣ православныхъ общины: общество евстаціанъ, руководимое пресвитеромъ Павтипомъ, который при Юліанѣ рукоположенъ былъ Лукиферомъ казарискимъ во епископы, и общество приверженцевъ Мелетія, рукоположенного аріанами, но оказавшагося человекомъ совершенно православнаго образа мыслей. И когда съ воцареніемъ Θεοδοσία покровительство аріанамъ со стороны свѣтской власти кончилось, передача антиохійскихъ церквей православнымъ совершилась, повидимому, безъ особыхъ воинній. И въ 379 году именно въ Антиохіи собрался очень многочисленный (146—153 епископа, слѣдовательно, можетъ быть даже больше, чѣмъ на 2-мъ вселенскомъ константинопольскомъ соборѣ 150-и отцовъ 381 года) соборъ восточныхъ епископовъ „младо-никейцевъ“ подъ предсѣдательствомъ Мелетія антиохійскаго и при участіи Евсевія самосатскаго, Пелагія лаодикійскаго, Зинона тирскаго и др.. Соборъ этотъ и былъ первымъ „предвѣстникомъ“ торжества никейской вѣры и на востокѣ²⁾.

¹⁾ *Sozom.* III, 20.

²⁾ См. *А. А. Спасскій*, *Исторія догматическихъ движеній*, стр. 366—7. 370. Высказываемое Спасскимъ 367, прим. 1, предположеніе,

Нѣтъ, следовательно, особенно вѣскихъ оснований считать Сирію и въ частности Антиохію центромъ анти-никейской оппозиціи даже и въ періодъ полного торжества аріанъ. А что касается 324 года, то вѣдь безспорно то, что антиохійскую кафедру въ это время только что занялъ убежденный сторонникъ св. Александра александрійскаго и видный дѣятель со стороны православныхъ на никейскомъ соборѣ св. Евстаѳій, переведенный въ Антиохію изъ египтійскаго же города Верія. Филогоній, епископъ антиохійскій, при которомъ начался аріанскій споръ, былъ тоже человѣкъ строго-православнаго образа мыслей. Аріій не встрѣтилъ въ немъ себѣ никакой поддержки, за что и заноситъ его въ число „еретиковъ - неучей“. И если непосредственнымъ преемникомъ Филогонія былъ, по моему, не св. Евстаѳій, а одинъ изъ виднѣйшихъ покровителей Арія—Павлинъ тирскій, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что сторонники Арія были и въ Антиохіи, но не доказываетъ, что они тамъ были въ большинствѣ. Не нужно забывать, что Павлинъ раньше возведенія на тирскую кафедру былъ антиохійскимъ пресвитеромъ и вѣроятно пользовался всеобщимъ уваженіемъ. И такъ какъ это было еще до начала аріанскаго спора, то очень возможно, что многіе подавали голосъ за Павлина, не справляясь объ его убѣжденіяхъ по догматическому вопросу, поднятому Аріемъ. Тотъ фактъ, что въ преемники Павлину въ 324 году избранъ былъ Евстаѳій, и что изложеніе Евстаѳія въ 330-332 г. сопровождалось большими волненіями, доказываетъ, повидимому, ясно, что православныхъ въ Антиохіи было больше, чѣмъ аріанъ.

будто акты этого собора, изъ которыхъ Lucas Holstenius издалъ лишь отрывки, и до сихъ поръ хранятся въ римскомъ архивѣ, покоятся на недоразумѣніи. Спасскій приписываетъ Holstenius'у слова веровскаго кодекса № 60, saec. VII, въ которомъ сохранилось замѣнитое „собрание—діакона Теодосія“. См. *E. Schwartz, Zur Geschichte des Athanasius II* (Nachr. v. d. Kön. Ges. d. Wiss. zu Göttingen 1904, Heft. 4) S. 36).

Безспорно, конечно. и то, что и самъ Аріи и Евсевій никомидійскій и цѣлый рядъ другихъ покровителей Аріа. были ученики Лукіана, пресвитера антиохійскаго. Но не нужно забывать и того, что по словамъ св. Александра, александрійскаго самъ Лукіанъ былъ ученикомъ Павла самосатскаго и оставался внѣ общенія съ церковію при трехъ антиохійскихъ епископахъ ¹⁾. И если въ концѣ концовъ онъ воссоединился съ церковію [и даже увѣнчался вѣнцомъ мученическимъ], то это не значить, что официальная антиохійская церковъ и сама приняла идеи Лукіана. Даже Павліанъ тирскій, хотя и покровительствовалъ Арію, но былъ [лѣвымъ] оригенистомъ, а не лукіанистомъ.

Не Сирія, а Визонія и Палестина (т. е. собственно ея метрополия—Кесарія палестинская) были предъ 325 годомъ

¹⁾ Theodoret. I, 4 p. 15B ὅν [των κτὰ Ἀντιόχειαν Παύλον] διδασκόμενος Λουκιανός, ἡπολυύμενος ἔργων τριῶν ἐπισκόπων πολιτείαις ὑπόκειται.—Нѣсколько иначе, чѣмъ обыкновенно, понимаетъ это сообщеніе Э. Шварцъ, Zur Gesch. d. Athanasius, VIII, SS. 509—10. По его мнѣнію, „Лукіанъ былъ оригенистъ (Origenianer), и ничего болѣе (nichts weiter), это слѣдуетъ уже изъ его филологической дѣятельности и той ревности, съ какою такіе вѣрные оригениане, какъ Евсевій кесарійскій и Павліанъ, приняли на себя дѣло „лукіанистовъ“ Аріа и Евсевія никомидійскаго. Съ Павломъ самосатскимъ онъ не имѣетъ ничего общаго.—Изъ полемическаго замѣчанія Александра (Theodoret I, 4³⁶) ничего нельзя вывести; оно говоритъ только, что Лукіанъ послѣ Павла игралъ въ Антиохіи роль еретика. Различіе Лукіана отъ Оригена лежить можетъ быть въ томъ (dürfte darin liegen), что онъ сузилъ его обнимающую міръ спекуляцію и отождествилъ душу Христа съ Логосомъ; и это также есть упрощеніе“. Что система Лукіана въ томъ видѣ, какъ ее можно возстановить по письму Евсевія никомидійскаго къ Павлину и по символу Лукіана, отчасти по письмамъ Аріа, есть въ сущности система Оригена, въ томъ видѣ, въ какомъ она была доступна пониманію Лукіана, какъ аристотелика, пытался показать и я въ своей замѣткѣ: „Евсевій никомидійскій и Лукіанъ“ (исавной еще осенью 1910 года, тогда какъ VIII-е и VIII-е Mittheilungen Шварца, Къ исторіи Аѳанасія, появились въ 1911 г. и мнѣ стали доступны въ началѣ 1912 г.). Но тамъ же я пытался указать въ системѣ Аріа слѣды вліянія сочиненій Лукіана, писанныхъ имъ еще какъ ученикомъ Павла самосатскаго до воссоединенія съ Церковію. И если Лукіанъ не былъ ученикомъ Павла, то чѣмъ объяснить фактъ, что онъ не имѣлъ общенія съ тремя антиохійскими епископами?

центрами, гдѣ сосредоточивались покровители Арія. Возж-
 дями ихъ были оба Евсевія, подъ руководствомъ которыхъ
 состоялись вифонскій и палестинскій соборы. Самъ вліятель-
 ный Павлинь тирскій ѣздилъ на соборъ въ Кесарію пале-
 стинскую и свое кратковременное правленіе въ Антиохіи
 повидимому не успѣлъ ознаменовать какимъ-либо особенно
 выдающимся дѣйствіемъ въ пользу Арія. Но и въ Пале-
 стинѣ св. Александръ александрійскій имѣлъ видныхъ сто-
 ронниковъ, какъ Макарій іерусалимскій и Аскляпій газскій,
 къ которымъ, вѣроятно, примыкали и Лонгинъ аскалонскій,
 Макринъ ямнійскій, Германъ неапольскій, Петръ никоноль-
 скій и другіе. Неудивительно поэтому, что на антиохійскій
 соборъ 324 года изъ этой провинціи явилось 11 епископовъ,
 считая въ томъ числѣ и Евсевія кесарійскаго и Аетія лидд-
 скаго, и 10 изъ нихъ подписали его вѣроизложеніе. Только
 Вифонія была съ самаго начала безраздѣльно или почти без-
 раздѣльно на сторонѣ Арія. Даже въ Асии, гдѣ митрополи-
 томъ былъ лукіанецъ Мптофантъ, св. Александръ имѣлъ
 однако сторонниковъ, подписавшихъ его *τόμος* ¹⁾.

„4. Именно эти 56 епископовъ будто бы единогласно
 за нѣсколько мѣсяцевъ до никейскаго собора приняли фор-
 мулу вѣры, которая уже содержала анаоематизмы, которые
 совпадаютъ съ никейскими. и объ этомъ будто бы Евсевій,
 Доанасій, Сократъ и т. д. постоянно (*stets*) молчали, и никей-
 скій соборъ имѣлъ однако тотъ ходъ (*den Verlauf*), какой
 онъ принялъ по свидѣтельствамъ документовъ“.

Но мы уже видѣли, дѣйствительно ли антиохійскій ана-
 оематизмъ совпадаетъ съ никейскимъ: о молчаніи Евсевія,
 Доанасія, Сократа, тоже уже была рѣчь. Смысла на то, что
 этотъ соборъ состоялся за нѣсколько мѣсяцевъ до никей-

¹⁾ Theodoret, h. l. I, 4. Cp. *Schwartz*, VI, 266.

скаго, мнѣ непонятна. Даже ваканціи самаго собора не возможно было предвидѣть его исхода; и поэтому православные епископы востока должны были организовать, какъ уже организовались (на вноинскомъ и палестинскомъ соборахъ) сторонники Арія. А для этого необходимо было составить и подписать то или другое изложеніе вѣры, въ которомъ если не необходимы, то не излишни были и анафематизмы.

Что касается хода событій на никейскомъ соборѣ, то посланіе антиохійскаго собора 324 года не только не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ „документальными свидѣтельствами“ объ этомъ соборѣ [Гарнакку, кажется, должно быть хорошо извѣстно, что собственно документальныхъ свидѣтельствъ о ходѣ событій въ Никее въ 325 г. мы не имѣемъ, такъ какъ актовъ никейскаго собора не сохранилось], но и объясняетъ наилучшимъ образомъ фактъ полного торжества св. Александра alexandрійскаго на этомъ соборѣ. То вѣдь фактъ, что ученіе Арія осуждено было на соборѣ почти единогласно. По словамъ Руфина¹⁾ и Созомна, Арія поддерживали всего 17 епископовъ.

Изъ нихъ всего лишь двое отказались подписать никейскій символъ. А между тѣмъ до 325 года оба Евсевія вели упорную агитацію въ пользу Арія и его сподвижниковъ; на двухъ соборахъ, вноинскомъ и палестинскомъ, вѣроятно не очень малочисленныхъ, изгнанные изъ Александрии клирики были приняты въ общеніе, и послѣдній соборъ предоставилъ имъ даже право дѣлать особыя собранія. Что же сдѣлали въ противовѣсъ этому сторонники св. Александра, тѣ епископы, которые подписали его τῆμος? И какъ случилось, что въ 325 году всѣ результаты этой агитаціи

---

¹⁾ Rufini h. e. I, 5. Migne PL. t. 21, col. 472 p. 223. Decem et septem soli tunc fuisse dicuntur, quibus Arii fides magis placeret. Sozom. h. I. I, 20. Μόνοι δὲ τὰ μὲν πρῶτα, δεκά καὶ ἑπτά λέγονται τὴν Ἀρείου ὁμολογίαν. Созоменъ, очевидно, пользуется здѣсь Руфиномъ.

сведены были къ нулю?—До 1905 года мы этого вовсе не знали и вынуждены были приписывать это вліянію Осія кордубскаго, который пользовался тогда безусловным довѣріемъ императора Константина. Теперь оказывается, что св. Александръ и Осій далеко не были одинокими въ борьбѣ съ Евсеіями, что имъ чрезвычайно сильную поддержку оказали св. Евстацій верійскій-антіохійскій, объединившіи на антіохійскомъ соборѣ 324 почти весь востокъ на борьбу съ аріанствомъ. Соборъ этотъ, отлучивъ отъ церковнаго общенія 3-хъ видныхъ покровителей Арія, въ томъ числѣ и Евсеіа кесарійскаго, парализовалъ значеніе вѣоинскаго и особенно палестинскаго собора [на которомъ Евсеій былъ главнымъ дѣятелемъ]. И противники аріанства явились на вселенскій соборъ въ видѣ сплоченной группы, значительно превосходящей и по численности группу покровителей Арія¹⁾.

„Ѣ. Именно эти епископы будто бы (angeblich) осудили какъ лжеучителя знаменитаго Евсеіа кесарійскаго—и однако онъ будто бы игралъ въ Никее ту роль, какую игралъ, и никто будто бы не упоминалъ о его предварительномъ осужденіи, какъ ересіарха, и также послѣ будто бы его враги замалчивали это страшное пораженіе (furchtbare Niederlage)! Къ тому же умный Евсеій будто бы былъ настолько глупъ, что—безъ особой нужды—явился на соборъ въ Антіохію, гдѣ насель 56 противниковъ и только 2 друга!“.

Говоря о роли, какую игралъ Евсеій въ Никее, Гарнаккъ, конечно, имѣетъ въ виду неоспоримый фактъ, что въ основу никейскаго символа положенъ былъ символъ, прочитанный на соборѣ Евсеіемъ. Сообщеніе объ этомъ самаго Евсеіа подтверждается сличеніемъ текста обоихъ символовъ. По обычному мнѣнію, раздѣляемому и Гарнаккомъ, съ

---

¹⁾ Ср. Хр. Чт. 1911, стр. 1-20—1 [==Авт. соб. 40—1].

этимъ символомъ въ смыслѣ проекта соборнаго вѣроопредѣленія Евсевій выступилъ какъ представитель „средней партіи“ оригенистовъ, послѣ того, какъ явно аріанскій символъ, предложенный лукіанистомъ Евсевіемъ никоидійскимъ, потерпѣлъ полную неудачу. И на первый взглядъ представляется конечно страннымъ, что епископъ, уличенный въ ереси и отлученный за это многочисленнымъ соборомъ отъ церковнаго общенія, выступаетъ на вселенскомъ соборѣ съ проектомъ соборнаго вѣроопредѣленія, и его проектъ дѣйствительно и принимается, хотя и съ весьма существенными поправками.

Въ дѣйствительности однако не только эту странность отлично объясняютъ источники, но и самый фактъ выступления Евсевія кесарійскаго на никейскомъ соборѣ со своимъ символомъ (символомъ кесаріе-палестинской церкви) становится теперь болѣе понятнымъ, чѣмъ былъ до 1905 года.

Прежде всего фактъ, что всѣ три отлученные антиохійскимъ соборомъ 324 года епископа являются на никейскомъ соборѣ не какъ обвиняемые, а какъ его полноправные члены, не представляетъ ровно ничего удивительнаго. Самъ Евсевій рассказываетъ, что вслѣдъ за рѣчью императора на никейскомъ соборѣ начались горячія пренія, епископы стали взаимно обвинять одинъ другого и порицать, и въ ихъ пренія вмѣшался и самъ императоръ, стараясь ихъ помирить и привести къ согласію ¹⁾.

По разсказу Руфина, повторяемому и Сократомъ, Созоменомъ и Феодоритомъ²⁾, епископами подано было императору Константину много письменныхъ жалобъ другъ на друга, но онъ, когда епископы собрались на засѣданіе, принесъ съ собою всѣ эти прошенія и, не читая ихъ, велѣлъ ихъ сжечь.

¹⁾ Euseb. de vit. Const. III, 13.

²⁾ Rufin h. e. I, [X], 2. Soer. h. e. I, S. Soz. h. e. I, 17. Theodoret. I, 11. По Феодориту, жалобы подавали не сами епископы, а другіе „злона-

Какъ ни относиться къ этому разсказу Руфина¹⁾, въ существенномъ онъ подтверждается и сообщеніемъ Евсевія. Константинъ В. разсматривалъ взаимныя жалобы епископовъ, какъ не существующія, и на всѣхъ епископовъ смотрѣлъ, какъ на полноправныхъ членовъ собора. Какъ ни многочисленъ былъ антиохійскій соборъ 324 года, это былъ соборъ только помѣстный, и если бы св. Евстахій антиохійскій или какой другой изъ членовъ этого собора сталъ настаивать на томъ, что три оглученныхъ этимъ соборомъ епископа не имѣютъ права присутствовать на никейскомъ соборѣ въ качествѣ его членовъ, то и на это заявленіе Константинъ В. посмотрѣлъ бы какъ на частную жалобу на этихъ 3-хъ епископовъ и не придавъ бы ей значенія, какъ и другимъ жалобамъ.

Да и сами отцы антиохійскаго собора на свое рѣшеніе относительно этихъ трехъ епископовъ не смотрѣли какъ на окончательное (они вѣдь сами предоставили имъ возможность покаянія и познанія истины на великомъ соборѣ въ Анкирѣ) и на никейскомъ соборѣ, вѣроятно, не особенно противились тому, что на этомъ соборѣ Θεодотъ, Наркиссъ и Евсевій кесарійскій заседали не какъ отлученные, а какъ его полноправные члены.

Но мало того: самое вѣроизложеніе, прочитанное на никейскомъ соборѣ Евсевіемъ кесарійскимъ, взятое въ его цѣломъ видѣ, съ введеніемъ и заключеніемъ, прямо доказываетъ, что онъ явился на соборъ, не свободный отъ подозрѣнія въ неправославіи. Можно даже поставить вопросъ: правильно ли обычное мнѣніе, что это вѣроизложеніе представляло собою — и первоначально—проектъ соборнаго вѣро-

---

мѣренные мужи“. Но это конечно уже искаженіе взятаго у Руфина разсказа въ сторону благоприятную въ отношеніи къ епископамъ.

¹⁾ Проф. А. И. Биллиантовъ, Къ исторіи аріанскаго спора II, вѣ. Хр. Чт. 1913, октябрь, стр. 1193 [49 оттиска] прим., склоненъ относиться къ нему съ довѣріемъ.

опредѣленія? Не былъ ли, напротивъ, Евсевій вынужденъ изложить свою вѣру предъ лицомъ собора, именно какъ подозреваемый въ аrianствѣ и незадолго до собора подвергнутый даже за это отлученію, и только императоръ Константинъ (самъ не понимавшій предмета спора, но вѣроятно уже и тогда относившійся съ уваженіемъ къ Евсевію, какъ выдающемуся ученому) придасть дѣлу такой оборотъ, что символъ Евсевія пришлось положить въ основу соборнаго символа?

Свое вѣроизложеніе Евсевій начинаетъ такими словами: „Какъ мы приняли отъ бывшихъ прежде насъ епископовъ, и въ первомъ оглашеніи, и когда принимали баню [крещенія], и какъ научились отъ божественныхъ писаній, и какъ въ пресвитерствѣ и самомъ епископствѣ и вѣровали и учили, такъ и теперь вѣруя, преподносимъ (προσχωφέρομεν) вамъ нашу вѣру“.—А въ заключеніе своего символа Евсевій говоритъ: „Свидѣтельствуемся Богомъ Вседержителемъ и Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, что мы всегда отъ сердца и души это мудрствовали съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ себя, и теперь мудствуемъ и говоримъ по истинѣ, имѣя [возможность] показать чрезъ доказательства и убѣдить васъ, что и въ мимошедшій времена мы такъ вѣровали и проповѣдывали“ 1).

Такія вступленіе и заключеніе были совершенно излишни въ вѣроизложеніи, изданномъ вселенскимъ соборомъ. Предполагалось само собою, что отцы собора извоятъ и издадутъ ту самую вѣру, какую они приняли изначала. И Евсевію кесарійскому, если онъ выступалъ съ проектомъ соборнаго вѣроопредѣленія, слѣд. какъ епископъ исполнѣ пра-

---

1) Ταῦτα ἀπὸ καρδίας καὶ φρονίας πάντοτε πεφρονημένῃ ἐξ οὐρα ἡμεῶν ἐκεί-
τους, καὶ νῦν φρονεῖν τε καὶ λέγειν ἐξ ἀληθείας, ἐπὶ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν τοῦ παντοκρά-
τορος καὶ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ μεγαλοβόμου, δακνύοντα ἔχοντες δι' ἀπο-
δείξεων καὶ πείθειν ὑμᾶς, ὅτι καὶ τοὺς παρεληλυθότας χρόνους οὕτως ἐπίστευομεν τε
καὶ ἐκηρύσσομεν.

вославный, не было никакой надобности столь торжественно увѣрять, что предлагаемая имъ вѣра есть та самая, которую онъ научился отъ своихъ предшественниковъ и при первомъ оглашеніи, и которую онъ прочиталъ, принимая св. крещеніе. что ее онъ содержалъ и будучи пресвитеромъ и содержалъ и теперь въ санѣ епископа. и призывать во свидѣтели Бога Вседержителя и Господа Іисуса Христа. что онъ все время съ тѣхъ поръ, какъ себя помятъ, вѣровалъ и училъ именно такъ, какъ изложено въ прочитанномъ имъ символѣ.—Напротивъ все это вполне понятно, если Евсевія на самомъ соборѣ обвиняли въ ереси, въ отступленіи отъ вѣры, преданной отцами. Конечно, подобное обвиненіе вполне понятно было и до 1905 года: вѣдь то фактъ, что Евсевій кесарійскій былъ однимъ изъ покровителей Арія и единомышленникомъ его въ существѣ дѣла остался и послѣ никейскаго собора. Но только документъ, изданный Швартцемъ, разъясняетъ наилучшимъ образомъ, почему именно Евсевію кесарійскому пришлось на никейскомъ соборѣ оправдываться. Только въ 1905 году мы узнали, что знаменитый историкъ явился на соборъ не только какъ покровитель Арія и уже по этому одному не свободный отъ подозрѣнія въ ереси, но и какъ епископъ, отлученный отъ церковнаго общенія соборомъ восточныхъ епископовъ, который только по „братотлюбію“ не лишилъ Евсевія сана, предоставивъ окончательное сужденіе о немъ великому собору въ Анкарѣ, перенесенному теперь въ Никею. Какъ отъ отлученнаго, отцы собора могли прямо потребовать отъ Евсевія, чтобы онъ изложилъ свою вѣру. Могъ сдѣлать онъ это и по собственной инициативѣ, чтобы не только оправдаться предъ соборомъ, но и зарекомендовать себя въ глазахъ императора. И въ послѣднемъ отношеніи онъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ. Императоръ не только одобрилъ прочитанный имъ символъ, но и предложилъ именно его передѣлать въ соборное вѣроопредѣленіе. И однако то фактъ, что „роль“, какую „играли“ на никейскомъ соборѣ Евсевій,

была довольно жалкая. Прочитавши имъ на соборѣ символъ подвергнуть былъ такимъ существеннымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, что самъ Евсевій подписалъ его лишь скрѣпи сердце. Это доказываетъ его собственное письмо къ кесарійцамъ.

О молчаніи „враговъ“ Евсевія о „страшномъ пораженіи“, понесенномъ имъ въ Антиохіи, объ его „осужденіи, какъ еретика“, говорить не приходится просто потому, что полемическія сочиненія противъ Евсевія его главнаго врага св. Афанасія антиохійскаго, до насъ и не дошли. Что же касается Афанасія В., то хотя Евсевій кесарійскій и былъ его несомнѣннымъ врагомъ и принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ интригахъ противъ него, однако самъ Афанасій никогда не вступалъ въ полемику съ Евсевіемъ по поводу его послѣднейшихъ сочиненій, очевидно, потому, что Евсевій, оставаясь въ душѣ аріаниномъ, формально до конца жизни пребылъ никойцемъ, такъ какъ не дожилъ до 341 года, когда евсевіане впервые отважились замѣнить никейскій символъ другимъ, болѣе для нихъ приемлемымъ, вѣронзложеніемъ.

Въ своемъ „письмѣ объ опредѣленіяхъ никейскаго собора“ Афанасій упоминаетъ о письмѣ Евсевія къ кесарійцамъ и приводитъ въ приложеніи самое это письмо, но не какъ доказательство, что Евсевій и послѣ 325 года остался аріаниномъ, а только для того, чтобы уличить „христороцъевъ“ и въ особенности—преемника Евсевія—Акакія кесарійскаго въ непризнаніи своихъ же учителей ¹⁾.

Афанасій В. замѣтилъ, что Евсевій *πέποιθέ τι δεινόν*, если по его словамъ выходитъ, будто аріане, говоря, что Сынъ

¹⁾ Ath. de decr. nicaeni conc. n. 3 fin. (Bibliotheca patrum graecorum dogmatica:—Curavit Johannes Carolus *Thilo*, vol. I. S. Athanasii archiepiscopi Alexandrini opera dogmatica selecta. Lipsiae 1853 f. 22) ὁμοίως γοῦν ἐν τῷ τέλει τῆς ἐπιστολῆς Εὐσεβίου, ὅτι ἐκ τούτων γινώσκων τὸν τε χριστομάχον καὶ κατὰ περίτρον τῆν Ἀκακίον πρὸς τοὺς ἐκείτων διδασκάλους ἀγνοουμένον.

не быть до рождениа, πρὶν γεννηθῆναι, думаютъ, что Онъ не существовать прежде рождениа по плоти. я что Евсевій защищался какъ хотѣлъ, ὡς ἠθέλησεν, предъ своею церковью, — т. е. защищался съ большими натяжками, но не дѣлаетъ отсюда никакого вывода объ убѣжденіяхъ Евсевія; напротивъ, въ особенноти упираетъ на тотъ фактъ, что Евсевій въ этомъ письмѣ не отрекается отъ терминовъ ὁμοούσιον и ἐκ τῆς οὐσίας, и даже то, что Евсевій говоритъ о прочитанномъ имъ кесарійскомъ символѣ (что это есть „вѣра церкви и преданія отцовъ“), Афанасій относитъ прямо къ никейскому символу и признаетъ Евсевію признаіе, что они раньше заблуждались и попусту спорили противъ истины.—Для Афанасія В. въ его борьбѣ за никейскіи символъ несравненно важнѣе быть фактъ, что въ 325 году Евсевій кесарійскій подписать никейскій символъ и ни въ письмѣ къ кесарійцамъ, ни послѣ не отрекался формально отъ его характерныхъ терминовъ, чѣмъ фактъ временнаго отлученія, палоченнаго на Евсевія антиохійскимъ соборомъ 324 года, по утратившаго свою силу съ самаго дня открытія никейскаго собора.

И однако молчаніе враговъ Евсевія кесарійскаго объ его пораженія въ 324 году въ Антиохіи далеко не такое полное, какъ это кажется Гарнакку. Какъ указать впервые Карль Холль ¹⁾, раннѣйшее осужденіе Евсевія предполагаетъ Маркелль анкирекій у Epirh. haer. 72, 2, т. е. въ слѣдующихъ начальныхъ словахъ его письма къ Юлію римскому: Ἐπειδὴ τινες τῶν καταγνωσθέντων πρότερον ἐπὶ τῷ μὴ ὁρθῶς πιστεύειν, ὡς ἐγὼ ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ διήλεξα, κατ' ἐμοῦ γράψαι τῇ Θεοσεβείᾳ σου ἐτόλμησαν, ὡς ἂν ἐμοῦ μὴ ὁρθῶς μηδὲ ἐκκλησιαστικῶς φρονούντες——— ²⁾.

Что подѣ καταγνωσθέντες здѣсь разумѣется между прочимъ Евсевіи кесарійскій—доказываетъ, какъ справедливо

¹⁾ R. Seeberg. DG II² (1910), 35, Anm. 1 (это указаніе Холль сдѣлалъ очевидно въ письмѣ къ Р. Зеебергу). Ср. E. Seeberg, Ss. 155—6. Ср. Визант. Врем. т. XIX (1912), Отд. II, стр. 55.

²⁾ S. Eriphanii opera ed G. Dindorfius. Vol. III, Paris Lipsiae 1861, p. 270.

отмѣчаетъ Э. Зеебергъ, выраженіе *μηδὲ ἐκκλησιαστικῶς φρονοῦντες*—намекъ на заглавіе направленного противъ Маркелла сочиненія Евсевія: *Περὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς θεολογίας*. А что осужденіе разумѣется доникейское, показываетъ выраженіе *πρῶτον*. И наконецъ множественное число *καταγυωσθέντων* доказываетъ, что осужденъ (вѣрнѣе: заподозрѣнъ) былъ не одинъ Евсевій. Словомъ, въ этихъ словахъ Маркелла содержится очень ясное указаніе именно на антиохійскій соборъ 324 года.

Что же касается того возраженія Гарнакка, какъ умный Евсевій могъ допустить такую глупость, что явился на соборъ, гдѣ 56 епископовъ были противъ него и лишь 2 за него, то Гарнаккъ повидимому упускаетъ изъ вида вотъ какое обстоятельство: Евсевій былъ человекъ безспорно очень ученый. Но именно выдающіеся ученые какъ разъ и оказываютъ подчасъ очень „глупыми“, неопытными въ практическихъ, житейскихъ отношеніяхъ и очень часто ошибаются въ людяхъ. Несколько неудивительно поэтому, что одинъ изъ виднѣйшихъ сотрудниковъ Евсевія на палестинскомъ соборѣ, Патрофилъ, епископъ епископальскій, мало извѣстный какъ писатель, оказался болѣе мудрымъ „сыномъ вѣка сего“, чѣмъ высокоученый митрополитъ кесарійскій, и уклонился отъ участія на этомъ соборѣ, предвидя вѣроятно его исходъ; самъ же Евсевій явился на соборъ и подвергся отлученію. Возможно также, что именно какъ ученый, какъ знатокъ древне-церковной литературы ¹⁾, Евсевій слишкомъ

¹⁾ Ср. Euseb. с. Marcell. I, 4, 8 p. 20: Ἐγὼ δὲ καὶ Ὀριγένους παλαιότερων ἀνδρῶν πλείστοις ἵστοις ἐκκλησιαστικοῖς συγγράμματι ἐν ἐντετάχῃ, ἐπισκοπῶν καὶ συνόδων ἐπιστολαῖς διαφόραις πρόβαλοι γραφίσαισι, δι' ὧν εἰς καὶ ὁ αὐτὸς ὁ τῆς πίστεως χαρακτήρ ἀποδείκνυται.—Кстати: въ этихъ словахъ я вижу доказательство, что авторомъ книгъ противъ Маркелла и о церковномъ богословіи былъ именно Евсевій кесарійскій, а не Евсевій емисскій, какъ предполагалъ Сопувеаре (См. *Harnack*, *Die Chronologie* II, 544—5): то, что говорить здѣсь о себѣ авторъ, вполне соответствуетъ тому представлевію, какое даетъ объ Евсевіи кесарійскомъ его церковная исторія; тогда какъ Евсевій емисскій вовсе не извѣстенъ, какъ знатокъ древне-христіанской письменности.

полагался на свой авторитетъ, рассчитывалъ и всѣхъ другихъ привлечь на свою сторону, но жестоко ошибся въ расчетахъ.—Но Гарнакъ несомнѣнно преувеличиваетъ, когда говоритъ, что Евсевій встрѣтитъ на этомъ соборѣ 56 противниковъ и 2 сторонника. Изъ этихъ 56-и епископовъ Евсевій по крайней мѣрѣ двоихъ (Григорія и Аетія) или четверыхъ (еще Македонія и Таркондиманта) могъ считать своими единомышленниками. По всей же вѣроятности ихъ было сначала и гораздо больше. Евсевій не могъ предвидѣть, что и эти его бывшіе „друзья“ перейдутъ въ ряды его противниковъ.

„6. Этотъ великій антиохійскій соборъ, наконецъ, будто бы собрался такимъ образомъ, что одинъ неизвѣстный епископъ изъ Исавріи [Апм. 1. Который будто бы присутствовалъ и въ Никее]—его именно принимаетъ Швартцъ за Евсевія, который въ посланіи названъ на 1-омъ мѣстѣ—пришелъ въ Антиохію и, такъ какъ онъ нашелъ тамъ большіе безпорядки и вакантную кафедру, собралъ епископовъ изъ многихъ провинцій. Они будто бы дѣйствительно послушались зова, его, исаврійца, сдѣлали своимъ предсѣдателемъ и засѣдали подъ его руководствомъ. Этотъ способъ, какимъ будто бы собрался соборъ и какъ неизвѣстный человекъ здѣсь будто бы распорядился, такъ же невѣроятенъ, чтобы не сказать больше, какъ и все остальное“ [Апм. 2: „Но Исаврія вообще не названа въ спискѣ провинцій, изъ которыхъ епископы пришли на соборъ въ Антиохію“].

Съ этимъ возраженіемъ Гарнакка и я въ существѣ дѣла согласенъ. См. Хр. Чт. 1911, сентябрь, стр. 1013—1016 [= Апт. соб. 33—6]. Предсѣдателемъ и вождемъ собора въ великой Антиохіи не могъ быть какой-то епископъ изъ Исавріи, не бывшій даже и митрополитомъ. Евсевій, котораго Швартцъ принимаетъ за предсѣдателя этого собора и автора его посланія, не былъ даже и епископомъ Исаврии, древней столицы Исавріи, а былъ епископомъ совсѣмъ ничтожнаго городка Діокесаріи. Но съ моей точки зрѣнія

это доказываетъ только, что до насъ посланіе этого антиохійскаго собора дошло въ нѣсколько интерполированномъ видѣ: въ имени Ἐπιστολῆς я склоненъ видѣть такую же вставку, какую и въ цифрѣ „318“. Еще болѣе простое палеографически, хотя и не свободное отъ нѣкоторыхъ чисто историческихъ трудностей, предположеніе дѣлаетъ А. И. Бриллиантовъ: по его мнѣнію подѣ Ἐπιστολῆς скрывается „Осиѣ кордубскій, уже въ сирскомъ превратившійся въ Евсевія (ܕܢܝܨܢ прочитано какъ ܕܢܝܨܢ). По интересно, что и самъ Гарнакъ въ IV-й главѣ S. 487 признаетъ, что председателемъ этого собора, хотя бы и выдуманшымъ, долженъ былъ быть самъ Евстацій антиохійскій, и вмѣсто Ἐπιστολῆς предлагаетъ читать ($\tau\phi$) ἐπιστολῆς , относя это слово, какъ эпитетъ, къ Ἀλεξάνδρῳ . Этой конъектурой возраженіе 6-е въ гл. II сведено къ нулю.

Что касается замѣчанія объ Исаврїи въ Апм. 2, то это возраженіе Гарнакка въ сущности устранено уже Шварцемъ ¹⁾.

„Слѣдовательно“—говоритъ въ заключеніе этой главы Гарнакъ—„предположеніемъ объ интерполяціяхъ здѣсь нельзя помочь. Все произведеніе отъ начала до конца есть подлогъ (Fälschung) какого-го невѣжды (eines Ignoranten)“. Поэтому онъ находитъ уже излишнимъ изслѣдовать, что прибавлено въ „исторической замѣткѣ“. Сочинилъ ли ее самъ фальсификаторъ, или позднѣйшій авторъ, который повѣрилъ этой фальсификаціи,—въ обоихъ случаяхъ эта замѣтка, по мнѣнію Гарнакка, не имѣетъ никакой цѣнны.—„Наше знаніе“—говоритъ онъ—„того, что происходило въ послѣдній годъ предъ никейскимъ соборомъ и въ слѣдующіе 10 лѣтъ, имѣетъ пробѣлы и во многихъ отношеніяхъ ненадежно: однако оно не настолько плохо, чтобы мы были не въ состояніи критиковать и надлежащимъ образомъ отстранить документъ съ такими признаками, какіе носятъ это посланіе собора“.

¹⁾ *Schwartz*, VI, 283. Ср. у меня въ Хр. Чт. 1911, іюль-августъ, 835—6 [= *Antiox. соб.* 5—6].

Въ дѣйствительности, какъ оказалось, 1) это посланіе носитъ такіе ясные признаки своей исторической достовѣрности, такіе „водяные знаки“, что ихъ невозможно было поддѣлать и самому искусному фальсификатору;

2) оно не только воспоминаетъ наши знанія исторіи событій 324 года въ весьма существенномъ пунктѣ, но проливаетъ новыи и ясныи свѣтъ и на самую исторію никейскаго собора;

3) Гарнакку ни въ II ни въ III главѣ своей статейки не удалось указать рѣшительно ни одного признака, который доказывалъ бы неподлинность этого открытаго Шварцемъ документа.

VI.

Всякій подлогъ долженъ имѣть цѣль, или--по крайней мѣрѣ--поводъ. Это признаетъ и Гарнакъ и--въ IV-й главѣ своей статейки [SS. 486—489]—пытается указать такую цѣль для выдумки антиохійскаго посланія.

„Подлогъ только тогда объясненъ“,—пишетъ Гарнакъ—„когда удалось отгадать (zu entziffern) его поводъ и его мотивы. И это здѣсь въ высокой мѣрѣ возможно.“

1. Исходить нужно отъ того, что фальсификаторъ въ основу своего подлога положили оба посланія Александра александрійскаго и“ построить подлогъ „главнымъ образомъ“ по этимъ посланіямъ. Поводомъ къ подлогу Гарнакъ считаетъ слова св. Александра въ II *φίλαρχος: καὶ οὐκ οἶδ' ὅπως ἐν Συρίᾳ χειροτονηθέντες ἐπίσκοποι τρεῖς διὰ τῆ συναινεῖν τῶ Ἀρείῳ καὶ Ἀχιλλᾷ* [у св. Александра стоятъ собственно αὐτοῖς, хотя, какъ видно изъ предшествующаго, подразумѣваются конечно Аріѳъ и Ахилла: но Гарнакъ все же долженъ бы былъ какъ нибудь отмѣтить, что это: τῶ Ἀρείῳ καὶ Ἀχιλλᾷ—не текстъ, а только толкованіе текста] ἐπὶ τὸ χειρὸν ὑπεκαίουσιν περὶ ὧν ἡ κρίσις ὑπαναχαισθῶ τῇ ὑμετέρᾳ δοκιμασίᾳ [d. h. dem Alexander von Byzanz—поясняетъ Гарнакъ], въ связи съ тѣмъ

фактомъ, что, по словамъ Александра, его *τόμος* подписали и епископы Сиріи. „Тутъ поводъ къ подлогу лежитъ явно предъ нами“. Этотъ подлогъ „выдаетъ себя за сирійское посланіе, и именно за эхо посланія Александра изъ Антиохіи, и очень возможно, что именно поэтому въ немъ отлучены три епископа“.—„Какихъ епископовъ разумѣеть Александръ, неизвѣстно и также безразлично. Фальсификаторъ вставилъ Θεοδοῦτα лаодикійскаго, Παρκίσην пероніадскаго и знаменитаго Ευσεβία кесарійскаго. Θεοδοῦτος былъ дѣйствительно другъ Арія и вождь аріяновъ, а Παρκίσης былъ единомышленникомъ Ευσεβία“ (Гарнаккъ ссылается на Euseb. c. Marg. I, 4).

Этой догадкѣ Гарнакка нельзя отказать въ остроуміи. Вѣдь даже и А. А. Спасскій, на основаніи этого антиохійскаго посланія, сдѣлать ошибочный выводъ, что св. Александръ въ приведенныхъ словахъ говоритъ именно объ этихъ трехъ епископахъ, отлученныхъ [потомъ] антиохійскимъ соборомъ 324 года, равно какъ и Э. Зеебергъ допускаетъ возможность такого предположенія¹⁾.

Однако и самъ Гарнаккъ отказывается объяснить, почему именно „фальсификаторъ“ избралъ *этихъ* трехъ епископовъ, а не какихъ другихъ. Относительно Παρκίσην и Ευσεβία это еще понятно. Но Θεοδοῦτος лаодикійскій умеръ еще до тирскаго собора 335 года, и его имя едва ли могло особенно интересовать позднѣйшихъ „фальсификаторовъ“. У Геласія кизикскаго приводится письмо Константина в. къ Θεοδοῦту лаодикійскому, но письмо это подлинное, а не подложное. Но и Παρκίσην *пероніадскаго* поддѣлать было не такъ то легко. См. Хр. Чт. 1911, сентябрь, стр. 1012—13

---

¹⁾ Спасскій, стр. 153, прим. 2. E. Seeberg, 92, 2.—О несостоятельности этого предположенія см. мою статью: „Павлинъ и Зинонъ, епископы тирскіе“ въ Визант. Врем. т. XX (1913), отд. I, выпускъ 1-й, стр. 4—7, прим. 5.

[32—3].—„Нероніады“ не существовало уже къ 342 году: уже тогда, какъ и во время Θεοδορίта, этотъ городъ назывался *Μίρρονόπολις* („Миргородъ“, тогда какъ *Νερωιάς* онъ назывался въ честь Нерона). И если ученому Θεοδορίту еще было извѣстно и древнее названіе этого города, то вскорѣ оно было повидимому совсѣмъ забыто: это доказываютъ никейскіе списки съ ихъ двумя Наркиссами.

Для вопроса о состоятельности догадки Гарнакка, даѣе, не совсѣмъ „безразлично“, о какихъ 3-хъ епископахъ идетъ рѣчь у св. Александра. По моему мнѣнію, вопросъ этотъ правильно рѣшовъ уже Тилльмономъ, съ которымъ соглашаются и Шнелльманнъ и Шварцъ: эти три епископа тождественны съ главарями палестинскаго собора, упоминаемыми у Созомена: Павлиномъ тирскимъ, Евсеіемъ кесарійскимъ и Патрофиломъ скиѳопольскимъ. Шварцъ въ самомъ посланіи *Περίλαρχος* нашелъ ясныя указанія на то, что оно написано уже послѣ палестинскаго собора, руководителями котораго были эти 3 епископа. „Фальсификаторъ“ и по Гарнакку долженъ былъ быть человекомъ очень ученымъ: онъ вѣдь отлично знаетъ, что епископомъ тарскимъ въ 324 году былъ еще не Θεοδορίъ, а Лушъ, что Иринуполь назывался тогда еще *Νερωιάς*, что соборъ антиохійскій въ 324 году не могъ употребить въ своемъ вѣроизложеніи терминовъ *ἐκ τῆς οὐσίας* и *ὁμοουσίας* и т. д. Удивительно, какъ отъ его вниманія ускользнуло сообщеніе Созомена (или даже самого Савина?) о палестинскомъ соборѣ и его 3-хъ главныхъ дѣятелей, и онъ невѣдомо зачѣмъ на мѣсто извѣстныхъ сотрудниковъ Евсеіа кесарійскаго Павлина и Патрофила поставилъ Наркисса и Θεοδοτά, очутившихся въ компаніи съ Евсеіемъ въ 324 г. въ Антиохіи очевидно лишь случайно (въ особенности это нужно сказать о Наркиссѣ, о близкихъ отношеніяхъ котораго къ Евсеію кесарійскому намъ ничего неизвѣстно). Или этотъ „фальсификаторъ“ знаетъ даже и то, что Павлина тирскаго-антиохійскаго къ концу

324 года уже не было въ живыхъ? Но и въ такомъ случаѣ непонятно, почему онъ опустили имя Нагрофила скиеопольскаго, который былъ живъ еще въ 359 году.

Характеристика Θεοδοῦ и Наркисса по ихъ направленію у Гарнакка страдаетъ фальшью: Наркиссъ былъ такой же вождь арианъ, какъ и Θεοδοῦς (если Аріи въ письмѣ къ Евсевію не называетъ по имени Наркисса, то онъ можетъ быть имѣть и его въ виду подъ „всеѣми на востокѣ“); и въ свою очередь и Θεοδοῦς былъ такой же „единомышленникъ“ Евсевія кесарійскаго, какъ и Наркиссъ. Ни тотъ, ни другой не были „дукіанистами“; а слѣдовательно фактъ, что оба они предъ 325 годомъ были на сторонѣ Арія, нужно объяснять приблизительно тѣми же мотивами, какъ и покровительство Арію со стороны Евсевія: все трое были лѣвыми оригенистами, не признававшими вѣчнаго рожденія Сына Божія.

„2. Подлѣ знаменитаго Евсевія кесарійскаго—два другіе епископа почти неизвѣстные люди. *Поэтому можно сказать, что подлость направлена противъ Евсевія.*—Какъ извѣстно, не только въ позднѣйшее время православіе великаго церковнаго историка очень оспаривалось, но также и при его жизни. Сократъ (I, 23) пишетъ о немъ: *Εὐσεβίου ὁ Παφίλου διγλωσσίου δόξαν ἐκτήρατο, ὅτι τὰς αἰτίας λέγειν ἐκκλήτων μὴ συνευδοχεῖν τοῖς ἐν Νικαίᾳ συνέτατο.* Въ него мѣтнулъ фальсификаторъ посредствомъ живой легенды, будто онъ былъ изложенъ (!!!) великимъ антиохійскимъ соборомъ, и чрезъ это желалъ подорвать то высокое уваженіе, какимъ онъ пользовался въ Церкви“.

Здѣсь прежде всего поражаетъ странностію заявленіе, будто Наркиссъ и Θεοδοῦς—совсѣмъ темные, неизвѣстные люди въ сравненіи съ Евсевіемъ. Это Наркиссъ—то „неизвѣстный“ человекъ, тотъ Наркиссъ, который по смерти „великаго“ Евсевія никомидійскаго-константинопольскаго и Θεογνία сдѣлался истиннымъ вождемъ евсевіанской партіи и оставался такимъ почти до самой смерти! Какъ историческій дѣя-

тель, Наркиссъ несомнѣнно играть даже болѣе видную роль, чѣмъ Евсевій кесарійскій, который тушевался при жизни передъ своимъ болѣе ловкимъ никомидійскимъ соименникомъ. И Θεодотъ намъ менѣе извѣстенъ, чѣмъ Наркиссъ и Евсевій, только потому, что онъ умеръ раньше ихъ обоихъ, не доживъ даже до 335 года.

Но это, конечно, вопросъ посторонній. Какъ писатели, Θεодотъ и Наркиссъ намъ совсѣмъ неизвѣстны, и нельзя оспаривать, что Евсевій, какъ церковный историкъ и апологетъ, могъ дѣйствительно интересоваться и позднѣйшихъ „фальсификаторовъ“. Но предположеніе Гарнакка о цѣли предполагаемаго „подлога“ отъ этого не дѣлается вѣроятнымъ.

1) Если „подлогъ направленъ противъ Евсевія“, то почему же фальсификаторъ именно его-то имя и поставилъ на *последнемъ* мѣстѣ въ числѣ трехъ отлученныхъ антиохійскимъ соборомъ епископовъ? Не доказываетъ ли самый порядокъ именъ этихъ 3-хъ епископовъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ позднѣйшею фальсификаціею, а съ подлиннымъ документомъ? Для современниковъ было, вѣроятно, еще не совсѣмъ ясно, какую исключительную величину представляетъ собою Евсевій кесарійскій, какъ церковный писатель; и такъ какъ на антиохійскомъ соборѣ 324 года, какъ защитникъ аріанскаго ученія, знаменитый историкъ, можетъ быть, нѣсколько тушевался въ сравненіи съ Θεодотомъ и Наркиссомъ, то отцы собора и поставили его имя на *последнемъ* мѣстѣ не взирая даже на то, что онъ былъ митрополитъ Палестины, тогда какъ Наркиссъ и Θεодотъ были простые епископы ¹⁾. Въ 6—7 вв. такой распорядокъ этихъ именъ представляется

---

¹⁾ По мнѣнію Шварца (VII, 325, 1), имена этихъ 3-хъ епископовъ расположены просто по времени ихъ хиротоніи. Θεодоръ лаодикійскій по Eus. h. e. 32, 23 сдѣлался епископомъ еще во время говенія, въ которое его предшественникъ и преемникъ Анатолія, Стефанъ отрекся отъ вѣры; Наркиссъ присутствовалъ на акирскомъ и неокесарійскомъ соборахъ; Евсевій же сдѣлался епископомъ во всякомъ случаѣ уже по окончаніи говенія.

въ высшей степени страннымъ, если уже не прямо невозможнымъ.

2) Если и „въ позднѣйшее время“, какъ и при жизни Евсевія, его „православіе—очень оспаривалось“, то на это имѣлись всѣскія основанія и въ самыхъ сочиненіяхъ Евсевія и въ сообщеніяхъ о немъ его современниковъ. Но отсюда не слѣдуетъ никоимъ образомъ, что позднѣйшіе авторы имѣли особенный интересъ сочинять разныя неблагицы про знаменитаго историка съ цѣлію доказать его неправославіе. Полемизировать съ Евсевіемъ, обвинять его въ „двуязычій“ имѣли поводъ именно только его современники, какъ Евстацій аятіохійскій. Для позднѣйшихъ авторовъ гораздо пріятнѣе было бы выставить знаменитаго историка поборникомъ православія, чѣмъ еретикомъ. Не всѣ позднѣйшіе писатели могли легко примириться съ фактомъ, что „отецъ церковной исторіи“ былъ аріанинъ. Не даромъ уже первый продолжатель Евсевія Сократъ посвятилъ „апологіи Евсевія Памфилова“ цѣлую главу въ своей исторіи [I, 21]; и попытки въ этомъ родѣ продолжаются и до повѣйнаго времени. — Но для тѣхъ, кто держался того правильнаго взгляда, что Евсевій былъ [въ извѣстномъ смыслѣ] аріанинъ, не было никакой надобности выдумывать разныя неблагицы: сочиненія Евсевія, въ особенности его письмо къ кесарійцамъ, доказывали это и безъ того ясно. И открытое Швартцемъ посланіе съ общаемымъ имъ голымъ фактомъ не „низложенія“, а только отлученія Евсевія не прибавляетъ ничего существенно важнаго къ тому представленію объ Евсевіи кесарійскомъ, какъ богословѣ, какое получается изъ его собственныхъ сочиненій.

Интересъ доказывать, что Евсевій кесарійскій былъ аріанинъ, церковные писатели стали имѣть снова только начиная уже съ 8 вѣка, по возникновеніи иконоборчества, такъ какъ Евсевій въ одномъ изъ своихъ писемъ выступалъ какъ иконоборецъ, и именно 7-му вселенскому собору мы обязаны сохраненіемъ отрывка изъ письма Евсевія къ Евфра[н]тіону

валовойскому, доказывающему его арианскій образъ мыслей ¹⁾. Но „фальсификацію“ антиохійскаго посланія Гарнакъ относитъ не къ 8-му, а къ 6—7 вѣкамъ.

„3) Но кто его низложилъ?“ [никто!]. „По соборному посланію, какъ оно передъ нами лежитъ, епископъ по имени тоже Евсевій, котораго Шварцъ по нуждѣ отождествляетъ съ неизвѣстнымъ псавійскимъ епископомъ, который присутствовалъ въ Никее, и о которомъ кромѣ того совершенно ничего неизвѣстно. Этого разумѣется не могло быть. Такъ не поступаетъ ни одинъ фальсификаторъ; ему нужно славное имя! Но послѣ имени этого неизвѣстнаго Евсевія въ подложномъ посланіи слѣдуетъ тотчасъ очень извѣстное имя Евстаоія. Евстаоій былъ не только епископъ Антиохіи (уже во время никейскаго собора)—именно епископъ Антиохіи нуженъ былъ для антиохійскаго собора—, но также глава православія въ Сиріи, и онъ, какъ извѣстно, спусти нѣсколько лѣтъ послѣ никейскаго собора былъ низложенъ Евсевіемъ кесарійскимъ и его друзьями на соборѣ въ Антиохіи (см. Сокр. I. 24 cum parall.). Сразу становится ясно, какъ нужно читать начало посланія собора—не τῷ ἀγίῳ etc.——Ἀλεξάνδρῳ Εὐσέβει, Ἀμφίῳ κτλ, а τῷ ἀγίῳ... Ἀλεξάνδρῳ (τῷ) εὐσεβεῖ Εὐστάθιῳ, Ἀμφίῳ κτλ. Евстаоія нужно признавать за предѣдателя собора и автора соборнаго посланія: только къ нему подходитъ высокое положеніе, которое принимаетъ вождь собора и авторъ соборнаго письма [прим. 1. Если авторъ говоритъ о себѣ: ἐλθὼν γὰρ εἰς τὴν τῶν Ἀντιοχείων καὶ ἰδὼν τὴν ἐκκλησίαν λίαν τραυθεῖσσαν, то нужно припомнить, что Евстаоій только незадолго до никейскаго собора избранъ былъ въ епископы Антиохіи, тогда какъ прежде онъ былъ епископъ Веріи], и весь подлогъ имѣетъ очевидно цѣль историческому низложенію православнаго Евстаоія инославнымъ Евсевіемъ—этому скандалу

¹⁾ Огрывокъ этотъ перепечатанъ у *Schwartz*, VI, 263.

церковной исторіи— смѣло противопоставить влдуманное изложенеі Евсевія Евстаѳіемъ-.

[Прим. 2: А. Г. Швартцъ, вѣря въ оба изложенія, принимаетъ (S. 281 Nr. 1), что Евсевій въ 330 г. мстиль Евстаѳію за низложеніе ([но у Schwartz l. c. стоитъ: für die *Excommunication* von 324]), которое этотъ наложилъ на него за шесть лѣтъ предъ тѣмъ. Поэтому онъ долженъ бы самъ исправить свой собственный текстъ и дать [слову] Εὐσεβίου исчезнуть въ ἀραβεί. Конечно—въ существѣ дѣла однако ничего не измѣнилось бы; ибо не Евсевій кесарійскій въ 330 г. мстиль Евстаѳію за свое низложеніе, но фальсификаторъ 6 или 7 столѣтія мстиль Евсевію за то, что тотъ низложилъ Евстаѳіа].

Этотъ отдѣльчикъ статьи Гарнакка въ моихъ глазахъ имѣетъ цѣнность, какъ доказательство, что даже при его взглядѣ на открытый Швартцемъ документъ, какъ подлогъ 6—7 вѣка, ими Εὐσεβίου; во главѣ списка епископовъ этого антиохійскаго собора представляетъ собою загадку, что первоначальный списокъ и по нему долженъ былъ начинаться съ имени Εὐστάθιος. Гарнаккъ совершенно правъ и въ томъ, что этотъ выводъ долженъ бы былъ сдѣлать и самъ Швартцъ. А прим. 1, написанное очевидно *nachträglich*, показываетъ, что еслибы Гарнаккъ далъ себѣ трудъ проштудировать изданное Швартцемъ посланіе (въ особенности его списокъ епископовъ), то и онъ въ концѣ концовъ убѣдился бы, что онъ оказываетъ слишкомъ много чести неизвѣстному фальсификатору 6—7 вѣка, приписывая ему поддѣлку документа съ такими „водяными знаками“. Ужъ очень уменъ былъ, должно быть, этотъ „фальсификаторъ“, если отдавалъ ясный отчетъ въ такихъ подробностяхъ, какъ то обстоятельство, что св. Евстаѳій лишь незадолго до 325 года сдѣлался епископомъ антиохійскимъ, и что епископомъ тарскимъ въ 324 году былъ еще Луцій, а не Θεόδωρος!—Мало того, въ этомъ примѣчаніи Гарнаккъ впадаетъ въ скрытое противорѣ-

чіе съ самимъ собою. Если въ 'Ελλών εἰς τὴν τῶν Ἀντιοχέων содержится намекъ на недавнее перемѣненіе св. Евстаоія въ Антиохію изъ Верин, то соборъ антиохійскій и по мысли „фальсификатора“ состоялся раньше 325 года. Но въ такомъ случаѣ непонятно, какимъ образомъ отлученіе (или хоть даже и низложеніе), наложенное Евстаоіемъ на Евсевія въ 324/5 г., могло парализовать низложеніе самого Евстаоія Евсевіемъ около 330 года.

Но конъектура Гарнакка: εὐσεβεῖ вмѣсто εὐσεβίου мнѣ не представляется особенно удачною. Адресъ посланія получается довольно странный: „святому и единомудушному брату, возлюбленному и сослужителю Александру благочестивому“. Выходитъ, будто Александръ ессалоникскій носилъ прозвище „благочестиваго“ ¹⁾! Слово εὐσεβής вообще, насколько знаю, не встрѣчается въ письмахъ того времени и въ качествѣ почетнаго эпитета; и Гарнакъ не представилъ никакихъ аналогій за свою конъектуру.

Болѣе правдоподобно предположеніе А. И. Бриллиантова, что правильное 'wsbjws = Εὐσεβίος есть только вполне естественная въ сирекомъ опискѣ вмѣсто 'wsjws = Όσιος. Но объ немъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

Предлагаемую Гарнаккомъ попытку выяснять цѣль предполагаемаго „подлога“ я не могу признать удачною. Низложеніе св. Евстаоія антиохійскаго по интригамъ евсевіанъ было далеко не единственнымъ „скандаломъ въ исторіи церкви“. Достаточно назвать имена св. Доанасія в. александрійскаго, св. Мелетія антиохійскаго, св. Павла, св. Іоанна

¹⁾ Если же это εὐσεβεῖ не постоянное прозвище, а точно такой же почетный эпитетъ, какъ ἀγιώ, ἁγιοφύλαξ или ἀγαπῆτῶ, то мѣсто ему между этими эпитетами раньше имени Ἀλεξάνδρω, а не послѣ его. Ср. Schwartz, VII, 333—4. Во 2-й статьѣ S. 415 и Гарнакъ предлагаетъ уже читать τῷ ἀγιώ — — εὐσεβεῖ Ἀλεξάνδρω; но и въ такомъ видѣ его гипотеза (по основанію, указываемому далѣе въ текстѣ) представляется мнѣ неприемлемой.

Златоуста и св. Флавіана константинопольскихъ. Если св. Аѳанасій и Мелетій были въ концѣ концовъ восстановлены въ своемъ санѣ и возвратились изъ ссылки на свои кафедры, то свв. Павелъ, Іоаннъ Златоустъ и Флавіанъ такъ и умерли въ изгнаніи, какъ и св. Евстаоій. Известны и имена тѣхъ епископовъ, по интригамъ которыхъ эти отцы церкви были низложены. Въ интригахъ противъ Аѳанасія в. самое дѣятельное участіе принималъ и тотъ же Евсевій кесарійскій.—Однако кажется никто въ 6—7 вв не умудрился сочинить, что напр. оба Евсевія *sunt sociis* низложены или отлучены были alexandрійскимъ соборомъ подъ предѣлательствомъ Аѳанасія в., или что Теофильтъ alexandрійскій низложенъ былъ константинопольскимъ соборомъ подъ предѣлательствомъ св. Іоанна Златоуста. Интересно отмѣтить вотъ какой фактъ: для Θεοδωριτα кирскаго св. Евстаоій есть „великій“ святитель и „поборникъ истины“, *ὁ τῆς ἀληθείας πρόμαχος ὁ μέγας Ἐβστάθιος* 1). И однако онъ, ничтоже сумняся, сообщаетъ, что антиохійскій соборъ низложилъ его. „какъ прешободѣя и тирана“, *ὡς μετὸν ἑμοῦ καὶ τύραννον ἐξελασθήναι παρασκευάζουσι τὸν τῆς εὐσεβείας καὶ σωφροσύνης ἀγωνιστήν* 2).—Въ фактахъ низложенія православныхъ епископовъ еретическими соборами позднѣйшіе церковные писатели не видѣли ничего позорнаго для этихъ епископовъ, а напротивъ смотрѣли на это какъ на страданія за вѣру, какъ на исповѣдничество; и потому не имѣли никакихъ побужденій ни замалчивать эти факты, ни сочинять небывалыя низложенія этими поборниками православія своихъ гонителей.

И если цѣль „подмога“ есть реабилитация имени св. Евстаоія, то почему она не выступаетъ ясно въ самомъ посланіи? Почему въ немъ нѣтъ рѣчи ни объ обвиненіяхъ противъ св. Евстаоія, ни доказательствъ его православія и полной не-

1) Theodoret, h. e., I, 21 p. 52A.

2) I. c. p. 53A.

винности? Почему не приведено никакихъ доказательствъ неправославія главнаго врага св. Евстаоія Евсевія кесарійскаго? Если фальсификаторъ—какъ это необходимо долженъ допускать Гарнакъ—былъ человѣкъ очень ученый ¹⁾, то къ его услугамъ были и сочиненія Евсевія кесарійскаго, сохранившіяся и до нашего времени. Самыя имена Евстаоія и Евсевія упомянуты въ посланіи только по одному разу. И для всякаго безпристрастнаго читателя ясно, что центр тяжести посланія лежитъ не въ отлученіи трехъ епископовъ, а въ самомъ вѣроизложеніи, которое приведено въ этомъ посланіи.

Неизлишне напомнить также, что, по словамъ Теодорита (I, 21), изложение св. Евстаоія состоялось по инициативѣ Евсевія „константинопольскаго“ и Θεогнія никейскаго и при участіи, кромѣ Евсевія кесарійскаго, еще Патрофила скиеопольскаго, Аетія лидскаго и Θεодота паодикійскаго; слѣд. главнымъ дѣятелемъ этого собора, по Теодориту, былъ Евсевій никомидійскій, а не кесарійскій ²⁾. И если фальсификаторъ былъ человѣкъ очень ученый, то почему же онъ не занесъ въ число „отлученныхъ“ антиохійскимъ соборомъ епископовъ и Патрофила и Аетія; а наоборотъ даже зачислилъ послѣдняго въ число православныхъ членовъ этого собора ³⁾?

Не раздѣляя мнѣнія Гарнакка, что цѣлю предпологаемаго имъ подлога было—реабилитировать Евстаоія и очернить Евсевія, я вполне раздѣляю то заключеніе Швартца ⁴⁾, что

¹⁾ Во II-й статьѣ, S. 418, ср. S 413, самъ Гарнакъ признаетъ, что фальсификаторъ не настолько невѣжественъ, какъ онъ предполагалъ раньше.

²⁾ О томъ, насколько можно довѣрять этому сообщенію Теодорита, см. „Павлія и Зиновъ, епископы тирскіе“ въ Виз. Врем. т. XX. отд. I, вып. 2—3, стр. 118—119 [178—179], прим. 190.

³⁾ Именъ Патрофила скиеопольскаго и Аетія лидскаго, впрочемъ нѣтъ въ спискѣ епископовъ собора, издавшаго 25 канонѣвъ. Но половъ ли этотъ списокъ?

⁴⁾ Послѣ (сначала въ Pauly Wissowa, RE. VI, 1417, а потомъ въ VII, 354—5) самъ Швартцъ отказался отъ этого предположенія, и такимъ

Евсевій кесарійській на антиохійському соборі около 330 года дѣйствительно метилъ св. Евстаѳію за свое отлученіе на соборѣ 324 года; и въ самомъ имени Евсевія кесарійскаго вижу тоже одинъ изъ „водяныхъ знаковъ“ въ этомъ посланіи.

Но не одинъ Евсевій метилъ здѣсь св. Евстаѳію. На соборѣ, изложившемъ св. Евстаѳія и избравшемъ потомъ Евфронія, присутствовали и играли видную роль и Θεодотъ лаодикійскій и Наркиссъ пероніадскій. Оба они оставались тамъ и послѣ того, какъ Евсевій кесарійскій отказался занять антиохійскую кафедру и видимо уѣхалъ въ Кесарію¹⁾. Слѣд. не одинъ Евсевій, но и Θεодотъ и Наркиссъ на соборѣ около 330 года метили Евстаѳію за свое отлученіе. По отъѣздѣ Евсевія Θεодотъ видимо сдѣлался предсѣдателемъ этого антиохійскаго собора. Но, кромѣ того, за правильность вывода Шварца говоритъ одна мелочь, оставленная Гарнакомъ безъ всякаго вниманія. На антиохійскомъ соборѣ присутствовать между прочимъ Асклина, или Асклипій, епископъ газскій (№ 50 списка). Векорѣ послѣ никейскаго собора, вѣроятно—раньше св. Евстаѳія, этотъ Асклипій былъ низложенъ при дѣятельномъ участіи Евсевія кесарійскаго, которому Асклипій былъ подчиненъ, какъ митрополиту. „Этого противника“ — говоритъ Шварцъ²⁾ — „Евсевій —

образомъ съ этой его новой точки зрѣнія оказывается ошибочнымъ самый базисъ гипотезы Гарнака о цѣли „подлога“. Но основаніе этой перемѣны взгляда у Шварца стоитъ въ связи съ его ошибочнымъ предположеніемъ, что первымъ преемникомъ св. Евстаѳія былъ Павлинъ тирскій; и слѣд. соборъ, издавшій 25 канонѣвъ, на которомъ предсѣдателемъ былъ Евсевій кесарійскій, состоялся не сразу по низложеніи св. Евстаѳія, а спустя годъ—два. По моему, соборъ, издавшій канонѣвы если и не совершенно тождественъ съ соборомъ, изложившимъ св. Евстаѳія, то былъ его продолженіемъ и имѣлъ почти тотъ же самый составъ.

¹⁾ Eus. de vit. Const. II, 62, гдѣ Θεодоръ названъ на 1-мъ мѣстѣ, Наркиссъ—на 3-мъ (См. Павлинъ и Зинонъ, стр. 31).

²⁾ Schwartz, VI, 286. По заслуживающему довѣрію, по мнѣнію Шварца, свидѣтельству восточнаго сердикскаго собора 342/3 года (Hilag. fr. 3, 11), Асклипій былъ низложенъ за 17 лѣтъ до этого собора, слѣд. въ 325 или 326 году.

быстро устранить“. Следовательно, и здесь мы имѣемъ дѣло съ мстью Евсевія *cum sociis* за свое отлученіе. Вѣроятно Асклиній игралъ очень видную роль на соборѣ 324 года. Евсевій хорошо запомнилъ это и, какъ только дѣла приняли благоприятный для еусевіанъ оборотъ, постарался поскорѣе удалить этого подчиненнаго ему епископа. Но невозможно допустить, чтобы „фальсификаторъ“ 6—7 вв. такъ заинтересовался отношеніями Евсевія къ Асклинію, что постарался занести и этого малоизвѣстнаго епископа въ число членовъ собора, отлучившаго Евсевія.

„4. Можно спросить,—говорить далѣе Гарнакъ—не руководила ли фальсификаторомъ и еще догматическая побочная цѣль. Выше указано на то, что фальсификаторъ показываетъ особенный интересъ къ терминамъ „ἀτράπτε καὶ ἀναλλοσίωτος“,—[интересъ], который далеко превосходитъ интересъ, какой оказываетъ (*zollt*) имъ оригиналь (*Vorlage*) [т. е. письмо Александра]. Вѣдь фальсификаторъ уже при первомъ Лицѣ Божества, слѣд., при Самомъ Богѣ, упоминаетъ, что къ Нему приложимы эти предикаты. Это указываетъ, по моему мнѣнію, на монофиситскіе споры, въ которые, какъ извѣстно, горячо спорили о безстрастности и неизмѣняемости Божества. Однако я не думаю, чтобы фальсификаторъ съ опредѣленною цѣлю упоминалъ о неизмѣняемости; если бы онъ преслѣдовалъ такую цѣль, то онъ выразился бы еще яснѣе. Но, можетъ быть, онъ выдаетъ свое время и его интересы чрезъ это упоминаніе. Онъ писалъ во время монофиситскихъ споровъ—въ 6-мъ ли или 7-мъ вѣкѣ, этого нельзя рѣшить“.

Въ примѣчаніи Гарнакъ самъ же нѣсколько ограничиваетъ себя. Онъ пишетъ: (*Anm. 1*) „*In dogmaticis* фальсификаторъ былъ не совсѣмъ необразованъ. Это доказываетъ то наблюденіе, что онъ въ исповѣданіи вѣры, которое тѣсно примыкаетъ къ таковому же [исповѣданію] Александра александрійскаго, избѣгаетъ передавать все соблазнительное, чтó

онъ тамъ находить въ изобиліи“ [Гарнакъ, вѣроятно, имѣеть въ виду выраженіе въ родѣ *μακρότατα φάσις Μονογενής* или *τὰς τῆς ὑπεστάται δὲ φύσεως*].

Эта попытка опредѣлить время предполагаемаго „подлога“—совсѣмъ жалкая, недостойная ученаго съ геноштее А. Гарнакка. Знаменитый ученый проглядѣлъ, что термины *ἄτρειτος* καὶ *ἀναλλοίωτος* и у самого Александра прилагаются не только къ Сыну, но и къ Отцу, и что ихъ употребляли и самъ Аріій—въ приложеніи къ Отцу постоянно, къ Сыну въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ излагалъ свои взгляды въ болѣе умѣренномъ видѣ¹⁾.

Слѣдовательно, монофиситство Гарнакъ привлекаетъ тутъ совершенно не къ дѣлу. Да при томъ же монофиситство не подавало никакого повода говорить о неизмѣняемости Бога *Отца*, Который Самъ не воплощался и, слѣдовательно, былъ совершенно неизмѣняемъ и съ точки зрѣнія монофиситовъ.

Такимъ образомъ, и попытка Гарнакка указать цѣль „подлога“ такъ же неудачна и убога, какъ и вся его аргументація противъ подлинности открытаго Швартцемъ документа.

Во II-й статьѣ, послѣ того какъ и Швартцъ²⁾ указалъ, что термины *ἄτρειτος* καὶ *ἀναλλοίωτος* примѣняются Аріемъ и въ отношеніи къ Богу Отцу [что ихъ употребляетъ въ примѣненіи къ Отцу и самъ Александръ александрійскій—этого какъ будто не замѣтилъ и Швартцъ], Гарнакъ³⁾ уже отказывается отъ этой своей попытки опредѣлить время подлога и признаетъ даже вмѣстѣ съ Швартцемъ, что посланіе собора и историческая „замѣтка“ становятся тѣмъ менѣе понятны, чѣмъ позднѣе ихъ ставить.—Но самый фактъ,

¹⁾ См. объ этомъ выше гл. IV, стр. ср. *Schwartz*, VII, 348.

²⁾ *Schwartz*, VII, 348.

³⁾ *Harnack*, II, 421.

что такое совершенно вздорное предположеніе было предложено Гарнакомъ, доказываетъ полную ненадежность его критическаго метода и объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что совершенно исключительный знатокъ христіанской литературы первыхъ трехъ вѣковъ и выдающийся мыслитель Гарнакъ далеко не является такимъ же специалистомъ въ исторіи догматическихъ споровъ IV—VII вв. и мало начитанъ въ литературѣ этого періода.

Въ заключеніе IV-й главы Гарнакъ пишетъ:

„Ни въ декабрѣ 324 г., ни еще когда до никейскаго собора не имѣлъ мѣста великій антиохійскій соборъ, который антиципировать никейскій“ [N. В. но откуда же мы знаемъ положительно, что такого собора не было? Развѣ наши источники за этотъ періодъ текутъ такъ обильно, что мы можемъ знать, когда и гдѣ именно могли или не могли собираться соборы епископовъ]? „Все дорзко налгано, посланіе собора и самый соборъ.—налгано въ то время, въ которое отвратительно много сдѣлано подлоговъ на востокъ и на западъ (также и въ Римѣ), дѣлались подлоги съ догматическими,—съ церковно-политическими,—съ назидательными цѣлями, дѣлались подлоги изъ-за охоты къ баснословію, дѣлались подлоги затѣмъ, чтобы перекрасить или изгладить раннѣйшую исторію, которая была неудобна или соблазнительна. Также и спеціально для Антиохіи сдѣлано было много подлоговъ. Я напому о фальсификаціяхъ относительно первыхъ епископовъ, на подлогъ апостольскаго собора въ Антиохіи и на подлогъ антиохійскаго символа противъ Павла самосатскаго. Нашъ подлогъ, который, какъ и другіе, долженъ былъ возвысить кафедру антиохійскую—она будто бы уже до никейскаго собора выступила за православіе—[Но то развѣ не безспорный фактъ что и Филогоній антиохійскій, при которомъ начался аріанскій споръ, и св. Евстаѣій, современникъ никейскаго собора, были выдающимися поборниками православія? И откуда

мы знаемъ, что Евстаоій дѣйствовать единолично, не имѣя поддержки въ остальныхъ епископахъ востока?—И если изданное Шварццемъ посланіе есть подлогъ, имѣвшій цѣлю возвеличить антиохійскую каедру, то почему эта цѣль не выступаетъ ясно въ самомъ посланіи? Совсѣмъ даже наоборотъ: мнимый „фальсификаторъ“ не только не сочиняетъ никакихъ диопрамбовъ каедрѣ антиохійской, но даже сообщаетъ, что въ самой Антиохіи появились „плеваны“ еретическаго ученія, что св. Евстаоій, „придя въ Антиохію“, не считъ себя въ правѣ дѣйствовать единолично, а собралъ соборъ изъ епископовъ нѣсколькихъ провинцій. Что тутъ такого особенно местнаго для Антиохіи или ея епископа, изъза чего поздній фальсификаторъ, заинтересованный славою великой Антиохіи, сталъ бы сочинять такое посланіе?—представляетъ искаженіе исторіи какъ бы въ чистой культурѣ (*stellt eine Geschichtsfälschung gleichsam in Reinkultur dar*) [значить „подлогъ“ этотъ вовсе не такой грубый, какъ это выходитъ по ранѣйшимъ заявленіямъ Гарнакка?]. „Во славу церкви антиохійской должно было быть уничтожено уваженіе величайшаго историка древней церкви. Фальсификаторъ не имѣлъ подъ руками ничего, какъ только документы и извѣстія, которыми и мы также обладаемъ, именно собраніе каноновъ и что читается у Сократа съ товарищами“; [значить, у него не было подъ руками даже и твореній Леанасія В.? Откуда же онъ тогда могъ взять имя Луна или ознакомиться съ отрывками изъ Фаліа Арія?] „о хронологіи онъ не имѣлъ никакого понятія“ [я однако знаю, когда св. Евстаоій занялъ антиохійскую каедру, зная, что въ это время былъ еще живъ Луцъ тарескій, и въ свой списокъ епископовъ не внесъ рѣшительно ни одного имени, которое указывало бы на эпоху позднѣе 324 года!]. „Его гнѣвъ возбуждало низложеніе православнаго Евстаоія Евсевіемъ“ [но если это низложеніе дѣйствительно возбуждало его гнѣвъ, то почему же онъ не далъ мѣста этому гнѣву въ самомъ

сфабрикованномъ имъ документѣ?]. Онъ осмѣлился предъ своею публикой просто перевернуть здѣсь исторію [но „перевернуть“ ее здѣсь, заставить читателемъ вѣрить, что не Евстацій изложенъ былъ Евсевіемъ, а наоборотъ—Евсевій Евстаціемъ, было не такъ-то легко: о изложеніи Евстація говорятъ не только Сократъ и Созомень, но и епископъ Θεодоритъ, самъ антихіецъ и почитатель Евстація] и позволилъ себѣ при этомъ грубѣйшія историческія ошибки и противорѣчія: [но, какъ мы видѣли, эти ошибки и противорѣчія существуютъ лишь въ воображеніи Гарпака] „ибо онъ ихъ самъ не чувствовалъ и не могъ разсчитывать на еще болѣе необразованныхъ читателей. Мы не знаемъ, чтобы его подлогъ имѣлъ успѣхъ—другія *fraudes Syrogum* были въ этомъ счастливыѣ—; онъ дошелъ до насъ спрятанный только въ *одной* сирской рукописи; но увидѣлъ свѣтъ не болѣе, какъ только 3 года тому назадъ“.

Въ этой заключительной фразѣ Гарпакъ приводитъ противъ новооткрытаго документа аргументъ, который В. В. Болотовъ прекрасно охарактеризовалъ, какъ „своего рода *куль*, способный увеличивать (хотя и не въ десятеро) впечатлѣніе отъ предшествующихъ доказательствъ, если стоитъ“, но который „можетъ и ослабить и даже совсѣмъ испортить это впечатлѣніе, поставленный впереди ихъ“¹⁾.

Мало-ли высоко-важныхъ историческихъ памятниковъ дошло до насъ тоже въ одной только рукописи²⁾, и притомъ нѣкоторые изъ нихъ и изданы были сравнительно лишь очень недавно (напр. пасхальныя посланія Аонасія В. съ *κατάλαλα*, *Φιλοσοφούμνα* св. Ипполита, *Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων*).

¹⁾ В. В. Болотовъ, Реабилитация 4-хъ документовъ 343 года въ Хр. Чт. 1891, II, 82—4 [=Либерій, епископъ римскій, и сирійскіе соборы 65—7].

²⁾ Перечень такихъ сохранившихся въ одной рукописи памятниковъ—вѣроятно даже не полный—см. у В. В. Болотова, *л. с.* стр. 83 [66]. Сб.

Но что особенно интересно въ данномъ случаѣ: когда Гарнакъ писалъ эту свою статейку, по всей вѣроятности, и *F. Nam* подготовлялъ къ печати свою, появившуюся въ началѣ 1909 г. въ *Revue de l'Orient chrétien* 2-nd serie t. IV (XIV) статью *Literature canonique syriaque inédite. Concile d'Antioche etc.*, изъ которой и Гарнакъ долженъ былъ потому узнать, что объявляемое имъ за „подлогъ“ посланіе сохранилось *не въ одной, а въ двухъ сирскихъ рукописяхъ*¹⁾.

Говоря о „*fraudes Syrorum*“ и перечисляя подлоги, имѣвшіе мѣсто въ Антиохіи, Гарнакъ упускаетъ изъ вида одно важное обстоятельство. Подлоговъ не чужда совершенно даже и греческая церковь. Но вотъ что безспорно: изъ восточныхъ христіанъ не-грековъ сирійцы менѣе всѣхъ повинны въ подлогахъ. Напротивъ, именно сирійцамъ мы обязаны напр. тѣмъ, что для насъ не совсѣмъ утраченъ такой важный памятникъ для исторіи церкви 4 вѣка, какъ пасхальныя посланія Аванасія В. съ ихъ драгоцѣнными *κεφάλαια*, открытіе которыхъ въ 1848 г. совершенно измѣнило принятую раньше, основанную на церковныхъ исторіяхъ Сократа, Созомена и Θεодорита, хронологію 2-й и 3-й четвертей IV вѣка.—Въ 1906 году²⁾ самъ Гарнакъ посвятилъ сиро-персидской церкви слѣдующія сочувственныя строки:

„Сиро-персидская церковь заслуживаетъ нашу полную симпатію: она есть единственная великая церковь, которая никогда не пользовалась официальнымъ покровительствомъ государства; она сохранила антиохійскія экзегетическія традиціи; она переводила съ большимъ стараніемъ труды христіанской древности и можетъ хвалиться, что знаетъ такъ же хорошо, какъ сами греки, Іустина, Ипполита, Меодія, Аванасія, Василия, трехъ Григоріевъ, Златоуста, Діодора, Амфи-

¹⁾ Ср. Хр. Чт. 1911, 843 [=Antiox. соб. 13].

²⁾ *A. Harnack, Missiou und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. 2-te neu durchgearbeitete Auflage, II Band. Die Verbreitung. I. C. Hinrichs'sche Buchhandlung in Leipzig 1906, S. 126.*

лохія, Амвросія, Беодора [см. свидѣтельство несторіанскаго патріарха Тимофея I, † 823¹⁾]. Она усвоила себѣ также греческую философію и науку и перевела ее къ арабамъ. Теперь она стѣснена, обѣднѣла и растерзана, но она идетъ на встрѣчу своему полному упадку съ сознаниемъ, что она жила не даромъ, но заполнила существенное мѣсто въ исторіи культуры“.

У Гарнакка это относится собственно къ сиро-персидской *несторіанской* церкви. А посланіе антиохійскаго собора 324 года сохранилось въ *монофиситской* рукописи Cod. Par. sur. 62. Но нигде не видно, что и монофиситы въ Сиріи были особенно охочи до подлоговъ. Проф. А. И. Бриллиантовъ, правда, указывалъ мнѣ „въ подтвержденіе“ того, что и „сирійская литература не чужда подложныхъ памятниковъ“, на то, что „и въ ней была извѣстна «исторія Діоскора» (въ родствѣ съ коптскими „Разказами“)“. Но на это я отвѣтилъ ему — и не получить возраженія — приблизительно слѣдующее: существованіе у сирійцевъ-монофиситовъ легендарной исторіи Діоскора не доказываетъ ихъ особую любовь къ фальсификаторству, такъ какъ Діоскоръ вѣдь есть великій святой монофиситской церкви, и монофиситы въ Сиріи не могли обойтись безъ его житія. Но открытое Швартцемъ посланіе ничего похожаго на чье либо житіе собою не представляетъ.

Любовь къ положительному историческому знанію была очевидно природнымъ національнымъ качествомъ всѣхъ сирійцевъ, и не однихъ только несторіанъ, и ей мы и обязаны сохраненіемъ такихъ памятниковъ, какъ *κατάληξις* и новооткрытое посланіе.

---

¹⁾ По В. В. Болотову, Изъ исторіи церкви сиро-персидской. II. Списокъ католикосовъ селевкіе-ктисифонскихъ стр. 114—Хр. Чт. 1899. 1184, „Тимотеосъ I † въ 819?? въ 820?“

Въ сирской —высоковажной и по Гарнакку — рукописи сохранилось и издаиное Швартцемъ посланіе антиохійскаго собора 324 года. Уже этотъ фактъ составляетъ хорошее *propositivum* въ пользу его подлинности, побуждаетъ думать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ открытіемъ, аналогичнымъ съ открытіемъ *κεφάλαια*, и едвали не равнымъ этому открытію 1848 года и по значенію: если *κεφάλαια* обнимаютъ собою періодъ въ 46 лѣтъ и заново и твердо устанавливають хронологію важнѣйшихъ событій даннаго періода, то новооткрытое посланіе, относясь къ одному только году, можетъ быть даже къ одному только мѣсяцу, даетъ намъ однако новое дотолѣ совершенно неизвѣстное, доникейское изложеніе вѣры и проливаетъ новый и обильный свѣтъ на самую исторію никейскаго собора. *Κεφάλαια* болѣе цѣнны для выѣшней фактической исторіи, посланіе собора 324 года, не безразличное и въ этомъ отношеніи, имѣетъ сверхъ того значеніе и для исторіи догматовъ и богословской мысли. Опять любознательность сирійцевъ сохранила до насъ документъ, которымъ пренебрегали греки.

И самое тщательное, детальное изученіе этого документа убѣждаетъ въ правильности этого заключенія. Цѣлый рядъ „водяныхъ знаковъ“ ставитъ подлинность этого посланія выше всякаго сомнѣнія. А всѣ возраженія, придуманныя Гарнаккомъ, оказываются покоющимися на недоразумѣніяхъ.

Скепсисъ Гарнакка въ отношеніи къ издаиному Швартцемъ документу съ такими ясными признаками подлинности тѣмъ болѣе удивителенъ, что тотъ же Гарнаккъ обнаруживаетъ, наоборотъ, излишнюю довѣрчивость къ такому, напр., совершенно нечужбому контскому фабрикату, какъ издаиное Ревилью псевдо-діоскорова „Похвальное слово Макарію, епископу города Ткоу“. Эти мнимые „*Récits du Dioscore* о халкидонскомъ соборѣ“ цитуются у Гарнакка, какъ подлинныя, даже и въ вышедшемъ въ 1894 году 3-мъ издаиіи его

Lehrbuch der Dogmengeschichte В. II, слѣд., уже послѣ того, какъ Амелино издалъ это „похвальное слово“ цѣликомъ и призналъ его подложнымъ. — Гарнаккъ ученый безспорно очень безпристрастный. Но какъ будто онъ въ этомъ безпристрастїи заходитъ дальше, чѣмъ бы слѣдовало. Какъ будто у него (какъ и у тенденціозныхъ католическихъ ученыхъ, только въ обратномъ отношенїи) различная мѣрка для еретиковъ и православныхъ. Даже и самыя вздорныя выдумки коптовъ-монофиситовъ кажутся ему достовѣрными. Напротивъ, неизвѣстный дотолѣ документъ, содержащїй православное доникейское вѣроизложеніе и проливающїй новый и обильный свѣтъ на исторїю никейскаго собора, но опровергающїй принимаемое Гарнаккомъ, невыгодное для никейскаго собора, предположеніе, будто никейскїй символъ принять бытъ только „подъ давленїемъ императорской воли“, онъ считаетъ самоочевиднымъ подлогомъ.

VII.

Остается разобрать Anhang статьи Гарнакка, посвященный вопросу о „посланїи Константина, чрезъ которое онъ будто бы созванный въ Анкиру соборъ переноситъ въ Никею и приглашаетъ туда епископовъ“ [SS. 489—491]¹⁾.

„Мнѣніе г. Шварцца“—говорятъ Гарнаккъ—что великій соборъ первоначально созванъ Константиномъ въ Анкиру (см. выше), опирается *исключительно*, на это, „сохранившееся на сирскомъ языкѣ посланіе“.

Въ дѣйствительности это мнѣніе Шварцца опирается и на найденное имъ посланіе антиохійскаго собора 324 года.

---

¹⁾ Ср. Антиохійскїй соборъ 324 года, стр. 37-8 [=Хр. Чт. 1911 стр. 1017—8]—Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣется теперь и въ русскомъ переводѣ—въ статьѣ *А. И. Бриллиантова*, Къ исторїи арианскаго спора до перваго вселенскаго собора (II. Почему созванный въ Никейскїй соборъ сначала предполагалось собрать въ Анкирѣ?), стр. 36—Хр. Чт. 1913, октябрь, стр. 1185.

Что тамъ идетъ рѣчь не объ извѣстномъ помѣстномъ соборѣ въ Анкирѣ (обычно относимомъ къ 324 году), а именно о никейскомъ, показано выше (въ главѣ III-ей).

Затѣмъ, приведя самый документъ, Гарнакъ пишетъ: „прежде всего—какъ г. Шварцъ могъ изъ этихъ словъ опредѣленно заключить, что никейскій соборъ сначала созванъ былъ Константиномъ въ Анкиру, это не ясно. Это объясненіе есть только одна изъ двухъ возможностей. Эти слова [т. е. слова ἐπεὶ δὲ τὴν ἐπισκόπων συνόδον ἐν Ἀγκύρᾳ τῆς Γαλατίας γενέσθαι πρότερον συμφωνήθη¹⁾]=„такъ какъ раньше состоялось соглашеніе быть собору епископовъ въ Анкирѣ галатійской“] „многo вѣроитѣе означаютъ, что послѣ того, какъ уже прежде состоялся соборъ въ Анкирѣ, теперь таковой же долженъ имѣть мѣсто въ Никее. Мы слѣдовательно, имѣемъ здѣсь ту же ссылку (dieselbe Rückbeziehung) на извѣстный соборъ въ Анкирѣ, которая находится и въ подложномъ соборномъ посланіи“.

Признаюсь, я не могу согласиться съ тѣмъ, что συμφωνήθη [а тѣмъ болѣе ἐψηφίσθη или διετύχθη] можетъ относиться къ собору уже состоявшемуся. Почему бы Константину не сказать тогда просто и ясно: ἐπεὶ δὲ ἡ τῶν ἐπισκόπων συνόδος ἐν Ἀγκύρᾳ τῆς Γαλατίας πρότερον γέγονε? И если этотъ документъ говорить о соборѣ уже состоявшемся, то съ какою цѣлію въ немъ приводятся мотивы за то, что теперь соборъ епископовъ назначается въ Никее? Развѣ изъ того факта, что дѣтъ 10 тому назадъ собирався соборъ въ Анкирѣ—и соборъ не вселенскій, а помѣстный и по числу епископовъ совсемъ маленькій, —непрѣмѣнно слѣдовало, что и вселенскій соборъ долженъ былъ тоже собраться въ Анкирѣ?

---

¹⁾ Какъ сообщаетъ Шварцъ. VII, 340, вмѣсто συμφωνήθη въ оригиналѣ могло стоять и ἐψηφίσθη или διετύχθη и что въ основѣ этихъ греческихъ выраженій лежитъ латинское *constitutum est*, почему и А. И. Вриллантовъ переводитъ „постановлено было“—Ср. А. И. Вриллантовъ, стр. 40—41 [1189—1190].

Развѣ императоръ не имѣлъ права мѣстомъ собора избрать какой угодно городъ, по собственному желанію?—Напротивъ, и упоминаніе объ Анкирѣ и мотивы за назначеніе собора въ Никею вполне понятны и даже прямо необходимы, если самъ императоръ уже назначилъ соборъ въ Анкирѣ, но не успѣлъ этотъ соборъ собраться, какъ императоръ измѣнилъ свое намѣреніе и избралъ мѣстомъ собора Никею ¹⁾. Кроме того, какъ указываетъ Швартцъ ²⁾, предлагаемое Гарнаккомъ пониманіе этихъ словъ недопустимо съ точки зрѣнія правилъ сирской грамматики.

„Но именно эта ссылка уже выдастъ неподлинность и этого произведенія, ибо соборъ въ Анкирѣ лежалъ далеко позади, и никакого отношенія между нимъ и никейскимъ соборомъ не существуетъ. Напротивъ, въ позднѣйшее время естественно было построить такія отношенія, ибо въ собраніяхъ канонивъ каноны анкирскіе и никейскіе стояли вмѣстѣ“. Такимъ образомъ, не доказавъ еще, что данный документъ есть подлогъ, Гарнакъ указываетъ уже и поводъ къ этому предполагаемому „подлогу“. Въ основѣ этого письма Константина лежитъ будто бы только одинъ фактъ сосѣдства анкирскихъ канонивъ съ никейскими.—Какъ указываетъ самъ Швартцъ ³⁾, по изслѣдованіямъ Маассена въ древнѣйшихъ рукописяхъ (въ основѣ которыхъ лежитъ сборникъ, составленный еще до халкидонскаго собора), каноны анкирскаго собора дѣйствительно слѣдуютъ за никейскими и предшествуютъ канонамъ неокесарійскимъ. Слѣдовательно, судя по положенію этихъ канонивъ въ рукописяхъ, фальсификаторъ могъ бы сдѣлать да-

¹⁾ Ср. *Schwartz*, VII, S. 342. По справедливому замѣчанію Шварца: „если письмо“ императора „говоритъ о соборѣ, который давно состоялся въ Анкирѣ, то оно является болтовней не фальсификатора, а сумасшедшаго“.

²⁾ *Schwartz*, VII, S. 342.

³⁾ *Schwartz*, VII, 312.

же тотъ выводъ, что анкирскій соборъ былъ послѣ никейскаго. Если же онъ былъ настолько внимателенъ, что прочиталъ сволна и надписи надъ анкирскими канонами, изъ которой ясно видно, что соборъ анкирскій былъ раньше никейскаго¹⁾, то не совсѣмъ понятнымъ представляется, что его любознательность остановилась только на этой надписи, и онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на надписи надъ канонами неокесарійскаго собора, изъ которой узнать бы, что этотъ соборъ былъ послѣ анкирскаго, но раньше никейскаго²⁾. слѣдовательно, не анкирскій, а этотъ неокесарійскій соборъ непосредственно предшествовалъ никейскому собору.

Спрашивается: почему же „фальсификаторъ“ въ сфабрикованномъ имъ документѣ упомянулъ только о соборѣ въ Анкирѣ и умолчалъ о соборѣ въ Неокесаріи? Почему его такъ интересовалъ именно соборъ въ Анкирѣ?—По составу вѣдь неокесарійскій соборъ былъ аналогиченъ съ анкирскимъ (на обоихъ присутствовали между прочимъ и Луиатарскій, такъ интересавшіи предполагаемаго „фальсификатора“ антиохійскаго посланія), а по числу членовъ превосходить его³⁾.

¹⁾ Въ древнѣйшихъ греческихъ рукописяхъ анкирскіе каноны надписываются: *Κανόνες τῶν ἐν Ἀγκύρῃ συναθροιστῶν μηκρίων πᾶτερων, οἵτινες προγενέστεροί μὲν εἰσι τῶν ἐν Νικαίῃ ἐκταθέντων κανόνων, δευτέρουσι δὲ διὰ τὴν τῆς αἰουρανεῖκῆς συνόδου εὐθένησαν.* — — *Th. Bruns, Bibliotheca ecclesiastica I. Canones Apostolorum et conciliorum saeculorum IV, V, VI, VII, Berolini, 1839, p. 63.*

²⁾ *Κανόνες τῶν ἐν Νεοκισαρείῃ συναθροιστῶν ἁγίων καὶ μηκρίων πᾶτερων, οἵτινες δεύτερον μὲν εἰσι τῶν ἐν Ἀγκύρῃ, τῶν δὲ ἐν Νικαίῃ προγενέστεροι, διὰ δὲ ἐξαραιούσης προτέτακται αὐτῶν [οἱ] ἐν Νικαίῃ.* — *Bruns, p. 71*—Историческую достовѣрность этихъ надписей надъ канонами признають и *Hefele, Conciliengeschichte I, 219—20, 242—3* и самъ *Harnack, Chronologie II, 160—1.*

³⁾ По достовѣрнымъ спискамъ на анкирскомъ соборѣ присутствовали всего 13 епископовъ, на неокесарійскомъ 22—23 епископа.—Предсѣдателемъ обоихъ соборовъ по сирскимъ и латинскимъ спискамъ былъ Виталій антиохійскій. Но по *Libellus synodicus* и армянскому списку у *Rackham, Studia biblica et ecclesiastica, Oxford 1891, III, p. 211* (по рук. *Сопуеаре'а*) — *А. И. Бриллиантовъ, Къ исторіи армянскаго спора, стр. 3=*

Словомъ: догадка Гарнакка имѣла бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, еслибы неподлинность этого письма Константина была уже доказана.

„Евсевій въ *de vita Const.* III, 6, какъ извѣстно, не сообщила приглашеннаго письма на никейскій соборъ; онъ пишетъ только, [что] императоръ собралъ вселенскій соборъ, *συνέβηεν ἀπαιτηθῆεν τῶς ἐπισκόποις ὑράμασι τριτηκοῖς παρακαλούμενος.* Это письмо или письма писаны еще на греческомъ языкѣ не сохранились. Должно ли это письмо сохраниться на сирскомъ?—Это было бы возможно, но столь же возможно, что его сочинили *nachträglich*, потому что его не находили. Что предлежащій намъ документъ сочиненъ и слѣд. неподлинненъ, получается 1, изъ непробованнаго, но фактически невозможнаго отношенія къ собору анкирскому; 2. изъ отсутствія адреса—если принять надписаніе „къ собору 318 отцовъ“ за первоначальное, то неподлинность уже рѣшена, если же принять его за позднѣйшее, то письму недостаетъ самаго необходимаго“.

Объ отношеніи къ собору въ Анкирѣ была уже рѣчь выше (въ главѣ III-ей). Что касается адреса, то, конечно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ подлинномъ указѣ Константина онъ былъ, и что наличный адресъ *πρὸς τῆν ἐκκλησίαν*

Хр. Чт. 1913, 874, прим 1—предсѣдателемъ анкирскаго собора былъ самъ Маркеллъ анкирскій, и *Th. Zahn*, *Marcellus v. Ancyra*. *Goth.* 1867, S. 9, предполагалъ, что имя Виталія вставлено тутъ затѣмъ, чтобы во главѣ этого собора не являлся *εἰρηκός* Маркеллъ. Несомнѣнно Цанъ заходить слишкомъ далеко, когда предполагаетъ, будто и въ никейскихъ спискахъ [не во всѣхъ!] имя Маркелла искажено въ *Rapcharius* съ авалогичной цѣлю. Но фактъ, что предсѣдателемъ неокесарійскаго собора, кажется, по всѣмъ сохранившимся спискамъ былъ Виталій, позволяетъ поставить вопросъ: не перенесено ли имя Виталія въ списки анкирскихъ отцовъ изъ списковъ неокесарійскихъ, подобно тому, какъ—по моей гипотезѣ—имя „Евсевій“ въ заголовкѣ новооткрытаго посланія антиохійскаго собора 324 года взято изъ списка епископовъ позднѣйшаго собора 332/3 года?—Въ такомъ случаѣ на соборѣ въ Анкирѣ присутствовало не болѣе 12-и епископовъ.

τὸν τῆ' πατέρων—подвѣйшій и неправильный. Но отсутствіе адреса не есть аргументъ противъ подлинности документа, такъ какъ этотъ адресъ могъ быть утраченъ даже случайно, и подвѣйшая надпись сдѣлана кѣмъ то—довольно неудачно— по содержанию указа.

Но мало того: какъ разъясняетъ Швартцъ¹⁾, канонистъ, принявшій этотъ указъ Константина въ свой сборникъ, даже необходимо долженъ былъ опустить его адресъ. Дѣло въ томъ, что указъ этотъ и въ оригиналѣ не имѣлъ одного общаго для всѣхъ экземпляровъ его адреса: каждый экземпляръ написанъ былъ именемъ того епископа, которому былъ адресованъ. И такъ какъ его адресатами были будущіе отцы никейскаго собора, то авторъ наличнаго написанія и объединилъ ихъ всѣхъ въ общемъ названіи „собора 318-и отцовъ“.

„3. Три основанія, которыя приводятся за созваніе [собора] въ Никею (вниманіе, Rücksicht къ италійскимъ и европейскимъ епископамъ, здоровое положеніе города, возможность для императора быть „зрителемъ и участникомъ“), могутъ еще годиться, но чтобы въ приглашеніи отсутствовали фактическія основанія за созваніе великаго собора—это невѣроятно. Мы знаемъ, что соборъ созванъ былъ, чтобы уладить аріанскіе споры и устранить разность“ въ празднованіи „пасхи. Это естественно должно было быть сказано въ приглашеніи“.

Но эти фактическія основанія должны были быть указаны въ *первомъ* указѣ Константина, созывавшемъ епископовъ на соборъ въ Анкиру, и повторять ихъ въ этомъ *второмъ* указѣ, перемѣнявшемъ лишь мѣсто собора, было излишне. Само собою разумѣется, что западные епископы, къ которымъ приглашеніе на соборъ въ Анкиру не послышалось, получили приглашеніе на соборъ въ Никею въ нѣсколько

---

¹⁾ Schwartz, VII, 341.

ной формѣ, вѣроятно съ указаніемъ и поводовъ къ собору¹⁾. По это письмо Константина до насъ не дошло. Что наличный документъ представляетъ копию письма, отправленнаго кому-либо изъ епископовъ востока, видно изъ того, что объ италійскихъ и вообще европейскихъ епископахъ въ немъ идетъ рѣчь въ 3-мъ лицѣ.

Возможное возраженіе: если „фактическія основанія“ для созванія собора указаны были въ первомъ письмѣ Константина, созывавшемъ епископовъ на соборъ въ Анкиру, то почему же въ сирійскіе каноническіе сборники принято не это письмо, а другое, только переносившее соборъ изъ Анкиры въ Никею,—въ сущности устранено уже Шварцемъ²⁾. По его мнѣнію, это второе письмо принято въ *Согрип саопит* 1) потому, что въ немъ императоръ возвѣщаетъ о своемъ намѣреніи лично присутствовать на соборѣ и принять въ немъ участіе. Это—по мнѣнію Шварца—имѣло правовое значеніе, *rechtliche Bedeutung*; изъ письма, будто бы, „слѣдовало, что надъ вселенскимъ соборомъ стоялъ императорскій авторитетъ“; 2) потому, что только этимъ

¹⁾ Что западные епископы получили приглашеніе въ Никею въ иной формѣ, чѣмъ разбираемое письмо Константина, принимаетъ и *А. И. Бриллиантовъ*, Къ исторіи аріанскаго спора, стр. 50—51 [=Хр. Чт. 1913, 1199—1200]. Но, по его мнѣнію, даже и не все епископы востока получили это приглашеніе въ его наличномъ видѣ, а только одни бывшіе участники антиохійскаго собора 324/5 года, отъ котораго, по *А. И. Бриллиантову*, исходила инициатива назначенія великаго собора въ Анкирѣ; а „особаго «перваго» указа императора о созваніи собора въ Анкирѣ—могло и не быть“. Однако отсутствіе въ наличномъ приглашеніи „фактическихъ основаній“ къ созыву вселенскаго собора—не въ пользу этого предположенія. Особенно непоятно безъ предположенія о „первомъ указѣ“, отсутствіе въ наличномъ указѣ всякаго упоминанія о разности въ празднованіи пасхи. Объ этой разности въ документахъ антиохійскаго собора 324 года не сказано ни слова. А между тѣмъ самого Константина В., какъ доказываетъ его посланіе къ церквамъ *Περί τῆς ἁγίας* у *Eus. de vit. Const. III, 17—20*, этотъ церковно-практическій вопросъ интересовалъ гораздо больше, чѣмъ самый аріанскій споръ.

²⁾ *Schwartz*, VII, 342—343 [цифры 1) и 2) поставлены мною].

письмомъ императоръ превращалъ задуманный раньше восточный соборъ въ Анкирѣ во вселенскій, такъ какъ въ Никею приглашалъ и западныхъ епископовъ.

Во II-й статьѣ (S. 421—2) Гарнакъ коснулся только 1-го изъ этихъ оснований Шварца и обошелъ полнымъ молчаніемъ 2-е. Ему только показалось „новымъ“ (neu), что присутствіе или участіе на соборѣ императора имѣло „правовое“ значеніе. Я могу согласиться съ тѣмъ, что Шварцъ преувеличиваетъ значеніе присутствія на соборѣ императора, разъ ставитъ авторитетъ императора выше авторитета самого вселенскаго собора. Только что перенесшая гоненіе, Церковь едва ли была такого взгляда, хотя многіе епископы и находились, вѣроятно, подъ такимъ обаяніемъ личности императора-христианина, что готовы были подчиняться ему во многомъ, даже и сами того не замѣчая. И послѣдующая исторія даетъ не одинъ примѣръ, что соборы, имѣвшіе характеръ вселенскихъ и утвержденные императорами, отвергались однако Церковью, какъ еретическіе. Такъ было съ соборами: аримино-селевкійскимъ, 2-мъ ефесскимъ (разбойничьимъ) и копронимовымъ. То безспорно однако, что на всѣхъ вселенскихъ соборахъ (исключая кажется 2-го) императоры если не присутствовали лично, то имѣли своихъ представителей, и по окончаніи собора утверждали его постановленія. Слѣдовательно, выражаемое въ спорномъ письмѣ Константиномъ В. желаніе быть „зрителемъ и участникомъ“ на соборѣ въ Никеѣ—не такой пустякъ, чтобы даже изъ-за одного этого его не внесли въ *Corpus canonum*. Но помимо того, что Гарнакъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на указанное Шварцемъ для этого 2-е основаніе (приглашеніе западныхъ епископовъ), по моему мнѣнію, именно это письмо попало въ собраніе каноновъ уже по той простой причинѣ, что только въ немъ Константинъ В. приглашалъ епископовъ въ *Никею*; первое же письмо приглашало ихъ на соборъ въ Анкиру, который не состоялся, и

уже поэтому одному могло быть опущено. При этомъ ингле изъ компиляторовъ каноническихъ сборниковъ едва ли были даже въ состояніи догадаться, что созываемый въ Анкиру соборъ, о которомъ шла рѣчь въ этомъ первомъ письмѣ, и есть тотъ самый соборъ, который состоялся потомъ въ Никее. Можетъ быть, о самомъ арианствѣ Константинъ В. выразился здѣсь такъ неясно (опчъ вѣдь несомнѣнно не понималъ предмета спора), что далеко не все могли понять, съ какою именно цѣлію созывался этотъ соборъ въ Анкиру. И мнѣ представляется даже не невозможнымъ, что ингле и въ то время, какъ теперь Гарнаккъ, воображали, что и въ 1-мъ и во 2-мъ письмѣ Константина рѣчь идетъ объ известномъ помѣстномъ соборѣ въ Анкирѣ. Чтобы правильно понимать и датировать документы даже и не особенно давняго прошлаго, нужно быть иногда очень хорошимъ ученымъ; а отъ заурядныхъ компиляторовъ составляемыхъ главнымъ образомъ съ практическою цѣлію собранія каноновъ мы не вправе ожидать особенной критической прощнательности.

4. Стиль письма совершенно различенъ отъ хорошо намъ известнаго стиля христіанской канцеляріи Константина⁴⁾—голословно заявляетъ Гарнаккъ.

Въ вопросѣ о слогѣ императора Константина я не могу признать себя компетентнымъ, такъ какъ письма его не были предметомъ моего изученія. Тѣмъ не менѣе могу замѣтить слѣдующее:

1) Слогъ этого указа могъ сильно пострадать при переводѣ на сирскій. Какія нибудь тамъ характерныя выраженія слога Константина В. или его канцеляріи могли исчезнуть въ сирскомъ¹⁾, и Швартцу не удалось восстано-

¹⁾ *Rogala*, Die Anfänge des arianischen Streites, Paderborn 1907, S. 45, сообщаетъ, что характерными для слога Константина по изслѣдованію издателя de vita Constantini Heikel'я являются—частица „δηλαδῆ“ и мѣстоименія: „ἐκεῖνος“ и „ὁσπαρ“. Нетрудно видѣть, какъ легко могли эти словечки исчезнуть при двойномъ переводѣ.

вить ихъ (въ своихъ переводахъ съ сирскаго на греческій онъ и не претендуетъ дать реконструкцію самаго оригинала уже потому, что сирскій языкъ бѣднѣ греческаго).

2) Даже при доказанномъ различіи слога этого документа съ подлинными письмами Константина, его „неодлинность“ нельзя было бы считать бесспорнымъ фактомъ. Самъ же Гарнакъ признаетъ, что Константинъ не самъ писать свои письма: онъ говоритъ о его „христіанской канцеляріи“. А въ такомъ случаѣ кто поручится, что всѣ письма написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ? И если даже будетъ доказано, что всѣ остальные письма Константина и раньше и послѣ 325 года составлены однимъ и тѣмъ же лицомъ, то нельзя считать безусловно невозможнымъ, что составленіе приглашеній епископовъ на соборъ поручено было другому лицу, напр. болѣе важному чиновнику, чѣмъ тотъ, который составлялъ остальные письма.

3)—самое главное: различіе въ слогѣ даннаго письма т. е. его приблизительной реконструкціи у Швартца) съ бесспорно подлинными письмами Константина едва ли не существуетъ лишь въ воображеніи Гарнакка. См. параллели между спорными и бесспорными письмами Константина, отмѣченныя у меня въ Хр. Чт. 1911, сентябрь стр. 1018 [=Ант. соб. 38].—Возможно, что болѣе тщательное сравненіе спорнаго указа съ подлинными письмами Константина откроетъ и другія знаменательныя совпаденія ¹⁾. Но и приведенныхъ мною въ 1911 году примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что слогъ этого документа вовсе не такъ различенъ отъ обычнаго слога „христіанской канцеляріи“ Константина, какъ это—совершенно голословно—утверждаетъ Гарнакъ.

Или неправдоподобенъ самый фактъ, сообщаемый какъ этимъ письмомъ Константина, такъ и посланіемъ антиохійскаго собора 324 года, что никейскій соборъ первоначально предполагался въ Анкирѣ?

¹⁾ Ср. теперь *E. Seeberg*, SS. 172—3.

Городъ Анкира, какъ мѣсто назначеннаго „великаго“ собора, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Уже тотъ фактъ, что именно въ Анкирѣ состоялся вскорѣ по окончаніи гоненія извѣстный помѣтный соборъ—соборъ не многочисленный, но составившійся изъ епископовъ различныхъ провинцій—показываетъ, что городъ этотъ считался удобнымъ, какъ мѣсто собора. И это неудивительно. Анкира лежитъ въ центрѣ Малой Азіи, въ той области, гдѣ христіанство было распространено наиболѣе сильно: чрезъ нее шла дорога изъ Сиріи (и Кесаріи кашадокійской) въ тогдашнюю столицу имперіи Никомидію. Епископомъ анкирскимъ въ то время былъ Маркеллъ, присутствовавшій и на помѣтномъ анкирскомъ соборѣ. Это былъ богословъ, выросшій на сочиненіяхъ древнихъ церковныхъ писателей (апологетовъ, св. Иринея и св. Ипполита, ко взглядамъ котораго всего ближе примыкаетъ его догматическая система), которому даже и система Оригена съ ея ясно выраженнымъ ученіемъ о лицахъ Св. Троицы, какъ различныхъ ипостасяхъ, т. е. почти существахъ, была не симпатична; въ системахъ же Арія и его малоазійскихъ и восточныхъ покровителей, изъ числа лукіанитовъ и лѣвыхъ оригенистовъ. Маркеллъ увидѣлъ прямо поворотъ къ языческому политеизму и вступилъ съ ними въ борьбу, жертвою которой и палъ потомъ, когда евсевіане вошли въ силу. Какъ горячій противникъ Арія Маркеллъ несомнѣнно показалъ себя и до 325 года. Въ самой Анкирѣ онъ встрѣчался напр. съ такими видными покровителями Арія, какъ Павлинъ тирскій и его другъ знаменитый историкъ Евсевій кесарійскій¹⁾.

Неизвѣстно, встрѣчался ли до 325 года съ Маркелломъ Осій кордубскій; но какъ о выдающемся антиаріанствѣ, онъ могъ знать о Маркеллѣ отъ Александра александрійскаго.

¹⁾ Euseb. Marcell. I, 4, 38, p. 27, ed. Gaisford p. 56. См. въ моей статьѣ: „Павлинъ и Зинонъ епископы тирскіе“ въ Виз. Врем. т. XX. (1913). Отд. I, стр. 8—9, прим. 6.—Объ Евсевіи см. у А. И. Бриллиантова въ Хр. Чт. 1913, стрр. 1194—5 [=къ ист. аріан. спора, 45—46], прим.

Поэтому даже самъ Осій могъ предложить Анкиру, какъ мѣсто собора или же—поддержать предложеніе, сдѣланное тѣмъ же Маркелломъ. Съ точки зрѣнія интересовъ православія въ 324 году вообще трудно было подыскать городъ болѣе подходящій для большого собора епископовъ востока, чѣмъ Анкира.

И въ 358—9 гг., когда, послѣ землетрясенія 24 или 28 августа 358 г. рѣшено было вмѣсто одного вселенскаго собрать два собора: западный и восточный и или переговоры о мѣстѣ восточнаго собора, одно время думали созвать его въ Анкирѣ¹⁾.

Съ другой стороны и перенесеніе уже назначеннаго собора изъ Анкиры, въ Никею ничего безпримѣрнаго въ исторіи древней церкви не представляетъ. Известно, напримеръ, что 4-й вселенскій соборъ назначенъ былъ первоначально въ Никею, и епископы уже собрались въ Никею и дождались отергнтія собора императоромъ Марціаномъ, когда получено было ими приглашеніе отъ императора перейти въ Халкидонъ.

Извѣстна, датѣ, исторія созванія ариминно-селевкійскаго собора 359 года. Константій предполагалъ сначала созвать вселенскій соборъ въ Никею; но затѣмъ передумалъ и назначилъ мѣстомъ его Никомидію. Епископы уже получили приглашеніе на этотъ соборъ, и многіе изъ нихъ были на пути въ Никомидію, какъ пришло навѣстіе о страшномъ землетрясеніи 24 или 28 августа 358 года, разрушившемъ этотъ городъ, причѣмъ погибъ и епископъ никомидійскій Кекроній. Послѣ этого сначала опять была выдвинута Никея, какъ мѣсто собора, и посланъ уже былъ указъ, созыва-

¹⁾ *Hilarii*, De synodis n. 8 (Migne PL. t. 10, col. 485 p. 463). Sed maxime cum comperissem synodos in Ancyra atque Arimino congregandas, etc. Мѣсто это найдено мною по цитатѣ у *J. Gummerus*, Die homöusianische Partie bis zum Tode des Konstantius. Leipzig 1900 S. 103. A. 3

вавшей епископовъ въ Никее. Но оказалось, что и Никея пострадала отъ землетрясенія. Поэтому епископамъ послано было распоряженіе оставаться тамъ, гдѣ каждый изъ нихъ находился, и ждать новаго указа. Тогда рѣшено было вмѣсто одного вселенскаго собора созвать два: одинъ западный въ Ариминѣ, другой—восточный; но о мѣстѣ восточнаго собора опять пошли споры: одни предлагали Тарсъ, другіе (вѣроятно—самъ Василій⁴⁾ анкирскій)—Анкиру. Наконецъ сошлись на Селевкіи исаврійской¹⁾.

Такимъ образомъ и въ 358—9 гг. собирались составить „великій“ соборъ и въ Никее и даже въ Анкирѣ.

Конечно Анкира, какъ мѣсто восточнаго собора, предложена была самимъ же Василиемъ анкирскимъ, не вполнѣ еще утратившимъ въ то время свое вліяніе на императора Константія. Но нѣкоторое значеніе могло тутъ имѣть и воспоминаніе о помѣстномъ соборѣ въ Анкирѣ и, можетъ быть, даже и о томъ, что и въ 324—5 гг. предпологался великій соборъ въ Анкирѣ: Василий, какъ коренной житель Анкиры, могъ знать объ этомъ даже и помимо письменныхъ источниковъ. Но важенъ даже тотъ простой фактъ, что въ 358—9 гг. серьезно говорили объ Анкирѣ, какъ мѣстѣ большаго

¹⁾ Наиболѣе полно эта предварительная исторія селевкійскаго собора изложена у Sozomen. h. e. IV, 16; ср. Soer. II, 39, 37; Athan. de syn. n. 1; Thdr. h. e. II; Philostorg. IV, 10—11. Hilar. de synod. c. 8. Ср. *Gummers*, SS. 100—105, гдѣ показанія историковъ сведены къ источникамъ и изслѣдованы самымъ основательнымъ образомъ. Ср. также приведенную у А. И. Бриллиантова въ Хр. Чт. 1913, сент. 1180—1 [32—3]. записку В. В. Волотова. Я не могу только согласиться съ Гуммерсомъ въ томъ, что ко времени никомидійскаго землетрясенія дѣло не дошло еще до приглашенія епископовъ (S. 103). Молчаніе о Никомидіи у Аванасія в. легко обьясняется тѣмъ, что онъ жилъ въ то время въ изгнаніи и едвали былъ ознакомленъ наилучшимъ образомъ о всѣхъ приготовленияхъ къ новому „великому“ собору,—и потому не даетъ права заподозривать точность показанія Созомена, который пользуется здѣсь, какъ доказываетъ самъ Гуммерсусъ—весьма хорошимъ источникомъ оміусіанскаго происхожденія (не Савиномъ, а чѣмъ то въ родѣ Vita Basilii [ансугани]—*Gummers*, SS. 101—2).

собора. Этотъ городъ, слѣдовательно, считался вполнѣ подходящимъ для многолюднаго собранія епископовъ.

А слѣдовательно, сообщеніе двухъ сирскихъ документовъ, что 1-й вселенскій соборъ былъ назначенъ сначала въ Анкиру, не содержитъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго и подтверждается аналогичными случаями изъ исторіи другихъ соборовъ. Императоры византийскіе не стѣснялись переводить соборы епископовъ изъ города въ городъ, если это было почему либо необходимо или просто желательно самому императору. Напр., 4-й вселенскій соборъ переведенъ былъ изъ Никеи въ Халкидонъ потому, что императоръ Маркіанъ, хотѣвшій лично присутствовать на соборѣ, вынужденъ былъ вести войну съ гуннами и потому не могъ слишкомъ далеко отъѣзжать изъ Константинополя. Халкидонъ же отдѣляется отъ Константинополи только проливомъ. Въ 358-9 г. соборъ не состоялся ни въ Никомидіи, ни въ Никее потому, что города эти пострадали отъ землетрясенія. Но и разбираемое письмо Константина указываетъ ясно даже три причины перенесенія собора изъ Анкиры въ Никее. Соборъ переносится сюда, по словамъ Константина: 1) потому, что на него отправляются епископы изъ Италіи и другихъ частей Европы¹⁾. 2) изъ-за хорошаго климата Никеи и 3) потому, что онъ самъ желаетъ быть зрителемъ и участникомъ собора.

Остается устранить возможный *argumentum a silentio*. То вѣрно, что не только церковные историки 5 вѣка, но и современники и участники никейскаго собора Евсевій кесарійскій и Иоансіи В. не упоминаютъ о томъ, что соборъ этотъ сначала предполагался въ Анкирѣ. Но ни Евсевій, ни Иоансіи не писали настоящей исторіи никейскаго собора.

---

¹⁾ Δεῖτε τὸ ἐν τῇ Περσικῇ καὶ τῶν λοιπῶν Ἑυρώπης μερῶν ἐργαστῶ ἐπισκόπων. Слово „Европа“ здѣсь употреблено въ современномъ смыслѣ части свѣта (а не провинціи).—Ср. Eus. de vita Const III, 7.

Евсевій говорить объ этомъ соборѣ въ своемъ панегирикѣ Константину, извѣстномъ подь именемъ „Жизни Константина“, и въ своемъ—оправдательномъ—письмѣ къ кесаріицамъ. Ни тамъ, ни здѣсь Евсевій не имѣлъ особлхъ побужденій упоминать о томъ, что никейскій соборъ сначала назначенъ былъ въ Анкиру. Эта подробность не прибавляла ничего къ славѣ Константина, какъ перваго христіанскаго императора, и нисколько не извиняла Евсевія въ томъ, что онъ вопреки своему убѣжденію подписалъ никейскій символъ съ его терминами ἐκ τῆς οὐσίας καὶ ὁμοούσιον и анаоематизмами на ученіе Арія, котораго раньше Евсевій считалъ православнымъ, а, пожалуй, даже ослабляла бы впечатлѣніе отъ того отмѣчаемаго Евсевіемъ факта, что мѣстомъ вселенскаго собора избранъ былъ городъ νίκης ἐπέωνος—„побѣды тезоименный“. Поневзлшше впрочемъ отмѣтить, что то немногое, что сообщаетъ Евсевій о письмѣ Константина, приглашавшемъ епископовъ на соборъ въ Никею (σπεύδεται ἀπανταχούθεν τοῖς ἐπισκόποις ἡρώματιν τετραταῖς παρακαλύβουος, Eus. de vit. Const. III. 6), вполне подходитъ къ разбираемому письму (ἄνεο τινὸς μετὰ ἡσέως). Аѳанасій В. въ 325 году былъ только діакономъ, приглашеніе на соборъ въ Анкиру, а потомъ и въ Никею получить не онъ, а тогдашній епископъ Александріи св. Александръ ¹⁾. О цѣли созванія собора Аѳанасій, правда, имѣлъ точныя свѣдѣнія. По всѣмъ его сочиненіямъ писаны съ полемической цѣлію, и ни одно изъ нихъ не даетъ настоящей, фактической исторіи возникновенія арианства и созванія никейскаго собора. Сочиненіе Аѳанасія В., именуемое подь именемъ De decretis Nicaeni synodi, имѣетъ спеціальную цѣль—дать отвѣтъ на вопросъ арианъ: διὰ τί οἱ ἐν τῇ Νικαίᾳ συνελθόντες ἔγραψαν ἀγράφοις [=не встрѣтающіися въ Свщценомъ Писаніи] λέγειν, τὸ ἐκ τῆς οὐσίας καὶ τὸ ὁμοούσιον. Цѣли этой

¹⁾ По А. И. Бриллиантову, I. с. стр. 51 [1260], даже и Александръ не получилъ приглашенія на соборъ въ Анкиру.

цѣли упоминаніе о несостоявшемся соборѣ въ Анкирѣ было совершенно излишне. Отъ сочиненій участника никейскаго собора Маркелла анкирскаго до насъ сохранились лишь отрывки. Наконецъ, объ этомъ соборѣ писать Савинъ практійскій. Но онъ былъ македоніанинъ—антинякеецъ и былъ очень невысокаго мнѣнія объ этомъ соборѣ, отзывался объ его членахъ какъ людяхъ необразованныхъ, а потому, вѣроятно, и не особенно интересовался его исторіей. Мы впрочемъ не можемъ сказать съ полною увѣренностію, что у Савила совсѣмъ не было рѣчи о томъ, что соборъ предполагался сначала въ Анкирѣ. Его *συνηγορη συνόδων* не дошла до насъ и мы можемъ судить о ней только по сообщеніямъ Сократа и Созомена; но оба эти историка могли и сами опустить эту подробность, какъ неважную.

Далѣе, о томъ, что халкидонскій соборъ былъ назначенъ сначала въ Никсею, мы не только знаемъ изъ актовъ этого собора, но объ этомъ упоминаетъ и историкъ Евagriй (II, 2). Но отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что и историки 5 вѣка должны были упомянуть (или даже только знать) о назначеніи I-го вселенскаго собора въ Авкиру, или что письма Константина, приглашавшія епископовъ сначала въ Анкиру, а потомъ въ Никсею, должны были дойти до насъ въ греческомъ подлинникѣ.

а) Отъ халкидонскаго собора до насъ сохранились подробные акты; тогда какъ отъ собора никейскаго мы имѣемъ лишь символъ, правила и посланія собора и императора, написанные по окончаніи собора. Возможно, что такихъ дѣяній, какіе мы имѣемъ отъ 3-го, 4-го и послѣдующихъ вселенскихъ соборовъ, т. е. подробной записи всего происходившаго на соборѣ, на никейскомъ соборѣ и не было составлено. Но то во всякомъ случаѣ безспорно, что до насъ не дошли въ греческомъ подлинникѣ и такіе документы собора, въ существованіи которыхъ невозможно сомнѣваться: указъ Константина, созывавшій епископовъ на соборъ въ

Никею, несомнѣнно вѣдь существовала (о немъ упоминаетъ Евсевій); но мы его не имѣемъ въ греческомъ подлинникѣ. Весьма возможно, что его не имѣть подъ руками и Савинъ ираклійскій.

б) 4-й вселенскій соборъ былъ переведенъ изъ Никеи въ Халкидонъ, когда всѣ епископы уже находились въ Никее. И Евagriй знаетъ объ этомъ фактѣ изъ адреса посланія Льва в. къ собору, съ которымъ онъ посылалъ на соборъ своихъ легатовъ Паскасна, Лукентія и прочихъ 1).

1-й вселенскій соборъ переведенъ былъ изъ Анкиры въ Никею, когда епископы еще находились дома. Соборъ въ Анкирѣ въ 325 году не состоялся вовсе. Забыть о немъ было бы естественно даже и въ томъ случаѣ, еслибы опредѣленіе никейскаго собора удовлетворило всѣхъ епископовъ и не встрѣтило такой оппозиціи со стороны восточныхъ.

в) Именно тотъ фактъ, что халкидонскій соборъ назначенъ былъ сначала въ Никею, равно какъ и въ 358/9 году два раза поднималась рѣчь о Никее, какъ мѣстѣ собора, и во 2-й разъ онъ былъ уже назначенъ въ этотъ городъ, и объясняетъ намъ, почему никейскій соборъ предполагался сначала въ Анкирѣ. Никея мѣстомъ собора 451 года выбрана была, конечно, какъ городъ, въ которомъ собирався 1-й вселенскій соборъ. Равнымъ образомъ и Диоскоръ мѣстомъ „вселенскаго“ собора, созываемаго для суда надъ „несторіанами“: Флавіаномъ, Евсевіемъ, Теодоритомъ, Ивою, Домномъ, избралъ Ефесъ, очевидно потому, что тамъ былъ 3-й вселенскій соборъ, осудившій самого Несторія. И въ 324 году могли мѣстомъ собора выбрать Анкиру именно потому, что тамъ незадолго предъ этимъ собирався помѣстный соборъ.

Наконецъ, г) невозможно указать и повода, по которому кто-либо сталъ бы сочинять документы въ родѣ разбирае-

---

1) Evagr. 2. 2 p. 283. D. Vales.—Левъ В. конечно не могъ предвидѣть, что соборъ будетъ переведенъ въ Халкидонъ.

мага. Для поздвѣйшихъ никейцевъ тотъ фактъ, что никейскій соборъ назначенъ былъ сначала въ Анкиру, не прибавлялъ ничего къ славѣ этого собора, не увеличивало ни на йоту его авторитетъ. Фальсификаторы же чаще выдаютъ себя тѣмъ, что опускаютъ подобныя подробности въ исторіи созыва соборовъ, чѣмъ присочиняютъ ихъ отъ себя. Напр. авторъ контскаго „похвальнаго слова Макарію, епископу города Ткоу“ уличаетъ себя въ томъ, что онъ—только *псевдо*-Діоскоръ, между прочимъ и тѣмъ, что, рассказывая о мнимо константинопольской конференціи, не говоритъ ничего о Никей. какъ первоначальномъ мѣстѣ халкидонскаго собора¹⁾.

Соборъ въ Анкирѣ, судя по письму Константина, предполагался лишь какъ соборъ восточныхъ епископовъ²⁾.

Но почему же Константинъ теперь измѣняетъ планъ и приглашаетъ на соборъ западныхъ епископовъ?

¹⁾ В. В. Болотовъ, Изъ церковной исторіи Египта, I, въ Хр. Чт. 1885, I, 47—8.

²⁾ По А. И. Бриллиантову, Хр. Чт. 1913, стр. 1200 [51], стр. 1195—6 [46—7], даже и епископы востока на этотъ соборъ должны были явиться не всѣ; напр. на немъ не предполагалось участіе епископовъ египетскихъ. Соборъ этотъ долженъ былъ такъ же соответствовать аріанскому собору въ Визиніи, какъ антиохійскій соборъ соответствовалъ собору палестинскому. Но мнѣ это предположеніе представляется вѣроятнымъ. Сами же отцы антиохійскаго собора смотрятъ на будущій великій соборъ въ Анкирѣ, какъ на высшую въ сравненіи съ собою инстанцію; ему предстаетъ окончательное рѣшеніе вопроса о трехъ отлученныхъ епископахъ. Очевидно, соборъ въ Анкирѣ долженъ былъ окончательно рѣшить аріанскій споръ, и потому обойтись на немъ безъ участія епископовъ Египта, — провинціи, въ которой начался этотъ споръ, — было едва ли возможно. Въ особенности же непонятнымъ представляется желаніе рѣшить дѣло Арія безъ участія египетскихъ епископовъ съ точки зрѣнія самого А. И. Бриллиантова, т. е. если инициатива созванія великаго собора въ Анкирѣ исходила не отъ императора, а отъ антиохійскаго собора 324/5 года: не въ интересахъ православныхъ членовъ этого собора было устраивать отъ предполагаемаго великаго собора нѣкую сплоченную группу такихъ вѣрныхъ сторонниковъ Александра александрійскаго, какими были почти всѣ епископы Египта. И это — въ такое время, когда и въ самой Сиріи Арій имѣлъ сторонниковъ, а въ западной части Малой Азіи они составляли большинство предводимое такимъ интриганомъ, какъ Евсевій никомидійскій.

Конечно это можно объяснить влияніем Осія кордубскаго. Поѣздка въ Александрію, причемъ проѣздомъ онъ могъ побывать и на востокѣ, убѣдила Осія, что на востокѣ у Арія много сторонниковъ, и для окончательной побѣды надъ нимъ будетъ излишне и присутствіе на соборѣ немногихъ, но авторитетныхъ западныхъ епископовъ. Посланія Александра александрійскаго къ Александру оессалоникскому и Сильвестру римскому тоже могли побудить самихъ этихъ епископовъ принять участіе въ окончательномъ рѣшеніи христіанскаго спора. Но главный поводъ къ этому превращенію предполагавшагося восточнаго собора во вселенскій соборъ, какъ это признаетъ и Шварцъ, далъ антиохійскій соборъ 324 года. Я только не могу согласиться съ предположеніемъ Шварца, раздѣляемымъ отчасти и А. И. Бриллиантовымъ¹⁾, будто, переносъ соборъ изъ Анкиры въ Никеею и приглашеніе на него западныхъ епископовъ. Константинъ выражаетъ свое недовольство рѣшеніемъ антиохійскаго собора 324 года. По моему дѣло объясняется проще. Посланія антиохійскаго собора къ Александру оессалоникскому и къ епископамъ Италіи, видимо, окончательно убѣдили этихъ западныхъ епископовъ въ томъ, что вопросъ, возмущеній въ данное время весь востокъ, очень серьезный, и необходимо и имъ принять участіе на соборѣ, созываемомъ для его рѣшенія, чтобы рѣшеніе это имѣло характеръ голоса всей вселенской церкви. Но явиться на соборъ въ Анкиру, въ глубь Малой Азіи, для нихъ было неудобно. Поэтому, по всей вѣроятности, самъ Александръ оессалоникскій (лично или чрезъ Осія) просилъ Константина в. перенести соборъ куда либо поближе къ Европѣ. При этомъ я не оспаривалъ и той возможности²⁾, что Константинъ В. пригласилъ на со-

¹⁾ А. И. Бриллиантовъ, Къ исторіи аріанскаго спора, стр. 48—50 (1197—9).

²⁾ Ср. А. И. Бриллиантовъ, Къ исторіи аріанскаго спора, стр. 50, [1199] ир. 1.

борь епископовъ запада просто по вѣшевію Осіа, которому, какъ епископу того же запада, и безъ того хорошо были извѣстны убѣжденія западныхъ епископовъ по спорному вопросу, и который надѣялся найти въ нихъ поддержку. Поэтому Осій, и не дожидаясь отвѣта Александра оессалоникскаго и Сильвестра римскаго на посланіе къ нимъ антиохійскаго собора 324 года, могъ побудить императора превратить восточный соборъ во вселенскій.

Но я не могу согласиться съ тѣмъ, что „крайне малое число прибывшихъ въ Никею западныхъ епископовъ (если не считать восточно-илипрійскихъ)“⁴ [по моему, ихъ необходимо считать¹⁾], стоитъ въ противорѣчій съ моимъ предположеніемъ, что восточный анкирскій соборъ превращенъ былъ въ никейскій вселенскій по желанію Александра оессалоникскаго и другихъ западныхъ епископовъ. Я вѣдь не думаю утверждать, что, получивъ посланіе св. Александра александрійскаго и антиохійскаго собора 324 года, западные епископы собрались на соборъ и рѣшили коллективно заявить императору о своемъ желаніи присутствовать на созываемомъ великомъ соборѣ. Желаніе это было заявлено конечно только немногими отдѣльными епископами, какъ Александръ оессалоникскій, Протогенъ сердикскій, Педеротъ иракійскій, можетъ быть—даже прямо однимъ Александромъ. Но императоръ послать приглашеніе конечно всѣмъ западнымъ епископамъ, въ лицѣ ихъ митрополитовъ.—По именно новооткрытые документы и объясняютъ наилучшимъ образомъ, почему на это приглашеніе откликнулись всего 17 епископовъ, почему даже изъ такихъ близкихъ къ Вионній провинціи Европы, какъ Европа, Мисія, Дакія, Македонія, Фессалія, Дарданія, явились въ Никею по одному или по два епископа. Антиохійскій соборъ состоялся не ранѣе осени 324 года, слѣд. въ Никею соборъ перенесенъ былъ никакъ не раньше конца 324 г., но можетъ быть уже и въ началѣ 325 года (*ἀνευ τινός μελλήσεω:*—

¹⁾ Ср. *Schwartz*, VII, 343.

повидному показывають, что времени до срока оставалось не много). Получивъ приглашеніе, западные митрополиты, раньше очевидно не предполагавшіе, что и имъ придется принять участіе въ рѣшеніи этого спора, не имѣли достаточно времени, чтобы собрать соборъ епископовъ своей провинціи и рѣшить, кто именно изъ нихъ поѣдетъ на соборъ въ Никею. Но, разумѣется, не одна краткость срока помѣшала большинству епископовъ запада ѣхать въ Никею. Никейскій соборъ былъ *первымъ* вселенскимъ соборомъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова: раньше никогда епископы востока и запада не собирались на соборъ вмѣстѣ: единство вселенской церкви поддерживалось взаимными посланіями. Путешествіе на востокъ для большинства епископовъ запада было просто дѣломъ необычнымъ (да и не особенно легкимъ—по отдаленности) и потому сочтено было вполне достаточнымъ, если на вселенскій соборъ явятся одинъ или—много—два епископа отъ провинціи.

Удивительнымъ представляется только, какъ Осій и другіе сторонники св. Александра александрійскаго могли согласиться на перенесеніе собора изъ Анкиры, гдѣ епископомъ былъ рѣшительный антиаріанингъ Маркелль, въ Никею, гдѣ каедру занимать видный покровитель Арія лукіанистъ Θεогній. Съ точки зрѣнія православныхъ удобнѣе было бы избрать мѣстомъ собора напр. Ираклію еракійскую, епископомъ который былъ одинъ изъ „мужей апостольскихъ“ (у Ath. ad ep. Aeg et. Lib. 8) Педероть.—Въ выборѣ Никеи не сказалось ли вліяніе Евсевія никомидійскаго?—По въ смыслѣ аргумента противъ подлинности разбираемаго документа эта подробность не имѣетъ значенія, такъ какъ то безспорно, что рѣшеніе созвать соборъ, въ Анкиру ли, въ Никею ли, было принято Константиномъ лишь по возвращеніи Осія изъ Александріи, когда онъ, слѣдовательно, предполагается, уже освободился отъ вліянія Евсевія никомидійскаго. И тѣмъ не менѣе соборъ все же состоялся въ Никее.

По моему, вліяніе Евсевія никомидійскаго на Константина возможно было еще и въ концѣ 324 года. Какимъ бы довѣріемъ императора ни пользовался Осій, оно все же не было безграничнымъ, и убѣдить императора, что именно Евсевій и есть главный виновникъ церковной смуты, было не легко, да и преждевременно: это долженъ былъ выяснитъ соборъ. Поэтому, хотя бы Никея, какъ мѣсто собора, предложена была и Евсевіемъ, Осію неудобно было убѣждать императора—не назначать соборъ въ этотъ городъ на томъ основаніи, что Θεογνήϊй никейскій былъ сторонникъ Арія. А самъ Константинъ В. видимо съ радостію ухватился за мысль собрать соборъ именно въ Никею, городъ сосѣдній съ тогдашней столицей имперіи Никомидіей, и при томъ же *νίκης ἐπιφανούς*, и самому принять участіе въ засѣданіяхъ собора. Кромѣ того, для Осія не было и повода особенно избѣгать Никеи. Къ концу 324 года, послѣ антиохійскаго собора, положеніе достаточно выяснилось: осужденіе аріанства и на вселонскомъ соборѣ легко было предвидѣть; императоръ, пожелавшій лично присутствовать на соборѣ, былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Осія, и убѣжденія мѣстнаго епископа Θεογνήϊа не могли имѣть большого значенія для исхода соборныхъ преній. Припомнимъ, что въ 430 г. Несторій, имѣвшій сильное вліяніе на императора Θεοδοσία, согласился на назначеніе собора въ Ефесъ, епископъ котораго Мемновъ былъ на сторонѣ св. Кирилла. Кромѣ того, на соборѣ пожелать присутствовать Александръ ессалоникскій и другіе западные епископы, а римскій епископъ Сильвестръ рѣшилъ послать своихъ представителей. Немногочисленные представители западной церкви должны были однако оказать сильную поддержку св. Александру и Евстазію въ борьбѣ съ покровителями Арія. Вѣдь эти 17 епископовъ представляли собою всю западную церковь съ ея двумя апостольскими кафедрами: Римомъ и Ессалоникою. Поэтому, если раньше сторонники св. Александра видимо хлопогали о томъ, чтобы

мѣстомъ собора назначень былъ такой городъ, гдѣ былъ православный епископъ, и остановились на Анкирѣ, то теперь они были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что вопросъ о мѣстѣ собора сталъ для нихъ безразличенъ.

Въ заключеніе своего Anhang Гарнаккъ сообщаетъ, что еще Лоофсъ въ 1884 г. высказался противъ подлинности разбираемаго письма Константина ¹⁾. Но такъ какъ это было за 21 годъ до выхода въ свѣтъ посланія антиохійскаго собора 324 года, которое тоже упоминаетъ о соборѣ въ Анкирѣ и носитъ ясные признаки подлинности, то этотъ приговоръ Лоофса имѣетъ лишь историческое значеніе. Повидимому, важнѣе то, что Лоофсъ и въ 1913 году оставался на сторонѣ Гарнакка. Въ дѣйствительности однако и это послѣднее сужденіе Лоофса о новооткрытомъ документѣ является простымъ эхомъ приговора Гарнакка, и ни въ какомъ случаѣ не равняется по значенію съ тѣмъ фактомъ, что проф. Г. Крюгеръ, раньше бывшій тоже на сторонѣ Гарнакка, теперь, подъ влияніемъ Э. Зееберга, перешелъ рѣшительно на сторону Шварца.

---

¹⁾ Сужденіе Лоофса, высказанное имъ въ Theologische Literaturzeitung 1884, S. 574, приведено у А. И. Бриллиантова, 1. с. стр. 30 (1179). Лоофсъ называетъ здѣсь это письмо Константина „безспорно неподлиннымъ“, и по G. Kruger'у Theol. Litzg. 1914 № 1, Sp. 15, (рецензія на сочиненіе E. Seeberg'a, въ которой самъ Крюгеръ, вопреки своему первоначальному мнѣнію, становится рѣшительно на сторону Шварца и Зееберга) онъ будтобы и долженъ былъ такъ назвать его. По моему мнѣнію, сомнѣніе въ подлинности этого письма до 1905 г. конечно было возможно, но для того, чтобы объявлять его за „безспорно неподлинное“ слѣдовало бы предварительно найти въ немъ какіе либо признаки подлога.—Какъ всегда, гораздо болѣе провицательнымъ въ отношеніи къ этому письму оказался В. В. Волотовъ, увидѣвшій въ немъ письмо не Константина, а Константія и относившій его къ 358 году (А. И. Бриллиантовъ, 32 [1181]). Отъ его вниманія ускользнуло, что въ 358/9 г. не вселенскій, а только восточный соборъ дѣйствительно предполагался въ Анкирѣ. Но историческое чутье подсказало ему, что дѣло идетъ здѣсь во всякомъ случаѣ не о подлогѣ, а о подлинномъ документѣ.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Прим.	Строка.	Напечатано.	Нужно читать.
8	—	1—2	а „неизмѣнный“	а не „неизмѣнный“
12	—	15	савеліанствѣ	савеліанствѣ
14	—	7	воображаемый	воображаемый
			адресать	—адресать
15	—	14	h. l.	h. c.
16	—	3	никакимъ	никоимъ
16	—	20	Λούπος	Λούπος
17	1	3	μέλι	μέλι
”	”	7	πραχύντα	πραχύντα
”	”	11	μέλι	μέλι
31	2	9	стр. 512.	стр. 33 и стр. 107—108; прим.
33	—	21	Λούπος	Λούπος
35	5	1	συναχθέντες	συναχθέντες
49	—	1	сама	самъ
”	—	2	она	онъ
51	прим.	1	mürde	würde
69	—	1	δοξολογίαν	δοξολογίαν
”	—	3	Леонтіа], послѣ его смерти	Леонтіа], послѣ его смерти]
80	—	16	отрекался	отрекался
81	1	2	συγγραμμ. συν	συγγραμμ. συν
”	”	9	кесарійскомъ	кесарійскомъ
83	—	9	ΣΥΝΕΝ	ΣΥΝΕΝ
84	—	26	το	το
97	1	1	гл. IV, стр.	гл. II, стрр. 22—23.
115	1	4	Partie	Partei
121	2	22	большинство	большинство,
126	—	11	значение-	значение.
”	—	12	оста.	оста-

=====